

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

50
ЧАСТЬ VI
2025

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 50 (601) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяни Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаянди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Николай Иванович Пирогов* (1810–1881), русский врач-хирург.

Родился Николай Иванович в Москве, в семье военного казначея, майора Ивана Ивановича Пирогова и Елизаветы Ивановны Новиковой, которая происходила из старой московской купеческой семьи. Когда мальчику исполнилось тринадцать лет, материальное положение семьи резко пошатнулось, и сложно сказать, как сложилась бы судьба Николая, если бы не его знакомство с известным врачом, профессором Ефремом Мухиным, который бывал в семье Пироговых. Мухина Николай Иванович называл своим духовным отцом. Тот не только раскрыл в мальчике интерес к медицине, но и принял участие в судьбе Николая. Обедневшему семейству профессор помогал материально, а Коле оказывал поддержку при подготовке ко вступительным экзаменам на медицинский факультет Императорского Московского университета.

В 1828 году Николай Иванович был зачислен в Дерптский университет, где готовили будущих профессоров. Это время было не самым благоприятным для развития медицины. В народе все чаще звучали требования прекратить «богомерзкое употребление» людей. А в учебных заведениях демонстрация проводилась на различных макетах и совершенно посторонних предметах (например, преподаватель демонстрировал сокращение мышц, подергивая платок).

Однако революцию во врачебной науке совершил именно Пирогов. После защиты докторской диссертации и двухлетней учебы в Берлине он получил право выбрать российский университет, где мог бы получить профессорскую кафедру.

Свой выбор Николай Иванович остановил на Московском университете. Но по дороге на родину он тяжело заболел и надолго задержался в Риге. В итоге кафедра была занята, а Пирогов стал профессором при Дерптском университете.

Спустя несколько лет он был приглашен в Петербург. Здесь, в Императорской медико-хирургической академии, он занимался подготовкой военных хирургов. Понимая несовершенство многих методов, Пирогов начал искать новые пути спасения раненых.

Благодаря Николаю Ивановичу появились усовершенствованные или совершенно новые приемы, многие из которых используются врачами по сей день. Пирогов решил пойти против протестов публики и начал проводить показательные обучающие операции и исследования на замороженных трупах. Такой метод получил название топографической анатомии, которую также называли «ледяной анатомией».

В 1847 году, направившись в действующую армию на Кавказ, Пирогов на практике доказал эффективность своих новых методов. Здесь он впервые использовал перевязку накрахмаленными бинтами, что оказалось куда более эффективным, нежели использование обычной марли и лубков. В полевых условиях Николай Пирогов

впервые провел операцию с применением эфирного наркоза, что произвело переворот в хирургии.

Уже во время Крымской войны Пирогов стал использовать гипсовую повязку. Это было новшеством, такой метод давал куда больше шансов избежать ампутации конечностей. Пирогов вообще к ампутации прибегал лишь в крайних случаях.

Тогда же Николай Иванович обратил внимание на важность женской работы в медицине. Медсестры, служившие под его началом, были распределены на несколько категорий, что тоже повышало эффективность их работы. Именно «сортировка» медицинского персонала и раненых, созданная Пироговым, заложила основы современной лечебно-эвакуационной службы в армии.

Успехи и достижения Николая Ивановича очень скоро принесли ему большую известность. Но личная жизнь великого человека оказалась непростой. В начале 1840-х годов он решился сделать предложение Екатерине Мойер, дочери своего давнего знакомого Ивана Мойера. Но, отправив письмо ее отцу и бабушке, он получил вежливый отказ.

На втором году жизни в Петербурге доктор Пирогов тяжело заболел. Теперь он особенно остро ощущал свое одиночество и старался найти ту, которая могла бы скрасить его жизнь. После выздоровления Пирогов посватался к Екатерине Березиной, подруге детства Катеньки Мойер. Та ответила согласием, и в 1842 году состоялось скромное венчание. В этом браке родилось двое сыновей. Увы, рождение второго ребенка стоило Екатерине Дмитриевне жизни.

Тяжело переживая свою потерю, Пирогов встретил женщину, которая не меньше, чем он, страдала от душевного одиночества. Это была баронесса Александра фон Бистром, немка, принявшая православие. Вскоре после знакомства он сделал ей предложение, и его избранница ответила согласием. Именно вторая супруга стала верным другом, соратницей и помощницей Пирогова.

В 1881 году Николая Пирогова стали беспокоить боли в нёбе. После осмотра у коллег он получил неутешительный диагноз, о котором уже и сам догадывался — рак верхней челюсти. Он принял свою судьбу спокойно и хладнокровно. В декабре того же года Николая Ивановича не стало.

В черте города Винницы, в селе Пирогово, находится музей-усадьба Н. И. Пирогова, в километре от которой располагается церковь-усыпальница, где покойится забальзамированное тело выдающегося хирурга.

Памятники Пирогову установлены в Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе, Виннице, Днепропетровске, Павлограде, Тарту. Его имя присвоено Российскому национальному исследовательскому медицинскому университету. В 2018 году в Петербурге на базе Военно-медицинского музея был открыт музей Н. И. Пирогова.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Крысова Я.И.

Критерии добросовестности при запросе информации о деятельности корпорации ее участником в законодательстве и судебной практике Российской Федерации 363

Курмаев А.Р.

Методы и способы доказывания в рамках расследования преступлений против половой свободы и неприкосновенности 365

Лобода А.А.

Выход участников из общества с ограниченной ответственностью 367

Лобырева Д.А.

Особенности механизма возмещения убытков в случае нарушения страховщиком обязательства по организации и оплате восстановительного ремонта по договору ОСАГО 369

Макаров А.С.

Имущественные иммунитеты в исполнительном производстве 373

Масленников К.А.

Реализация принципа добросовестности в процессе ведения переговоров и согласования договорных условий 377

Маслова С.С.

Система наказаний в советском уголовном праве 379

Мельникович В.В.

Административно-правовая защита права на неприкосновенность частной жизни: теоретические основы, нормативное регулирование и проблемы правоприменительной практики 381

Мельникович В.В.

Административная ответственность за цифровые посягательства на личность: квалификация кибербуллинга, доксинга и несанкционированной съемки в действующем законодательстве РФ 385

Метелкина О.В.

Теоретико-правовые аспекты и уголовно-правовая характеристика кибермошенничества 389

Мисюк Е.В.

Механизмы согласия на обработку персональных данных: современные вызовы и сравнительно-правовой анализ 391

Насухов А.М.

Общественная нравственность как объект административного регулирования 393

Насухов А.М.

Здоровье как объект административно-правовой охраны 396

Нестеров И.В.

Этапы ресоциализации осужденных к лишению свободы и их содержание 398

Пасынкова Д.А.

Вопросы при квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего лица 401

Перехваткина В.А.

Распределение осужденных с особыми потребностями: правовые и организационные вызовы 404

Петрова Е.В.

Проблемы определения административно-правового статуса должностных лиц в Российской Федерации 408

Петрова В.В.

Проблемы квалификации хищения предметов, имеющих особую ценность 412

Петрова В.В.

Разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 126 и 127 УК РФ 414

Петрова В.В.

Особенности исполнения уголовного наказания в виде обязательных работ 415

Пимонов И.А.

Судопроизводство по делам об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) 417

Подвойский Д. С.

Направления совершенствования правового регулирования подрядных работ для государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации..... 419

Полушкина А. А.

Особенности характеристики личности подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах.... 421

Понеделко А. Ю.

Проблемы государственного управления в области юстиции 423

Понеделко А. Ю.

Совершенствование государственного управления в области юстиции 425

Пономарева Е. А.

Заключение под стражу как мера пресечения в уголовном судопроизводстве 427

Попова В. А., Мурадов А. А.

Вовлечение несовершеннолетних в сбыт наркотических средств в условиях цифровизации: социально-психологические и уголовно-правовые аспекты..... 434

Потапенко Е. И.

Феномен наёмных убийств: криминологический и психологический портрет исполнителя 436

Потапенко Е. И.

Правовые границы выражения мнения в цифровой среде: репост, лайк, эмодзи в контексте юридической ответственности 438

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Критерии добросовестности при запросе информации о деятельности корпорации ее участником в законодательстве и судебной практике Российской Федерации

Крысова Яна Игоревна, студент магистратуры

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье анализируются особенности дифференцированного подхода законодателя к объему получаемой участником информации о деятельности корпорации в Российской Федерации, выделяются основания и порядок предоставления информации о деятельности корпорации, а также поднимаются проблемы правового регулирования применения критерия добросовестности при предоставлении информации о деятельности корпорации ее участнику в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое регулирование, корпоративные права, права на информацию, информация о деятельности корпорации, дифференцированный объем информации, участник корпорации, деловой интерес, добросовестность, злоупотребление правом.

Право участника корпорации на получение информации о ее деятельности, а в отдельных случаях и возможность знакомиться с документами организации, изготавливать копии и, тем самым, осуществить контроль за принятыми со стороны исполнительными органами решениями является одним из базовых корпоративных прав [1, С. 4].

Данное право на сегодняшний день закреплено в Гражданском кодексе РФ, а также в профильных законах о коммерческих корпорациях с учетом изменений, принятых Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»» [8].

Принятие данного закона стало важным шагом в развитии института права участников корпораций на информацию, поскольку получил закрепление дифференцированный подход к объему получаемой участником информации о деятельности корпорации. Так, ранее участники корпораций могли иметь неограниченный доступ к информационному массиву компании, что не всегда было обусловлено с позиции права.

В настоящее время если применительно к участникам общества с ограниченной ответственностью не предусмотрено каких-либо ограничений по составу информации, которую они вправе требовать участник, то применительно к акционерам объем предоставляемой им информации о деятельности корпорации зависит от

размера акций (п.п. 2–3, 5–6 ст. 91 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»).

Так, по требованию акционера (акционеров), владеющего не менее чем 1 % голосующих акций, может быть предоставлена следующая информация:

— к информации и документам, касающимся крупных сделок и (или) сделок с заинтересованностью;

— протоколам заседаний совета директоров (наблюдательного совета);

— отчетам оценщиков об оценке имущества по крупным сделкам и (или) сделкам с заинтересованностью;

— иным документам, которые общество обязано хранить по ст. 89 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (если иное не предусмотрено уставом или акционерным соглашением, сторонами которого являются все акционеры, — только для непубличных обществ).

При этом, если названные документы и информацию запрашивает акционер (акционеры), который обладает менее чем 25 % голосующих акций, то в требовании должна быть указана деловая цель (п. 4 ст. 91 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»).

Кроме того, по требованию акционера (акционеров), владеющего не менее чем 25 % голосующих акций (если уставом не предусмотрено меньшее количество) может быть предоставлены следующая информация:

— к протоколам заседаний коллегиального исполнительного органа;

— документам бухгалтерского учета (согласно п. 11 Обобщения судебной практики, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г. такими документами признаются, в том числе, гражданско-правовые договоры, банковские выписки, содержащие сведения о движении денежных средств по счетам общества, что отражает более широкий подход к понятию «документ бухгалтерского учета» в законодательстве об акционерных обществах по сравнению с понятием «первичный учетный документ» в законодательстве о бухгалтерском учете) [2].

Вместе с тем, помимо размера акций в качестве формального критерия для объема предоставления участникам информации о деятельности корпорации, дополнительным критерием служит соотнесения права участника (акционера) хозяйственного общества на информацию с принципом (критерием) добросовестности и запретом злоупотребления правом.

По общему правилу, закрепленному в п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса РФ, добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Разумное и добросовестное осуществление корпоративных прав, проявление интереса к деятельности общества позволяют участнику (акционеру) своевременно узнать о финансовом состоянии общества, ознакомиться с документацией общества, что, в свою очередь, обеспечивает возможность защитить нарушенные права и законные интересы в установленные законом сроки.

В то же время, исходя из положений пунктов 3, 4 статьи 1 Гражданского кодекса РФ, при предъявлении требования о предоставлении информации участник (акционер) должен действовать добросовестно и не вправе использовать свое право для причинения вреда, нарушения законных интересов хозяйственного общества, его остальных участников (акционеров).

Необходимо иметь в виду, что для ряда случаев законодатель прямо установил типы недобросовестного поведения участника (акционера), при наличии которых ему может быть отказано в предоставлении информации. Например, согласно пп. 2 п. 4 ст. 50 Федерального закона от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», пп. 3 п. 8 ст. 91 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» участнику (акционеру) может быть отказано в предоставлении документов, которые запрашиваются повторно в течение трех лет при условии, что первое требование о предоставлении документа было надлежащим образом исполнено обществом.

Однако, преимущественно формулировки о возможности получения участниками и акционерами корпораций информации и документов представляется расплывчатой и оценочной. Данное обстоятельство порождает корпоративные споры, а затем и обращения с исками в арбитражный суд.

В связи с этим на сегодняшний день вопросы злоупотребления полученной информацией участниками корпораций или руководством акционерного общества в большей степени освещены в материалах судебной практике, в частности в указанном выше Обобщении судебной практики, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.

Примечательно, что Обобщение в основном сформировано на базе правоприменительной практики окружных арбитражных судов. В этом смысле это довольно необычный формат, который подчеркивает особую правоприменительную роль судов кассационной инстанции, а не просто является обзором судебной практики, основанным лишь на позициях Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

Так, примерами добросовестного интереса в получении корпоративной информации являются ситуации, в которых сведения запрашиваются для подготовки:

- к продаже акций (доли);
- суду для оспаривания договора или решения органа общества, привлечения последнего к ответственности;
- общему собранию акционеров.

Недобросовестным поведением могут признать:

- запрос конкурентом информации, которая может причинить вред интересам общества [3];
- повторные запросы одних и тех же документов при корпоративном конфликте [4];
- создание препятствий обществу в исполнении запроса (например, отказ в доступе к месту хранения документов) [5];
- постоянное изменение исковых требований путем дополнения перечня запрашиваемых документов [6];
- непредставление срока для добровольного ответа на запрос [7].

Законодательство об акционерных обществах в отдельных случаях прямо обуславливает возможность предоставления информации по требованию акционера наличием у акционера разумной деловой цели при предъявлении соответствующего требования. Поэтому арбитражным судам следует обратить внимание на следующее.

Исходя из п. 4 ст. 91 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» разумная деловая цель, в связи с которой запрашиваются документы, должна быть указана акционером, владеющим менее чем 25 % голосующих акций, если им испрашивается доступ к документам и информации, предусмотренным пунктами 2 и 3 данной статьи, в частности к информации о крупных сделках и сделках, в которых имеется заинтересованность, к отчетам оценщиков.

Согласно п. 7 ст. 91 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» под деловой целью понимается законный интерес акционера в получении сведений и документов, которые объективно необходимы и достаточны для надлежащей реализации прав акционера, предусмотренных Законом об акционерных обществах.

Как указано в данной норме, деловая цель не может считаться разумной, в частности, если: 1) общество обладает сведениями о фактических обстоятельствах, свидетельствующих о недобросовестности акционера; 2) имеет место необоснованный интерес в получении акционером документов или информации; 3) акционер является конкурентом общества либо аффилированным лицом конкурента и запрашиваемый им документ содержит конфиденциальную информацию, относящуюся к конкурентной сфере, и ее распространение может причинить вред коммерческим интересам общества.

Отсутствие в требовании акционера (акционеров) о предоставлении документов указания на деловую цель, с которой запрашивается документ, когда указание такой цели необходимо в соответствии с Законом об акционерных обществах либо если указанная цель не является разумной или же состав и содержание запрошенных доку-

ментов явно не соответствуют указанной в запросе цели, все это, как показал анализ судебной практики, может выступить для общества основанием отказать в доступе к документам и информации своему акционеру (пп.4 п. 8 ст. 91 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»).

Вместе с тем, отказ в предоставлении информации участнику корпорации с указанием на «несоответствие цели запроса критериям добросовестности и разумности» либо подозрений на такое несоответствие также может носить недобросовестный характер со стороны органов управления корпорации, что представляется недопустимым. В связи с чем, на наш взгляд, во избежание злоупотреблений с другой стороны необходимо также закрепить требование о необходимости мотивировать отказ в предоставлении информации участнику корпорации.

Литература:

1. Ломакин Д. В. Общая характеристика прав и обязанностей участников общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2021. № 2. С. 4.
2. Обобщение судебной практики (утверждено Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 2.
3. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 9 июня 2023 г. № Ф10-2624/2023 по делу № А35-3721/2021, постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 сентября 2023 г. № Ф05-21652/2023 по делу № А40-152831/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/>
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 февраля 2023 г. № Ф05-560/2023 по делу № А40-113533/2022, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 июня 2023 г. № Ф09-3835/23 по делу № А07-5707/2022, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 августа 2022 г. № Ф07-9243/2022 по делу № А21-7648/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/>
5. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 9 сентября 2019 г. по делу № А19-32103/2018, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 июня 2022 г. № 11АП-5142/2022 по делу № А55-25153/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/>
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 июля 2020 г. № Ф05-10675/2020 по делу № А40-83380/2019. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 апреля 2016 г. № Ф05-4298/2016 по делу № А41-34922/2015 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/>
7. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 апреля 2021 г. № Ф03-2117/2021 по делу № А73-12878/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/>
8. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4782.

Методы и способы доказывания в рамках расследования преступлений против половой свободы и неприкосновенности

Курмаев Артур Рафаэльевич, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

Данная статья посвящена анализу методов и способов доказывания, используемых в рамках расследования преступлений против половой свободы и неприкосновенности. Рассмотрены криминалистические, судебно-медицинские, психологические и современные технологические методы, а также их роль в сборе, фиксации и оценке доказательств. Проведен

анализ эффективности применяемых подходов и предложены рекомендации по их совершенствованию для повышения результативности расследования и обеспечения защиты прав потерпевших.

Ключевые слова: половая свобода, половая неприкосновенность, расследование, доказывание, экспертиза.

Преступления против половой свободы и неприкосновенности представляют собой особую категорию деяний, посягающих на фундаментальные права личности. Они не только наносят непоправимый вред потерпевшим, но и подрывают основы нравственности и общественной безопасности. В российском уголовном праве такие преступления регламентированы главой 18 УК РФ и включают составы, связанные с изнасилованием, насильственными действиями сексуального характера, понуждением к действиям сексуального характера, а также половыми сношениями с несовершеннолетними. Доказывание в таких делах требует особого подхода, учитывающего специфику предмета преступления, психологическую уязвимость потерпевших и необходимость применения современных криминалистических методов.

1. Обстоятельства преступления (время, место, способ совершения и другие детали).

2. Виновность подсудимого в совершении изнасилования, его форма и мотивы:

Понимал ли подсудимый что вступает в половую связь против воли потерпевшей. Необходимость установления его умысла.

3. Обстоятельства, характеризующие личность подсудимого:

Наличие судимостей. Его психологический портрет.

4. Необходимость установления степени вреда здоровью потерпевшей был нанесен и как он проявляется.

5. Обстоятельства, характеризующие личность потерпевшей:

Личные данные потерпевшей и состояние ее здоровья и психического состояния и т. д.

6. Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание.

7. Причины и условия, способствующие совершению преступления:

Это может быть обусловлены комплексом причин и условий, которые можно разделить на несколько групп: личностные характеристики преступников, социальные факторы, семейные обстоятельства, влияние среды и системные проблемы. Эти факторы взаимосвязаны и могут усиливать друг друга, создавая почву для совершения преступлений.

Теперь стоит рассмотреть конкретные следственные действия, которые проводятся во время расследования. Допрос потерпевшего — проводится с учётом возраста и психологического состояния. Для несовершеннолетних обязательно присутствие психолога или педагога (ст. 191 УПК РФ). Вопросы касаются обстоятельств до, во время и после преступления, описания преступника, деталей насилия.

Осмотр места происшествия — включает изучение подходов и подъездов, сбор материальных следов (биологических материалов, повреждений одежды, предметов, использованных при преступлении). Привлекаются специалисты (кинологи, трасологи).

Освидетельствование потерпевшего — проводится для фиксации телесных повреждений, следов борьбы, биологических следов. У женщин может включать акушерско-гинекологический осмотр.

Изъятие и осмотр одежды — выявляются разрывы, пятна, загрязнения, микроволокна. Одежда хранится до решения по делу. Перед экспертом ставятся вопросы о характере и сроках появления повреждений на теле потерпевшей, наличии признаков насилия и необходимости применения современных криминалистических методов.

Судебно-медицинская — устанавливает факт полового акта, характер и степень телесных повреждений, наличие биологических следов (сперма, кровь, слюна). Для несовершеннолетних проводится в присутствии родителей или близких лиц.

Психологическая и психиатрическая — оценивают психическое состояние потерпевшего (осознание действий, способность к сопротивлению) и подозреваемого (вменяемость, наличие психических расстройств).

Генетическая (ДНК) — идентифицирует лиц по биологическим следам. Важна для подтверждения причастности подозреваемого.

Трасологическая — исследует следы контактного взаимодействия (следы обуви, повреждения одежды, отпечатки пальцев), что помогает воссоздать картину происшествия.

Химическая — выявляет наличие наркотических или психотропных веществ в организме потерпевшего или на предметах.

Компьютерно-техническая — анализирует цифровые доказательства (переписка, фото, видео)

Следующий этап — предъявление для опознания — это следственное действие, при котором следователь может показать лицо или предмет свидетелю, потерпевшей, подозреваемому или обвиняемому. В делах об изнасиловании это обычно предполагает предъявление подозреваемого для опознания. Потерпевшая подробно допрашивается о приметах, по которым можно идентифицировать преступника. Обеспечиваются условия проведения, включая безопасность потерпевшей и исключающие дополнительное психологическое давление, чтобы исключить возможность визуального наблюдения со стороны опознаваемого;

Эффективность методов подтверждения и расследования преступлений, нарушающих половую свободу и неприкосновенность, зависит от комплексного сбора до-

казательств, взаимодействия следователей с экспертами и общественностью, а также строгого соблюдения процессуальных требований. Поэтому важно повышать эффективность методов и способов доказывания. Улучшение процесса доказывания и расследования преступлений против половой свободы и неприкосновенности требует комплексного подхода, включающего совершенствование методик, использование современных технологий, усиление межведомственного взаимодействия и внимание к психологическим аспектам дел. Ключевые направления включают оптимизацию следственных действий, развитие экспертных возможностей, профилактику и работу с особыми категориями потерпевших.

В заключение можно отметить, что эффективное расследование преступлений против половой свободы и неприкосновенности требует использования комплекса методов и способов доказывания, включающих как традиционные, так и современные подходы. Значительное значение имеют криминалистические методы, судебно-медицинские исследования, а также использование современных технологий, таких как ДНК-экспертиза и цифровая криминалистика. Комплексный и системный подход к сбору, фиксации и оценке доказательств способствует повышению эффективности расследования и обеспечению справедливого судебного разбирательства, что в конечном итоге способствует защите прав и свобод граждан.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Лунеев, В. В. Криминология: учебник для вузов / В. В. Лунеев. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 686 с.
3. Егоров, Н. Н. Криминалистика: учебник и практикум для вузов / Н. Н. Егоров, Е. П. Ищенко. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 617 с.
4. Уголовный процесс: учебник для вузов / под редакцией Н. С. Мановой. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 673 с.
5. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 448 с.

Выход участников из обществ с ограниченной ответственностью

Лобода Анастасия Александровна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

О общество с ограниченной ответственностью (далее со-ответственно — общества, ООО) — это хозяйственной общества, созданное одним или несколькими лицами.

Основополагающими актами, регулирующими деятельность обществ с ограниченной ответственностью, являются Гражданский кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ (далее — Закон об обществах).

Согласно подпункту 1 пункта 1 статьи 94 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункту 1 статьи 26 Закона об обществах, участник общества с ограниченной ответственностью может выйти из него без согласия других участников или самой организации.

При таком выходе юридическое лицо обязано выплатить участнику стоимость его доли в уставном капитале, которая рассчитывается на основе бухгалтерской отчетности, что закреплено в пункте 6.1 статьи 23 Закона об обществах.

Однако периодически возникают споры между участниками обществ с ограниченной ответственностью по определению стоимости доли.

Так, на практике могут возникнуть трудности, например, с предоставлением оценщику всех необходимых документов для точного расчета стоимости доли.

Действительная стоимость доли — это часть чистых активов общества, соответствующая размеру этой доли.

Согласно пункту 2 статьи 30 Закона об обществах, чистые активы (кроме банков и других кредитных учреждений) рассчитываются на основе данных бухгалтерского учета, при этом актуальный порядок их определения закреплен в Приказе Минфина РФ № 84н от 28 августа 2014 года (далее — Приказ № 48н).

Исходя из положений пунктов 4 и 7 Приказа № 48н, чистые активы общества определяются как разница между учитываемыми активами и обязательствами компании.

Президиум ВАС РФ в постановлениях № 8115/08 от 14 октября 2008 года и № 16191/11 от 17 апреля 2012 года установил, что при оценке стоимости доли в уставном капитале ООО важно учитывать не только бухгалтерские данные, но и рыночную стоимость активов компании.

Однако в нормативных правовых актах право участников обществ на компенсацию доли согласно рыночной стоимости объекта до сих пор не закреплено.

Стоит также отметить, что если у компании есть доли в дочерних предприятиях, то для оценки рыночной стоимости этих долей важно получить информацию о финансово-хозяйственной деятельности этих обществ.

Это включает данные о всех земельных участках, правах аренды, денежных средствах на эскроу-счетах и инвестиционных контрактах. Это поможет правильно оценить рыночную стоимость имущества.

После определения рыночной стоимости дочерних компаний с учетом всех их финансовых и хозяйственных показателей, следует оценить реальную стоимость доли самого общества. Обратный порядок действий приведет к некорректной оценке, так как балансовая стоимость дочерних компаний не будет отражать их рыночную ценность.

Важно подчеркнуть, что судебная практика в этой области неоднородна. Некоторые суды признают, что участник не имеет права требовать документы о финансово-хозяйственной деятельности дочерних компаний.

Оценка стоимости доли дочерних обществ на основе только бухгалтерской отчетности может дать неверные результаты. Балансовая и рыночная стоимость часто отличаются.

При оценке действительной стоимости доли не нужно изменять или переоценивать балансовую стоимость активов для бухгалтерской отчетности общества.

Оценщик обязан соблюдать требования Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», федеральных стандартов оценки и других нормативных актов. При этом он должен применять три подхода к оценке: сравнительный, доходный и затратный, а также такие понятия, как «дата оценки» и «объекты-аналоги».

При оценке имущества оценщик должен использовать затратный, сравнительный или доходный подход, если это предусмотрено нормативными актами и судебной практикой. Также он обязан обосновать, почему не применил один из этих методов.

При оценке недвижимости с правом аренды или объектов незавершенного строительства рекомендуется использовать доходный метод.

Оценщик должен учитывать все особенности объекта. Это включает наличие или отсутствие коммуникаций, возможность аренды после строительства, изменение назначения помещения, состояние счетов эскроу и перспективы продажи по инвестиционным и другим договорам. Аналогично, при оценке других активов в инвестиционной деятельности учитываются эти же факторы.

В апреле 2022 года Министерство экономического развития Российской Федерации утвердило новые федеральные стандарты оценки. Эти стандарты регулируют подходы к оценке имущества. В новых стандартах подробно описаны возможности и сферы применения доходного и затратного методов.

Согласно новым стандартам, при оценке используются три подхода: сравнительный, доходный и затратный. Оценщик также может применять методы, не указанные в стандартах, если это поможет получить более точные результаты. При выборе подходов и методов оценщик должен учитывать особенности объекта, цели оценки, вид стоимости, качество и достоверность исходных данных, а также допущения и ограничения.

Оценщику нужно учитывать способность объекта приносить доход, чтобы решить, стоит ли применять доходный подход. Этот подход особенно важен, если цель покупки объекта — получение дохода.

Так, в рамках доходного подхода используются два метода: прямая капитализация и дисконтирование будущих денежных потоков.

При прямой капитализации стоимость объекта рассчитывается путем деления годового дохода на ставку капитализации. Метод дисконтированных денежных потоков предполагает приведение будущих денежных потоков к текущей дате с помощью ставки дисконтирования. Эта ставка отражает ожидаемую доходность на инвестиции с сопоставимым уровнем риска.

Затратный подход, основан на расчете затрат, необходимых для воспроизведения или замещения объекта оценки. При этом учитываются износ объекта и его компонентов.

Оценщик должен определить, могут ли участники рынка создать объект с такой же полезностью, как у оцениваемого. Если это возможно без значительных юридических препятствий и быстро, то значимость затратного подхода высока. Это особенно важно, если объект не приносит прямого дохода и является специализированным, то есть не продается отдельно от бизнеса или имущественного комплекса, для которого он был создан.

При оценке бизнеса рекомендуется использовать доходный метод. Он наиболее точно отражает реальную стоимость объекта. Затратный метод менее предпочтителен, так как не учитывает все нюансы и не дает полной картины.

Доходный метод требует анализа документов и информации, которая не всегда доступна и систематизирована.

Например, денежные средства на счетах эскроу дольщиков или результаты инвестиционных проектов могут не отражаться в бухгалтерских счетах. Поэтому для оценки доли важно учитывать все данные о деятельности компании, включая будущие доходы и выручку, незафиксированные в официальной отчетности.

Эта информация может отсутствовать в договорах и других документах. В таких случаях нужно создавать модель бизнеса. Часто такие данные не фиксируются в учете, и миноритарным участникам может быть сложно получить к ним доступ.

На основании вышеизложенного, можно выявить следующий ряд проблем, возникающих при выходе участника из общества с ограниченной ответственностью:

— непрозрачная система подсчета стоимости доли участника общества с ограниченной ответственностью. Текущий способ определения цены предполагает расчет стоимости доли пропорционально чистым активам ООО, что не всегда отражает ее реальную стоимость;

— отсутствие доступа к необходимым документам, позволяющим корректно определить стоимость доли;

— отсутствие фиксации вложенных обществом средств в бухгалтерских документах.

При отсутствии законодательного регулирования в указанных областях, при выходе участника из ООО, происходит систематическое нарушение прав участника, что приводит к большим количествам судебных разбирательств и формированию разрозненной судебной практики.

Однако это влечет за собой дополнительные расходы, а также потерю гибкости корпоративного управления.

Таким образом, чтобы решить указанные проблемы необходимо устранить пробелы в законодательстве, а именно предусмотреть расчета доли участника в соответствии с рыночной стоимостью, закрепить право участников получать информацию и доступ к документам дочерних компаний, а также предусмотреть ответственность за отказ в предоставлении доступа к такой информации.

Литература:

1. Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ.
2. Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».
3. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 28 августа 2014 года № 84н «Об утверждении Положка определения стоимости чистых активов».
4. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 29 июля 1998 года № 34н «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации».
5. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 30 марта 2001 года № 26н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет основных средств».

Особенности механизма возмещения убытков в случае нарушения страховщиком обязательства по организации и оплате восстановительного ремонта по договору ОСАГО

Лобырева Дарья Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Баскова Анна Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье автор исследует особенности механизма возмещения убытков по договору ОСАГО, возможности восстановления нарушенных прав. Обращено внимание на особый порядок, позволяющий взыскать убытки на проведение восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства в том случае, когда страховая организация неправомерно отказалась в организации и проведении восстановительного ремонта.

Ключевые слова: обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО), страховое возмещение, ущерб, страховщик, страховая организация, убытки, потерпевший, восстановительный ремонт, гражданско-правовая ответственность, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств.

Сущность обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее — ОСАГО) составляет модель гражданско-правовой ответственности, которая имеет имущественный характер и предусматривает компенсацию ущерба третьим лицам. Заключая договор ОСАГО, лица, владеющие и управляющие транспортными средствами, реализуют правовой механизм защиты как прав третьих лиц (остальных участников дорожного движения: другие водители транспортных средств, пешеходы и др.), так и своих собственных на случай причинения вреда в дорожно-транспортном происшествии (далее — ДТП).

Но несмотря на указанный правовой механизм, на практике страховые организации зачастую нарушают свои обязательства в части прямого возмещения убытков от ДТП. Так, Овчинникова Ю. С. [1] отмечает: что «нарушение страховщиком обязательства может выражаться

в просрочке исполнения. Просрочка присутствует в таких видах нарушений страховых обязательств, как невыплата страхового возмещения и выплата страхового возмещения не в полном объеме». К другим формам нарушения обязательств страховщика можно также отнести, когда страховщик, вопреки воле потребителя выплачивает страховое возмещение в денежной форме, не приняв мер по урегулированию вопроса об организации ремонта автомобиля в соответствии с Федеральным законом от 25.04.2002 N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [2] (далее — Закон об ОСАГО). При этом такая выплата, осуществляемая страховщиком в одностороннем порядке по результатам осмотра транспортного средства после рассмотрения заявления о прямом возмещении убытков, в большинстве случаев не покрывает полной стоимости восстановительного ремонта. Данного

страхового возмещения оказывается недостаточно даже с учетом последующих доплат после осмотра транспортного средства на момент скрытых повреждений.

В то же время, в действующем законодательстве существует механизм, позволяющий требовать от страховщика полного возмещения убытков в виде стоимости восстановительного ремонта без учета износа транспортного средства, который определяется в соответствии с требованиями статей 15, 397 Гражданского Кодекса Российской Федерации [3] (далее — ГК РФ), в том числе сверх установленного лимита. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 N 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [4] при нарушении страховщиком обязательства по организации и оплате восстановительного ремонта потерпевший вправе предъявить требование о понуждении страховщика к организации и оплате восстановительного ремонта или потребовать страхового возмещения в форме страховой выплаты либо произвести ремонт самостоятельно и потребовать со страховщика возмещения убытков вследствие ненадлежащего исполнения им своих обязательств по договору ОСАГО в размере действительной стоимости восстановительного ремонта, который страховщик должен был организовать и оплатить. Возмещение таких убытков означает, что потерпевший должен быть постановлен в то положение, в котором он находился бы, если бы страховщик по договору обязательного страхования исполнил обязательства надлежащим образом (п. 2 ст. 393 ГК РФ).

Согласно п. 15 ст. 12 Закона Об ОСАГО страховое возмещение вреда, причиненного транспортному средству потерпевшего, может осуществляться по выбору потерпевшего: либо путем организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего на станции технического обслуживания, либо путем почтового перевода суммы страховой выплаты потерпевшему или ее перечисления на банковский счет потерпевшего.

Следовательно, страховщик не вправе подменять восстановительный ремонт денежной выплатой без письменного соглашения с потерпевшим, и тем более — при выборе потерпевшим страхового возмещения в натуральной форме. Наблюдаемая на практике модель поведения страховщиков дает основания полагать, что в вопросе урегулирования убытков в ДТП их предпочтительный выбор — это денежная форма вместо натуральной, поскольку у них имеется экономическая заинтересованность в этом. В случае вреда, причиненного транспортному средству потерпевшему, страховое возмещение в денежной форме страховщик рассчитывает на основании Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утв. положением Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П [5] (далее — Единая Методика). При этом, расчет

по указанной методике проводится с усреднением цен на запчасти и нормо-часы, с учётом износа деталей, а также отсутствием в справочнике Российского союза автостраховщиков ссылок на источники информации или цены, которые отличаются более чем на 10 % от цен в соответствующем регионе [6]. Эти обстоятельства приводят к заниженной стоимости восстановительного ремонта, не отражающей фактический размер ущерба от ДТП. Подобная практика приводит к возникновению у потерпевшего дополнительных расходов, связанных с самостоятельной организацией восстановительного ремонта, а также к необходимости доплаты разницы между выплаченным страховым возмещением и реальной стоимостью ремонта.

Так, поводом для обращения гражданки Н. в юридическую фирму за правовой помощью послужило ДТП, в результате которого её автомобилю марки «Mazda CX-5» были причинены серьезные механические повреждения. Постановлением по делу об административном правонарушении причинителем вреда в ДТП был признан водитель второго транспортного средства. Автомобилю гражданки Н. были причинены следующие механические повреждения: царапины на облицовке заднего бампера и его накладке, смещение противотуманного заднего левого фонаря, деформировано крыло заднее левое, смещение левого заднего подкрылья и пр.

Гражданка Н. обратилась в свою страховую организацию с заявлением о возмещении убытков. После осмотра транспортного средства, страховщик предложил подписать соглашение о размере страховой выплаты по договору ОСАГО в сумме 137 000 рублей, что и было сделано. После этого гражданка Н. выяснила, что указанных денежных средств недостаточно для организации и проведения восстановительного ремонта поврежденного автомобиля (примерно более 450 000 рублей).

На первый взгляд, гражданка Н. оказалась в безвыходной с точки зрения закона ситуации: с одной стороны, требовать у страховщика восстановительный ремонт она не может, поскольку подписала соглашение о размере страховой выплаты, навязанное страховкой, с другой — размер полученной страховой выплаты значительно меньше, чем фактический размер ущерба от ДТП. Однако, в сложившейся ситуации выход есть, она подлежит разрешению в рамках действующего законодательства. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021) [7] в п. 8 раздела «Разрешение споров, возникающих из отношений по страхованию» сформулировано, что в случае неправомерного отказа страховщика от организации и оплаты ремонта транспортного средства в натуре и (или) одностороннем изменении условий исполнения обязательства на выплату страхового возмещения в денежной форме в отсутствие оснований, предусмотренных п. 16.1 ст. 12 Закона об ОСАГО, у потерпевшего появляется право требовать полного возмещения убытков в виде стоимости такого ремонта без учета из-

носа транспортного средства, который определяется в соответствии с требованиями ст.ст. 15, 397 ГК РФ.

В дальнейшем Гражданка N. просила организовать восстановительный ремонт автомобиля, отказалась от подписания дополнительного соглашения о размере страховой выплаты по договору ОСАГО по скрытым повреждениям автомобиля. Страховщик перевел гражданке N. доплату за скрытые повреждения в размере 132 800 руб. Всего выплачено страховое возмещение в сумме 269 800 руб. В претензии к страховщику и в обращении финансового уполномоченного, гражданка N. просила признать соглашение недействительным (расторгнутым, незаключенным) и выплатить страховое возмещение в натуральной форме (путем организации и оплаты восстановительного ремонта автомобиля). Указывала на готовность вернуть выплаченные денежные средства. Соответствующая претензия оставлена страховщиком без удовлетворения. Финансовый уполномоченный в свою очередь также отказал в аналогичных требованиях.

Гражданка N. обратилась в юридическую фирму за помощью, где в рамках уже первой консультации узнала, что у нее есть право требовать от страховщика организации и оплаты восстановительного ремонта. В дальнейшем Гражданка N. просила организовать восстановительный ремонт автомобиля, отказалась от подписания дополнительного соглашения о размере страховой выплаты в сумме 132 800 рублей по скрытым повреждениям автомобиля. Гражданка N., следуя рекомендациям юриста, отказалась подписать указанное соглашение. Несмотря на это, страховщик в одностороннем порядке перевел гражданке N. доплату за скрытые повреждения в размере 132 800 руб. Всего выплачено страховое возмещение в сумме 269 800 руб.

Юристы гражданки N. организовали проведение автотехнической экспертизы, согласно которой стоимость восстановительного ремонта без учета износа её автомобиля составила 644 846,00 руб., утилизационная стоимость 1 007,00 руб. Напомним, что на момент рассмотрения спора (2025 г.) согласно ст. 7 ФЗ Об ОСАГО страховая сумма, в пределах которой страховщик при наступлении каждого страхового случая (независимо от их числа в течение срока действия договора обязательного страхования) обязуется возместить потерпевшим причиненный вред, составляет в части возмещения вреда, причиненного имуществу каждого потерпевшего, 400 тысяч рублей. Было принято решение требовать со страховой организации разницу между стоимостью восстановительного ремонта и выплаченным страховым возмещением, что составило 374 039 рублей (644 846 рублей — 269 800 рублей — 1007 рублей).

Предвидя отказ страховщика в организации и оплате восстановительного ремонта гражданки N., до обращения с исковым заявлением в суд, необходимо было направить соответствующую претензию в страховую организацию. Дело в том, что действующее законодательство об ОСАГО предусматривает обязательный претензионный порядок

для урегулирования спора между потерпевшим в ДТП и страховщиком. Кроме того, с 1 июня 2019 г. установлен обязательный досудебный порядок урегулирования споров по договорам ОСАГО, согласно которому потерпевший перед обращением в суд с иском к страховщику обязан обратиться к финансовому уполномоченному [8].

Так, в претензии к страховщику и в обращении финансового уполномоченного, гражданка N. просила признать соглашение недействительным (расторгнутым, незаключенным) и выплатить страховое возмещение в натуральной форме (путем организации и оплаты восстановительного ремонта автомобиля). Указывала на готовность вернуть выплаченные денежные средства. Соответствующая претензия оставлена страховщиком без удовлетворения. Финансовый уполномоченный в свою очередь также отказал в аналогичных требованиях.

После прохождения обязательного досудебного порядка, гражданка N обратилась в Кировский районный суд г. Ярославля с исковым заявлением о признании недействительным соглашения о размере страховой выплаты по договору ОСАГО, заключенном между истцом и страховой организацией и о взыскании в пользу истца со страховой организацией на основании ст. 15, 393 и 397 ГК РФ убытков в сумме 374 039 рублей в связи с неисполнением последней своих обязательств по организации и оплате восстановительного ремонта.

Гражданское дело № 2-857/2025 [9] было принято к рассмотрению Кировским районным судом г. Ярославля. Истцом было представлено суду экспертное заключение, на основании которого рассчитан размер убытков. Из анализа доказательств, представленных в материалы дела, следует, что между сторонами по делу фактически не было достигнуто соглашение о выплате страхового возмещения в денежной форме, соглашение о размере стразовой выплаты по договору ОСАГО является недействительным. При этом, как указал суд, отказ СТОА в проведении восстановительного ремонта автомобиля и/или отсутствие договоров со СТОА не свидетельствует о наличии объективных обстоятельств, позволяющих страховщику изменить форму страхового возмещения. Доказательства того, что восстановительный ремонт автомобиля истца в установленный законом срок невозможен, материалы дела не содержали. Учитывая изложенное выше, страховщик в указанном деле обязан был организовать и (или) оплатить восстановительный ремонт поврежденного транспортного средства потерпевшего, однако это им сделано не было. Выплатило вопреки воле потребителя страховое возмещение в денежной форме, не приняв мер по урегулированию вопроса об организации ремонта автомобиля. Учитывая изложенное выше, суд решил удовлетворить исковые требования истца к страховой организации. Так, суд признал недействительным соглашение о размере страховой выплаты по договору ОСАГО, заключенное между истцом и страховой организацией, взыскал в пользу истца со страховщика убытки в сумме 374 039 рублей, компенсацию морального вреда — 5 000 рублей,

расходы на оплату госпошлины в сумме 11 850 рублей 98 копеек.

Таким образом, лицо, обратившееся к страховщику с требованием об организации и оплате восстановительного ремонта повреждённого транспортного средства в результате ДТП, но получившее вместо этого страховое возмещение в денежной форме, обладает правом на восстановление нарушенного права. Для эффективной реализации необходимо последовательно соблюдать механизм досудебного и судебного урегулирования спора.

Защита нарушенных прав потерпевших (на возмещение имущественного вреда, вреда жизни и здоровью, компенсацию морального вреда) в полном объеме, как показывает практика, обеспечивается лишь через механизм судебной защиты. Об этом свидетельствует значительная доля дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами, где исход дела во многом предопределается эффективностью работы адвокатов либо представителей по доверенности (они же — автоюристы). Кроме того, на механизм судебной защиты указывает также и статистика из годового отчета РСА [10]. Так, доля судебных взысканий в общем объеме всех произведенных выплат по

итогам 2024 года составила 5,7 % против 5,1 % в 2023 году. На конец 2024 года размер общей суммы судебных выплат, составил 12 млрд рублей, что на 35 % больше, чем в предыдущем периоде. Кроме того, в 2024 году количество судебных решений составило 96 466 шт., что на 26 % выше значения 2023 года, соответственно, выплаты по Закону об ОСАГО увеличились на 37 % (5 907 млн рублей в 2024 году против 4 322 млн рублей в 2023 году). Средний размер взысканий на одно судебное решение, связанный с выплатой по Закону об ОСАГО, увеличился на 8 % по отношению к 2023 году и составили 61 236 рублей.

Несмотря на обширное правовое регулирование института ОСАГО, судебная практика их применения отличается ещё большим объемом и сложностью. При этом в большинстве случаев суды принимают правомерные решения и правильно используют положения действующего законодательства об ОСАГО, защищая тем самым нарушенные права сторон договора. Такое положение требует большего внимания как со стороны законодательной, так и со стороны правоприменительной системы, поскольку грамотное разрешение споров по ОСАГО влияет на работу данной отрасли страхования в целом.

Литература:

1. Овчинникова Ю. С. Ответственность страховщика за нарушение обязательства: защита прав страхователя // М.: Юрист, 2019. N 5. С. 56–61.
2. Федеральный закон от 25.04.2002 N 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 N 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».
5. Положение Банка России от 04.03.2021 N 755-П (ред. от 04.06.2025) «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства».
6. Н. Пластинина. Расчёт выплаты по ОСАГО: формулы, лимиты, способы проверки суммы // Электронный доступ: <https://www.vbr.ru> (дата обращения 10.12.2025).
7. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2021)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021).
8. Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 133-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части 15 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с принятием Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» от 04.06.2018 N 133-ФЗ (последняя редакция).
9. Решение Кировского районного суда г. Ярославля от 25.06.2025 по делу № 2-857/2025. Иски, связанные с возмещением ущерба. Иски о возмещении ущерба от ДТП // URL: https://kirovsky-jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_depo&srv_num=1&name_op=case&case_id=146226065&case_uid=969cc4cd-b142-47ff-aa1e-adc00f804464&delo_id=1540005 (дата обращения: 05.12.2025).
10. Официальный сайт Российского союза автостраховщиков. // Электронный доступ: <https://autoins.ru/> (дата обращения 10.12.2025).

Имущественные иммунитеты в исполнительном производстве

Макаров Александр Сергеевич, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются процедура обращения взыскания на имущество должника, цель имущественного иммунитета, проводится анализ имущественного иммунитета в отношении должника-гражданина и должника-организации. Автор задается вопросом, необходим ли имущественный иммунитет в исполнительном производстве, и если необходим, то в каком объеме. Автор считает, что для исключения возможности нарушения прав должников на получение минимально закрепленного размера дохода и упрощения работы судебного пристава-исполнителя применение такого иммунитета стоило бы сделать автоматическим, без соответствующего обращения должника. При этом необходимо предоставить должнику право отказаться от такого иммунитета. Такой отказ может содержаться в заявлении, направленном судебному приставу-исполнителю.

Ключевые слова: имущественный иммунитет; исполнительное производство; обращение взыскания.

Обращение взыскания на имущество должника является мерой принудительного исполнения. При этом в ч. 1 ст. 69 Федерального закона «Об исполнительном производстве» приводится легальное определение данной меры.

Обращение взыскания на имущество должника включает изъятие имущества и (или) его дальнейшую реализацию, осуществляемую должником самостоятельно, или принудительную реализацию либо передачу взыскателю. Взыскание на имущество должника обращается в том размере и объеме, которые необходимы для полного исполнения исполнительного документа с учетом взыскания исполнительского сбора, штрафов и расходов по совершению исполнительных действий. Правило соразмерности установлено в целях защиты имущественных прав должника.

В первую очередь взыскание должно обращаться на денежные средства должника и лишь при их отсутствии или недостаточности — на иное имущество. При обращении взыскания на денежные средства также существует определенная очередность. В первую очередь судебный пристав-исполнитель должен выявить денежные средства в рублях и, только установив факт их отсутствия или недостаточности для полного удовлетворения требований взыскателя, приступить к обращению взыскания на денежные средства в иностранной валюте.

Должнику предоставлено право указать те виды имущества или предметы, на которые следует обратить взыскание в первую очередь, однако окончательно очередность обращения взыскания на имущество должника определяется судебным приставом-исполнителем с учетом, во-первых, положений законодательства об исполнительном производстве и, во-вторых, фактических обстоятельств (состояния имущества, его ликвидности и др.).

Если у должника имеется имущество, принадлежащее ему на праве общей собственности, то взыскание может быть обращено на долю должника, определяемую в соответствии с федеральным законом. Закон об исполнительном производстве не устанавливает порядок обращения взыскания на долю должника в общем имуществе.

Согласно ст. 255 ГК РФ кредитор участника долевой или совместной собственности при недостаточности у собственника другого имущества вправе предъявить требование о выделе доли должника в общем имуществе для обращения на нее взыскания. Если в таких случаях выделение доли в натуре невозможно либо против этого возражают остальные участники долевой или совместной собственности, кредитор вправе требовать продажи должником своей доли остальным участникам общей собственности по цене, соразмерной рыночной стоимости этой доли, с обращением вырученных от продажи средств в погашение долга. В случае отказа остальных участников общей собственности от приобретения доли должника кредитор вправе требовать по суду обращения взыскания на долю должника в праве общей собственности путем продажи этой доли с публичных торгов.

Иногда решение суда требуется, чтобы обратить взыскание на то или иное имущество, например, для обращения взыскания на земельные участки (ст. 278 ГК РФ), на долю участника общества в уставном капитале (ст. 25 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Целью имущественного иммунитета является предоставление гражданину-должнику гарантий сохранения минимальных условий жизни, а должникам-организациям возможности существования и осуществления своих обязательств.

При ограничении прав должника, связанных, прежде всего, с обеспечением принудительной защиты нарушенных им прав взыскателя, законодатель должен стремиться к тому, чтобы в таких случаях гражданину-должнику и лицам, находящимся на его иждивении, сохранялся необходимый уровень существования. Важно помнить про необходимость соблюдения баланса прав должника и взыскателя. С одной стороны, чтобы требования, содержащиеся в исполнительных документах, исполнялись. С другой стороны, чтобы должник не мог попасть в ситуацию, когда нарушаются его конституционные права.

В ст. 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве» говорится о принципах исполнительного про-

изводства, два из них являются важной основой для понимания и применения имущественного иммунитета.

Принцип уважения чести и достоинства гражданина отчасти указывает и на невозможность обращения взыскания на абсолютно все имущество должника-гражданина. Наложение ареста и изъятие у должника-гражданина, например, всей посуды, кровати или иного предмета для отдыха, приспособлений, необходимых инвалиду, неизменно влечет умаление его достоинства.

Принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи, связан с целью исполнительного производства — исполнить судебный акт или акт другого органа, но при этом «не пустить должника и членов его семьи по миру». Именно в связи с этим в ГПК РФ закреплен перечень имущества гражданина, на которое не может быть обращено взыскание.

В 2021 г. в ст. 446 ГПК РФ и в ст. 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве» включили такой имущественный иммунитет, как сохранение заработной платы и иных доходов должника-гражданина ежемесячно в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации по месту жительства должника-гражданина для соответствующей социально-демографической группы населения, если величина указанного прожиточного минимума превышает величину прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации).

Предоставление должнику-организации имущественного иммунитета призвано гарантировать условия, необходимые для нормального существования организации. Такое регулирование выступает процессуальной гарантией социально-экономических прав таких лиц и само по себе не может рассматриваться как ограничение прав кредитора.

Если перечень имущества должника-гражданина закреплен в ГПК РФ, то аналогичный перечень в отношении имущества должника-организации не закреплен в какой-то одной норме, а содержится в различных законодательных актах.

Роль положений ст. 446 ГПК РФ при исполнении требований, содержащихся в исполнительных документах, трудно переоценить. Именно они защищают жизненно необходимое имущество должника-гражданина от обращения на него взыскания по исполнительным документам.

Указанная норма содержит запрет на обращение взыскания на такое имущество должника-гражданина, как жилое помещение, если для него и членов его семьи оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, а также на земельный участок, на котором расположено единственное жилье. Данное положение не распространяется на жилые помещения и земельные участки, обремененные ипотекой.

Это можно признать одним из важных положений указанной статьи, которое сохраняет за должником имущественные права на его единственное жилье. В настоящее время оно не подлежит отчуждению в рамках исполнительного производства.

В Постановлении от 14 мая 2012 г. N 11-П Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что для соблюдения конституционного принципа соразмерности в сфере защиты прав и законных интересов кредитора (взыскателя) и гражданина-должника исполнительский (имущественный) иммунитет должен распространяться на жилое помещение, которое по своим объективным характеристикам является разумно достаточным. Но возникает вопрос: как оценивать критерии разумности?

Конституционный Суд России отметил, что имущественный иммунитет имеет конституционные основания и сам по себе не посягает на конституционные ценности. При этом Суд определил, что назначение исполнительского иммунитета состоит не в том, чтобы в любом случае сохранить за гражданином-должником право собственности на жилое помещение, а в том, чтобы не допустить нарушения конституционного права на жилище (обеспеченности жильем на уровне, достаточном для достойного существования). Следовательно, запрет обращения взыскания на единственное пригодное для постоянного проживания гражданина-должника и членов его семьи жилое помещение конституционно оправдан.

Кроме того, Конституционный Суд РФ высказался, что судам, участникам исполнительного производства и другим субъектам нужны общие нормативные ориентиры в определении достаточного уровня обеспеченности жильем гражданина-должника и членов его семьи.

Отказ в имущественном иммунитете не может приводить к нарушению права каждого, кто законно находится на территории Российской Федерации, выбирать место пребывания и жительства. Отказ в применении исполнительского иммунитета не должен оставить должника и членов его семьи без жилища, пригодного для проживания, площадью по крайней мере не меньшей, чем по нормам предоставления жилья на условиях социального найма.

На практике нередко возникает вопрос о золотой середине, позволяющей сохранить баланс интересов кредиторов и должника, поскольку закон должен обеспечить соблюдение интересов обеих сторон: удовлетворить требования кредиторов и защитить конституционное право на жилище должника и членов его семьи.

Стоит признать, что на сегодняшний день нет четкой инструкции относительно того, как решить такую задачу. Более того, законодательство не содержит норм, допускающих процедуру замены «роскошного» жилья иным.

Но такая процедура фактически применяется на практике.

Так, арбитражные суды при рассмотрении дел о банкротстве граждан включают единственное жилье должника в конкурсную массу при условии предоставления ему

жилья меньшей площади. Такой механизм введен в практику в целях сохранения баланса интересов кредиторов и должников: первые получают хоть какие-то деньги в погашение их требований, вторые — хоть какое-то жилье.

Основная проблема состоит в том, что законодательно критерии определения излишнего и необходимого жилья не определены, правила замещения «излишнего» жилья «необходимым» не установлены.

Анализ зарубежного опыта дает возможность выделить по крайней мере четыре модели правового регулирования в данной области: отсутствие законодательного регулирования обращения взыскания на единственное жилое помещение должника (Армения, Испания, Италия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Люксембург, Молдова, Соединенное Королевство, Таджикистан, Украина, Франция, Швейцария, Эстония); установление запретов обращения взыскания на единственное жилое помещение должника (Белоруссия, Бразилия, Туркменистан, Узбекистан, Швеция), которые тем не менее имеют определенные, а порой и существенные исключения; установление возможности обращения взыскания на единственное жилое помещение должника с предоставлением взамен иного жилого помещения или сохранением за должником права пользования жилым помещением (Австрия, Бельгия, Германия, Лихтенштейн, Португалия, Словакия); обращение взыскания на часть единственного жилого помещения должника при условии, что она может быть выделена в натуре (Болгария, Португалия, Узбекистан) или в стоимостном выражении.

Необходимо обратить внимание на такое положение ст. 446 ГПК РФ, как запрет на обращение взыскания на предметы обычной домашней обстановки и обихода.

Нормы Закона об исполнительном производстве или ГПК РФ не содержат указаний, какие именно предметы считать предметами обычной домашней обстановки и обихода. При этом Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. N 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» в части, касающейся предметов обычной домашней обстановки, указывает следующее: «Предметы обычной домашней обстановки и обихода в силу абзаца четвертого части 1 статьи 446 ГПК РФ являются имуществом, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам. К таким предметам может быть отнесено минимально необходимое имущество, требующееся должнику-гражданину и членам его семьи для обеспечения реальной возможности удовлетворения повседневных бытовых потребностей в питании, отдыхе, лечении, гигиене. При этом антикварные вещи, вещи, представляющие художественную, историческую или иную культурную ценность, независимо от их целевого назначения, к указанным предметам относиться не могут.

Вопрос об отнесении определенного имущества должника-гражданина к предметам обычной домашней обстановки и обихода разрешается судебным приста-

вом-исполнителем с учетом конкретных обстоятельств, касающихся назначения имущества, его цены, фактического использования, наличия или возможности замены на аналогичное имущество меньшей стоимости, а также местных обычаев».

Данная трактовка однозначно способствует более точному определению предметов обычной домашней обстановки, особенно их количества, но все еще оставляет некую недосказанность в определении конкретных предметов для обращения на них взыскания.

Возможно, было бы уместным законодательно закрепить конкретные виды имущества, на которые не может быть обращено взыскание, как, например, это закреплялось ранее в Перечне видов имущества граждан, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, действовавшем до 1 февраля 2003 г. (приложение N 1 ГПК РСФСР, утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.).

В данном Перечне содержался запрет обращения взыскания на предметы домашней обстановки, утвари, одежды, необходимые для должника и состоящих на его иждивении лиц:

1) одежда — на каждое лицо: одно летнее или осенне пальто, одно зимнее пальто или тулуп, один зимний костюм (для женщин два зимних платья), один летний костюм (для женщин два летних платья), головные уборы по одному на каждый сезон (для женщин, кроме того, два летних платка и один теплый платок или шаль), другая одежда и головные уборы, длительное время находившиеся в употреблении и не представляющие ценности;

2) обувь, белье, постельные принадлежности, кухонная и столовая утварь, находившиеся в употреблении (за исключением предметов, сделанных из драгоценных металлов, а также предметов, имеющих художественную ценность);

3) мебель — по одной кровати и стулу на каждое лицо, один стол, один шкаф и один сундук на семью;

4) все детские принадлежности <8>.

Помимо указанных выше имущественных иммунитетов, закрепленных в ст. 446 ГПК РФ, необходимо упомянуть о запрете обращения взыскания на имущество должника, необходимое для его профессиональных занятий (кроме предметов стоимостью свыше 10 тыс. руб.), животных (используемых не для предпринимательской деятельности) и корма для них, семена, продукты питания и деньги на общую сумму не менее закрепленного законодательно размера, топливо, необходимое для приготовления пищи и отопления, средства транспорта и другое имущество, необходимое должнику в связи с его инвалидностью, а также призы, государственные награды, почетные и памятные знаки, которыми награжден гражданин-должник.

Так же, как и для должников-граждан, для должников-организаций законодательством определены некоторые виды имущества, на которые не допускается обращение взыскания в рамках исполнительного производства.

Согласно ч. 2 ст. 79 Закона об исполнительном производстве конкретный перечень такого имущества определяется федеральными законами.

Таким образом, в отличие от имущества граждан, в отношении которых установлен имущественный иммунитет, перечень которого централизовано закреплен в ст. 446 ГПК РФ, имущественные иммунитеты организаций закреплены во множестве различных нормативных актов.

Так, например, согласно п. 2 ст. 1018 ГК РФ не допускается обращение взыскания в рамках исполнительного производства на имущество, переданное в доверительное управление на основании соответствующего договора. При этом следует помнить, что в соответствии со ст. 1013 ГК РФ деньги, а также имущество, находящееся в оперативном управлении или хозяйственном ведении, не могут быть предметом доверительного управления.

В соответствии с ч. 5 ст. 21 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» взыскание не обращается на движимое и недвижимое имущество религиозных организаций, имеющее богослужебное назначение. В данном случае важно отметить, что названный Закон указывает на то, что конкретный перечень такого имущества должен быть определен Правительством РФ, однако до настоящего времени такой перечень отсутствует.

Согласно ст. 17 Федерального закона «О лотереях» не может быть обращено взыскание по обязательствам организатора лотереи на призовой фонд лотереи.

Кроме того, законодательство устанавливает запрет на обращение взыскания на денежные средства, составляющие разного рода компенсационные фонды или имеющие компенсационное назначение. Например, ч. 12 ст. 25.1 Закона о несостоятельности (банкротстве) определяет, что на средства компенсационных фондов не может быть обращено взыскание по обязательствам саморегулируемой организации арбитражных управляющих, а также по обязательствам ее членов, если возникновение таких обязательств не было связано с осуществлением компенсационных выплат, предусмотренных данным Законом.

К этой же категории относятся и средства, предназначенные для финансирования компенсационных выплат, профессионального объединения страховщиков в рамках Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», средства компенсационного фонда объединений туроператоров в сфере выездного туризма (ст. 11.3 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»).

Статья 13 Федерального закона «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации» содержит запрет на обращение взыскания по обязательствам субъектов и участников отношений по формированию и инвестированию средств пенсионных накоплений, не

связанным с финансированием накопительной части трудовой пенсии, на средства пенсионных накоплений и активы, в которые инвестированы средства пенсионных накоплений.

Положения ст. 15 Федерального закона «Об инвестиционных фондах» указывают на невозможность обращения взыскания на имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд. Данный Закон также устанавливает запрет на обращение взыскания на денежные средства, находящиеся на транзитном счете, и имущество, переданное в оплату инвестиционных паев по долгам управляющей компании.

Особым правовым режимом пользуется также и имущество иностранных государств, если они являются сторонами исполнительных производств. В частности, ст. 15 Федерального закона «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» устанавливает перечень имущества иностранного государства, которое пользуется иммунитетом в отношении исполнения решения суда, иными словами, на которое не допускается обращение взыскания в рамках исполнительного производства.

Кроме того, с учетом положений ч. 14 ст. 70 Закона об исполнительном производстве в настоящее время не предусмотрена возможность обращения взыскания на денежные средства, находящиеся на специальных избирательных счетах, специальных счетах фондов референдума, поскольку это может привести к ограничениям в реализации избирательных прав и права на участие в референдуме.

Действующее законодательство предусматривает и иные случаи, когда взыскание на имущество должника-организации не обращается.

На сегодняшний день Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ обозначили лишь ключевые моменты, которые требуют дальнейшей проработки и обязательного законодательного, а не правоприменительного закрепления. В частности, у законодателя сохраняется обязанность внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из постановлений Конституционного Суда РФ. И это регулирование должно быть более детальным и определенным, чем те разъяснения, которые были даны высшими судебными органами. На сегодняшний день институт имущественного иммунитета необходим, потому что это фактически единственная возможность должнику остаться хоть с некоторыми гарантиями жизни.

В части вопроса обращения взыскания на единственное жилье нужно стремиться к справедливой середине. Если должник имеет единственное жилье в виде элитной недвижимости, несоразмерной минимальным нормам на одного проживающего, то нужно создать рабочий механизм размена такой жилплощади. Когда у гражданина-должника единственное жилье, близкое к установленным нормативам проживания на одного члена семьи, то возможно разработать механизм предостав-
в

ления такому должнику и его семье государственного (муниципального) жилья на условиях социального найма взамен жилого помещения, на которое будет обращено взыскание.

Что касается предметов обычной домашней обстановки, то нужна конкретизация предметов, на которые невозможно обращать взыскание.

В части сохранения должнику-гражданину минимального дохода, достаточного для его существования, законодателем проделана определенная работа. Повышенные гарантии должников в этой части и механизм предостав-

ления такой гарантии установлены в ч. 6 ст. 8 и ст. 99 Закона об исполнительном производстве.

В заключение можно сказать, что для исключения возможности нарушения прав должников на получение минимально закрепленного размера дохода и упрощения работы судебного пристава-исполнителя применение такого иммунитета стоило бы сделать автоматическим, без соответствующего обращения должника. При этом необходимо предоставить должнику право отказаться от подобного иммунитета. Такой отказ как раз может содержаться в заявлении, направленном судебному приставу-исполнителю.

Литература:

- Гуреев В. А., Селионов И. В. Имущественные иммунитеты в исполнительном производстве: Науч.-практ. пособие. М.: Деловой стиль, 2019.
- Данилов К. С., Стоянова М. К., Низовцев И. В. Актуальные проблемы правоприменения правила об имущественном иммунитете на жилое помещение в процедуре банкротства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 7.
- Ильин А. В. Исполнительное производство и идея социальной и экономической солидарности // ARS IURIS: Сборник научных статей к юбилею Г. А. Гаджиева. М.: Статут, 2023.
- Исполнительное производство: Учебник / Под общ. ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2020.
- Исполнительное производство: Учебник и практикум для вузов / Под ред. С. Ф. Афанасьева, О. В. Исаенковой. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024.
- Обращение взыскания по исполнительным документам на единственное жилое помещение в современном международном и зарубежном праве и судебной практике конституционного контроля // Зарубежная практика конституционного контроля. Конституционный Суд Российской Федерации. 2012. Вып. 189.

Реализация принципа добросовестности в процессе ведения переговоров и согласования договорных условий

Масленников Кирилл Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Лебедева Екатерина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье анализируется процесс внедрения и практического применения принципа добросовестности на преддоговорной стадии гражданско-правовых отношений в Российской Федерации. Исследуются современные правовые механизмы, закрепленные в Гражданском кодексе РФ: институт преддоговорной ответственности и соглашение о порядке ведения переговоров. Особое внимание уделяется содержанию запрета на недобросовестное поведение, составу возможных убытков, а также балансу между принципами свободы договора и добросовестности. Исследование базируется на методах системного анализа нормативно-правовых актов и доктринального толкования гражданско-правовых норм.

Ключевые слова: принцип добросовестности, преддоговорная ответственность, переговоры о заключении договора, соглашение о порядке ведения переговоров, Гражданский кодекс РФ, свобода договора, преддоговорные убытки.

Реформа гражданского законодательства России, ключевым вектором которой стало закрепление в статье 1 ГК РФ императивного принципа добросовестности, кардинально изменила подход к регулированию преддоговорных отношений. Если ранее эта стадия была в значительной степени внеправовым полем, регулируемым лишь обычаями делового оборота и моральными нормами, то сегодня она поставлена под защиту закона. Актуальность исследования

обусловлена необходимостью осмыслиения новых правовых реалий, в которых добросовестность участников переговоров перестала быть лишь декларацией, а превратилась в обеспеченное санкциями требование. Целью статьи является комплексный анализ правовых средств реализации принципа добросовестности в процессе ведения переговоров и согласования договорных условий, а также оценка их эффективности и практического значения.

Легализация принципа добросовестности в ГК РФ преодолела господствовавшую в деловой среде идеологию крайнего позитивизма, согласно которой все, что прямо не запрещено, — дозволено, даже если является неэтичным. Согласно статье 1 ГК РФ, участники гражданских правоотношений не могут извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения.

Законодатель обеспечивает реализацию принципа через два основных механизма: **запрет недобросовестных действий** и возможность **позитивного регулирования** процедуры переговоров.

Запрет недобросовестного поведения (ст. 434.1 ГК РФ) устанавливает презумпцию свободы переговоров и отсутствия ответственности за их безрезультатность (п. 1). Однако эта свобода ограничена закрытым перечнем действий, признаваемых недобросовестными:

— Предоставление неполной или недостоверной информации, включая умолчание о существенных обстоятельствах.

— Внезапное и неоправданное прекращение переговоров при таких обстоятельствах, при которых контрагент не мог разумно этого ожидать.

— Несанкционированное раскрытие или использование конфиденциальной информации, полученной в ходе переговоров.

— Ведение или продолжение переговоров при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения («фиктивные переговоры»).

Этот новый институт, введенный с 1 июня 2015 года [3], позволяет сторонам перейти от пассивного запрета недобросовестности к активному формированию «правил игры». Соглашение носит организационно-правовой характер и может регулировать:

— Этапы, сроки и процедуру переговоров.
— Порядок обмена информацией и документооборота.
— Режим конфиденциальности.
— Порядок распределения расходов и привлечения экспертов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.06.2024) // Собрание законодательства РФ.
2. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.
3. Богданов Д. Е. Принцип добросовестности в гражданском праве: доктрина и судебная практика. — М.: Статут, 2020.
4. Милохова А. В. Реализация принципа добросовестности в процессе проведения переговоров о заключении договора // Актуальные проблемы гражданского права. — 2016. — № 4. — С. 75–78.

Меры ответственности за нарушение согласованных процедур, включая возможность взыскания заранее оцененной неустойки (штрафа). При этом закон запрещает ограничивать ответственность за собственно недобросовестные действия.

Сторона, действовавшая недобросовестно (п. 3 ст. 434.1 ГК РФ), обязана возместить причиненные другой стороне убытки, в состав которых входят:

Реальные расходы, понесенные в связи с ведением переговоров (транспорт, экспертиза, юридическое сопровождение и т. д.).

Упущенная выгода в виде утраты возможности заключить договор с третьим лицом.

Данный состав убытков направлен на восстановление имущественного положения потерпевшей стороны, которое существовало бы, не вступив она в переговоры с недобросовестным контрагентом. В случае заключения соглашения о переговорах к этим убыткам может добавляться согласованная неустойка.

Таким образом, реализация принципа добросовестности в процессе переговоров в современном российском праве обеспечивается через формирование целостной системы мер. С одной стороны, это **запретительный механизм** (ст. 434.1 ГК РФ), устанавливающий четкие границы недопустимого поведения и обеспечивающий компенсацию причиненного вреда. С другой — **диспозитивный механизм** (соглашение о переговорах), позволяющий сторонам заранее структурировать свои отношения, минимизировать риски и повысить предсказуемость. Эти инструменты находятся в системном единстве с принципом свободы договора, не отменяя его, но предотвращая его злоупотребление. Реформа, закрепившая данные институты, создала необходимые правовые предпосылки для формирования культуры ответственных и прозрачных деловых коммуникаций, что является важным фактором для развития цивилизованных рыночных отношений. Дальнейшее развитие судебной практики по применению ст. 434.1 ГК РФ будет способствовать конкретизации и детализации стандартов добросовестного поведения на преддоговорной стадии.

Система наказаний в советском уголовном праве

Маслова София Сергеевна, студент

Научный руководитель: Сисюта Софья Эдуардовна, преподаватель;

Научный руководитель: Тарасова Анастасия Алексеевна, преподаватель

Инженерный колледж Белгородского государственного национального исследовательского университета

В статье исследуется система наказаний в советском уголовном праве, анализируется исторический путь становления и развития правового регулирования уголовно-правовых санкций. Также особое внимание уделяется отдельным видам наказаний, характерным только для советской правовой системы.

Ключевые слова: советское уголовное право, система наказаний, эволюция наказаний, советская правовая политики, социалистическое государство.

Система наказаний в советском уголовном праве представляет собой сложный и многогранный институт, который отражает социальные, политические и правовые аспекты советского общества. Рассмотрение системы наказаний в исторической параллели и сравнение с современными реалиями назначения судом санкций является одним из способов рефлексии и поиска проблемных аспектов для дальнейшего исправления существенных коллизий или ошибок.

Необходимо систематизировать знания и информацию о советском периоде развития института наказания, так как данная сфера представляет повышенный интерес в современное время. Разработка актуализированного понимания целей, методов, сущности и природы санкций советского уголовно-правового периода приведет к лучшему пониманию настоящих реалий.

Начало советского периода следует охарактеризовать резкими переменами во всех сферах жизни общества и государства. В первые годы становления коммунистического государственного механизма регулирование уголовно-правовых отношений основывалось на нормативно-правовых актах Временного правительства, которые утратили актуальность и не могли предусмотреть все вопросы, возникающие в новой правовой системе.

«Уголовное наказание в первых нормативно-правовых актах советского государства в основном сводилось к значению «карающей руки» революции. Виды уголовных наказаний были достаточно многочисленны и содержались в разрозненных декретах, ведомственных постановлениях, приказах и инструкциях. А также создавались непосредственно революционными трибуналами. Впервые попытка создать единый перечень видов наказаний была предпринята в постановлении Наркомюста от 18 декабря 1917 года «О революционном трибунале печати, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» [1].

В указанном нормативно-правовом акте назывались такие виды наказаний как различные виды штрафов, выселение из Петрограда, из отдельных местностей Советской республики, из РСФСР в целом. Отдельным пунктом указывалась необходимость общественного порицания, лишения политических и социальных прав, назначение

общественных работ на пользу государства. Но, безусловно, основным видом наказания оставалось лишения свободы. Отличительной особенностью перечисленных видов наказания можно считать смягчение по сравнению с системой, назначенной Временным правительством. Такие наказания как каторга, ссылка были временно исключены из перечня.

«Однако в силу необходимости жесткого сдерживания сопротивляющегося свергнутого буржуазного класса и удержания захваченной власти советское правительство должно было принимать все необходимые меры принуждения, в том числе и смертную казнь. Поэтому для борьбы с контрреволюцией и саботажем в июне 1918 года в соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР «Об отмене всех доныне изданных циркуляров о революционных трибуналах» высшая мера наказания была восстановлена, а суды получили право ее назначать» [3].

Важно отметить, что революционные трибуналы имели функции законодательной власти, соответственно, их вынесение постановления об их отмене сыграло положительную роль в условиях правового государства.

Период гражданской войны характеризуется уже достаточно изобильным списком нормативных актов в сфере уголовного права. Соответственно, появилась необходимость в систематизации законодательства и обобщении уголовной судебной практики.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, утвержденные постановлением Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 года стали первым актом, который попытался собрать законодательство и обобщить материалы практики.

«Данный источник права не содержал составов преступлений и, соответственно, не устанавливал за них конкретные наказания. Мы можем констатировать отсутствие в данном документе так называемой Особенной части. Судьи самостоятельно определяли вид наказания в зависимости от степени общественной опасности для основ советской государственно-правовой системы преступного деяния».

Законодатель определял наказание не как меру возмездия и искупления вины, а устанавливал оборонительный, превентивный его характер, указывал на целесо-

сообразность и гуманность наказания. Оно заключалось в принудительном воздействии, посредством которого власть защищает существующий порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников). Следует отметить, что такие цели наказания, как восстановление социальной справедливости и исправление осужденного, существующие в настоящее время, предусмотрены не были.

С целью реализации указанной задачи в Руководящих началах была закреплена достаточно объемная система наказаний, которая включала 16 видов мер государственного принуждения. Особенностью юридической техники оформления данной системы является тот факт, что законодатель определил примерные виды наказаний. Это могло быть внушение, выражение общественного порицания, принуждение к исполнению действия, объявление под бойкотом, исключение из объединения, восстановление или возмещение ущерба, отрешение от должности, конфискация имущества, лишение политических прав, объявление врагом революции или народа, принудительные работы, лишение свободы, объявление вне закона, расстрел. Необходимо отметить и наличие такого принципа назначения меры принуждения, как сочетание различных видов наказания» [3].

Принято считать данный нормативно-правовой акт первым положительным этапом кодификации законодательства в сфере уголовного права. Бессспорно, негативные моменты Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года также нельзя игнорировать, но сущность уголовного наказания нашла свое значение и отразилось в создании последующих кодексов.

Проект первого Уголовного кодекса РСФСР можно считать поистине творческим процессом, включающим в себя анализ и пересмотр законодательства прошлых лет. Созданием нового кодекса занимались народный комиссар юстиции РСФСР Д. И. Курский и представитель Народного комиссариата юстиции РСФСР М. Ю. Козловский.

«Все наказания, предусмотренные УК РСФСР 1922 года, располагались от наиболее тяжких к наименее тяжким. В соответствии со ст. 32 УК РСФСР 1922 года система наказаний включала в себя следующие их виды:

- 1) изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно;
- 2) лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой;
- 3) принудительные работы без содержания под стражей;
- 4) условное осуждение;
- 5) конфискация имущества — полная или частичная;
- 6) штраф;
- 7) поражение прав;
- 8) увольнение от должности;
- 9) общественное порицание;
- 10) возложение обязанности загладить вред.

В качестве исключительной меры мог применяться расстрел, — но это касалось тех дел, которые находились в производстве революционных трибуналов» [2].

Создание Союза Советских Социалистических республик положило начало первому этапу развития системы уголовных наказаний советского права. В 1924 году был принят первый общесоюзный Закон — «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик».

Впервые законодатель отказался от понятия «наказание», заменой этому термину стали «меры социальной защиты». Такие изменения были обусловлены желанием избавиться от всего, что было связано с царской системой управления. Для уточнения, следует отметить, что государство также требовало отказаться от понятия «адвокатура, адвокат».

В конечном итоге, время показало, что данные перемены были бессмысленные, что подтверждалось и теорией, и практикой, к 1934 году в законодательство вернулось понятие «уголовное наказание».

«Союзным республикам предоставлялось право устанавливать и иные меры наказания в соответствии с общими принципами уголовного законодательства СССР. Основные начала также устанавливали, что временно в качестве высшей меры социальной защиты, впредь до полной ее отмены, ЦИК СССР для борьбы с наиболее тяжкими видами преступлений, угрожающими основам советской власти и советского строя, допускается применение расстрела. В дальнейшем перечень мер, предусмотренных Основными началами, подвергался неоднократным изменениям и дополнениям.

Сравнивая систему мер социальной защиты судебно-исправительного характера, закрепленную в Основных началах уголовного законодательства, и систему наказаний по УК РСФСР 1922 года, обнаруживается, что она была несколько изменена. Так, изгнание из пределов РСФСР было заменено объявлением врагом трудящихся с лишением гражданства СССР и изгнанием навсегда из пределов СССР. Изгнание на срок было заменено удалением из пределов союзной республики или из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового с запрещением проживания в тех или иных местностях или без такового запрещения. Условное осуждение было исключено из системы наказания и стало рассматриваться как форма условного освобождения от наказания» [2].

Важно отметить, что смертная казнь не была включена в основной перечень наказаний, в законе указывался ее исключительный характер.

Через непродолжительное время, в 22 ноября 1926 года Постановлением ВЦИК была утверждена масштабная редакция УК РСФСР 1922 года. 1 января 1927 года вступил в силу новый Уголовный кодекс РСФСР, который с многочисленными пересмотром и изменениями регулировал систему уголовного наказания вплоть до 1960-х годов.

Итогом рассмотрения системы наказаний советского уголовного права можно выделить характерные черты:

1. Целью проанализированных систем наказаний можно считать трудовое перевоспитание, реабилитация лица в виде изоляции и прививания новых ценностей.

2. Практически в каждой из перечисленных систем выявлены «высылки» из городов, что является мерой спосабствующей изоляции из привычной общественной жизни лица и «отдаление» от преступных предпосылок к продолжению совершений преступлений. Положительным аспектом можно считать то, что таким способом осваивались и заселялись отдаленные города и районы государства.

3. Смертная казнь применялась как высшая мера наказания, но только за строго определенные перечни преступлений.

4. В советской системе наказаний не был так обширно регламентирован перечень прав и свобод заключенных лиц, отбывающих наказание, как в современной России.

Таким образом, важно отметить, что уголовное законодательство советского периода развивалось во взаимодействии с социальными, политическими и экономическими реформами, которые отражали реалии того времени. Безусловно, этот фактор создает определенную характеристику системы. Отличительной чертой следует считать специальные механизмы наказаний, связанные со ссылками и высылками, которые в перспективы имели и благоприятные последствия в виде освоения и заселения новых территорий государства. Современная система наказаний Российской Федерации, безусловно, отличается от советской, но стоит отметить, что некоторые элементы прежней системы еще существуют и оказывают влияние на правовую природу.

Литература:

- Илло, Д. А. Об особенностях развития института наказания в советском уголовном законодательстве. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук / Д. А. Илло. — № 6. — Рязань. Академия ФСИН: Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2010. — 192 с. — Текст: непосредственный.
- Мишин, И. Ю. Система наказаний по законодательству советского периода / И. Ю. Мишин. — РАЕ: Студенческая науч. конф. «Студенческий науч. Форум», 2012. — 7 с. — Текст: непосредственный.
- Рубцов, Д. И. Понятие и сущность наказания в советском уголовном законодательстве / Д. И. Рубцов. — 4(91). — ВЮИ ФСИН: Ведомости уголовно-исполнительной системы, 2018. — 47 с. — Текст: непосредственный.

Административно-правовая защита права на неприкосновенность частной жизни: теоретические основы, нормативное регулирование и проблемы правоприменительной практики

Мельникович Василий Владимирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Захарова Виктория Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена комплексному анализу института административной ответственности за правонарушения, посягающие на неприкосновенность частной жизни как ключевое конституционное право граждан. В работе исследуются теоретические границы понятия частной жизни в его взаимосвязи с современными цифровыми реалиями. Основное внимание уделено детальному рассмотрению составов административных правонарушений, предусмотренных главой 13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, прежде всего статьи 13.11. Автор на основе анализа правоприменительной практики выявляет системные проблемы в квалификации деяний, доказывании вины и назначении наказаний, связанные с размытостью диспозиций норм, стремительным развитием информационных технологий и низкой правовой грамотностью населения. Делается вывод о недостаточной эффективности действующего административного инструментария и формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования в целях адекватной защиты приватности личности в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, административная ответственность, персональные данные, КоАП РФ, правоприменительная практика, информационная безопасность.

Неприкосновенность частной жизни, закрепленная в статьях 23 и 24 Конституции Российской Федерации, представляет собой фундаментальное право, обеспечивающее автономию личности, свободу от неправомерного вмешательства в сферу личных и семейных тайн, а также контроль над распространением информации

о себе. В эпоху тотальной цифровизации и глобальной коммуникации данное право подвергается беспрецедентным вызовам, связанным с массовой обработкой персональных данных, повсеместным сбором цифровых следов и появлением новых форм посягательств на информационную безопасность индивида [6]. В этой связи

административное право, как отрасль, оперативно реагирующая на нарушения общественных отношений мерами государственного принуждения, играет первостепенную роль в механизме охраны приватности.

Административная ответственность за нарушения в рассматриваемой сфере выступает наиболее часто применяемым и массовым видом юридического реагирования, что обусловлено относительной быстротой процедуры и широким кругом субъектов, подпадающих под действие регуляторных норм. Однако эффективность этого инструмента напрямую зависит от четкости законодательных конструкций, последовательности правоприменения и адекватности санкций характеру современных угроз. Целью настоящего исследования является комплексный анализ норм об административной ответственности за посягательства на неприкосновенность частной жизни, оценка их практической реализации и выявление системных проблем, препятствующих формированию целостного и эффективного режима защиты.

Конституционное право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ) включает в себя ряд взаимосвязанных правомочий: право на личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; право на защиту своей чести и доброго имени; а также производное от него право каждого на сбор, хранение, использование и распространение информации о своей частной жизни только с собственного согласия (ст. 24 Конституции РФ) [1]. Данное право не является абсолютным, и его границы очерчиваются, во-первых, добровольным согласием лица на раскрытие информации, а во-вторых, публичными интересами, которые могут оправдать вмешательство государства (например, в рамках оперативно-розыскной деятельности, уголовного судопроизводства или обеспечения национальной безопасности) на основании федерального закона [3].

В контексте административно-правового регулирования ключевым объектом защиты становится не абстрактная частная жизнь, а ее конкретные проявления, облеченные в форму защищаемой законом информации. Наиболее разработанным и структурированным институтом здесь выступает законодательство о персональных данных, которое операционализирует конституционный принцип применительно к информационным отношениям. Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», персональные данные (далее — ПДн) — это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту ПДн) [4]. Так, законодатель расширил сферу охраны, включив в нее не только явно идентифицирующую информацию, но и любые данные, которые в сочетании с другими могут привести к идентификации личности. Это особенно актуально в условиях Big Data, когда анализ больших массивов обезличенных на первый взгляд данных позволяет с высокой точностью восстановить портрет конкретного человека.

Понятие «частная жизнь» в судебной практике трактуется достаточно широко. К ней могут быть отнесены сведения о состоянии здоровья, семейном и имущественном положении, роде занятий, привычках, увлечениях, круге общения, взглядах и убеждениях, а также факты биографии. Граница между частной и публичной сферами является динамичной и зависит от конкретных обстоятельств. Например, публичное лицо (политик, медиальная персона) в силу своего статуса вынуждено терпеть более широкое вмешательство в свою частную жизнь, однако это вмешательство не должно переходить установленные законом рамки и превращаться в травлю или распространение заведомо ложных сведений [2]. Административное право, защищая данный конституционный институт, фокусируется прежде всего на процессуальных аспектах: законности сбора, правомерности целей обработки, обеспечении безопасности и соблюдении установленных процедур при работе с информацией о гражданах.

Основная масса составов административных правонарушений, направленных на защиту рассматриваемого права, сосредоточена в главе 13 КоАП РФ «Административные правонарушения в области связи и информации». Центральное место среди них занимает статья 13.11. Данная статья представляет собой «зонтическую» норму, включающую девять самостоятельных составов (частей), детализирующих различные аспекты нарушения Закона № 152-ФЗ. К ним относятся: обработка ПДн в не предусмотренных законом случаях или несовместимая с целями сбора (ч. 1); обработка без согласия субъекта, когда оно требуется, или с согласия, не отвечающего требованиям закона (ч. 2); невыполнение обязанности по опубликованию или обеспечению доступа к документу, определяющему политику обработки ПДн (ч. 3); невыполнение обязанности по предоставлению субъекту информации об обработке его ПДн (ч. 4); непредставление в уполномоченный орган (Роскомнадзор) сведений, необходимых для осуществления его контрольно-надзорной деятельности (ч. 5–6); непринятие мер по обеспечению безопасности ПДн (ч. 7–8); несоблюдение правил трансграничной передачи ПДн (ч. 9).

Значимость ст. 13.11 заключается в ее процессуальном характере. Она карает не сам факт нарушения конфиденциальности (разглашения), а отступление от установленных законодателем процедурных правил, призванных эту конфиденциальность гарантировать. Так, в одном из дел крупный онлайн-сервис был привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 13.11 за использование ПДн пользователей (номера телефонов) для таргетированной рекламы в социальных сетях без их отдельного согласия на такую обработку, хотя общее согласие с политикой конфиденциальности пользователем было получено. Суд согласился с позицией контролирующего органа о том, что данная цель обработки не была прямо и недвусмысленно заявлена при сборе данных, что является нарушением принципа законности и целостности обработки [5].

Статья 13.14 КоАП РФ — охрана информации с ограниченным доступом защищает не только персональные

данные, но и иные виды тайн (служебную, коммерческую), доступ к которым ограничен федеральным законом. В контексте частной жизни она применяется, как правило, к случаям разглашения информации, ставшей известной лицу в связи с исполнением им служебных или профессиональных обязанностей (например, врачам, сотрудникам органов опеки, адвокатам, работникам call-центра). Для привлечения к ответственности необходимо установить, что разглашенная информация относилась к охраняемой законом тайне, лицо имело к ней доступ в силу своих функций, и оно не было уполномочено на ее распространение. Например, распространенной практикой является привлечение к ответственности по ст. 13.14 сотрудников медицинских учреждений, разместивших в социальных сетях фотографии пациентов или данные об их диагнозах без согласия.

Рассмотрим статью 5.39 КоАП РФ в аспекте доступа к персональным данным. Право субъекта ПДн на доступ к своей информации, закрепленное в ст. 14 Закона № 152-ФЗ, обеспечивается в том числе административно-правовыми средствами. Неправомерный отказ должностного лица в предоставлении документов и материалов, затрагивающих права и свободы гражданина, либо несвоевременное их предоставление, либо предоставление заведомо неполной или ложной информации подпадает под состав ст. 5.39 КоАП РФ. Эта норма является важным гарантам реализации права на контроль над своими данными. На практике к ответственности по данной статье привлекаются руководители государственных и муниципальных органов, организаций, которые игнорируют запросы граждан о предоставлении информации о том, какие их ПДн, с какой целью и кому передаются.

Значимой является и статья 13.12 КоАП РФ — нарушение правил защиты информации. Хотя эта статья расположена в главе, посвященной защите информации в информационно-телекоммуникационных сетях, она тесно соприкасается с обеспечением безопасности ПДн. Нарушение условий, предусмотренных лицензиями на деятельность по технической защите конфиденциальной информации, или требований по защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, может повлечь административную ответственность. Эта норма чаще применяется к операторам, осуществляющим обработку ПДн в рамках государственных задач (например, при создании и эксплуатации единых информационных систем в сфере здравоохранения, образования), и дополняет ответственность по ч. 7 и 8 ст. 13.11 КоАП РФ.

Субъектами ответственности по рассматриваемым статьям выступают как юридические лица, так и должностные лица, индивидуальные предприниматели и в ряде случаев — граждане. Наиболее крупные штрафы, исчисляемые сотнями тысяч и миллионами рублей, назначаются юридическим лицам. Должностные лица (руководители, ответственные за обработку ПДн) несут субсидиарную ответственность, что стимулирует их к надлежащей орга-

низации процессов внутри компании. Например, в 2023 году ряд крупных ритейлеров и онлайн-платформ были оштрафованы на многомиллионные суммы за систематические нарушения в области трансграничной передачи ПДн (ч. 9 ст. 13.11) и неприменение необходимых технических средств защиты (ч. 7 ст. 13.11).

Доказывание в делах данной категории имеет специфику. Основная нагрузка по сбору доказательств лежит на органах Роскомнадзора, которые в рамках плановых и внеплановых проверок проводят анализ документов (политик обработки, журналов учета, приказов), тестируют интерфейсы сайтов и приложений на предмет корректности получения согласий, исследуют сетевой трафик для выявления фактов незаконной передачи данных. Часто решающим доказательством становятся результаты экспертиз, подтверждающие уязвимости в информационных системах оператора или факт обработки ПДн на серверах, расположенных за рубежом, без надлежащего правового основания. При этом вина организации, как правило, устанавливается в форме неосторожности — недостаточности принятых мер для обеспечения соответствия требованиям закона [10].

Санкции за административные правонарушения в области ПДн носят преимущественно штрафной характер. КоАП РФ предусматривает для юридических лиц штрафы от 15 тыс. до 18 млн рублей в зависимости от тяжести и характера нарушения. Диспозиции статей 13.11, 13.14 содержат такой вид наказания, как предупреждение, которое может быть назначено при малозначительности нарушения и его первичности. Однако в условиях уже-стечения регуляторной политики предупреждения становятся все менее распространенной мерой, уступая место ощутимым денежным взысканиям. Конфискация орудия совершения правонарушения (например, серверного оборудования) применяется крайне редко и обычно в совокупности с другими видами наказаний по делам, связанным с особо грубыми нарушениями.

Несмотря на детализацию норм, правоприменительная практика сталкивается с рядом устойчивых проблем. Одной из таких является **сложность доказывания умысла и причиненного вреда**. Административные составы в сфере ПДн, как правило, сконструированы как формальные: для привлечения к ответственности достаточно самого факта нарушения процедурной нормы, не требуется наступления каких-либо вредных последствий. Это упрощает доказывание. Однако в случаях, связанных с разглашением информации (ст. 13.14), иногда возникает вопрос о субъективной стороне. Доказать умысел на разглашение, особенно при неосторожных действиях сотрудника (отправка email не тому адресату), бывает сложно. Кроме того, потерпевшие (субъекты ПДн) редко обращаются с жалобами, так как часто не знают о факте нарушения, а если и знают, то не могут доказать размер морального или материального вреда, что, впрочем, не является обязательным для административного производства [9].

Еще одна проблема — размытость формулировок и оценочные категории. Многие понятия, используемые в законодательстве, носят оценочный характер. Что является «достаточными» организационными и техническими мерами защиты (ч. 7 ст. 13.11)? Когда обработка может считаться «несовместимой с целями сбора» (ч. 1 ст. 13.11)? Эти вопросы решаются правоприменителем по своему усмотрению, что ведет к риску произвола и неравенству в привлечении к ответственности. Отсутствие детализированных, технологически нейтральных стандартов приводит к тому, что одни и те же действия могут быть по-разному оценены разными инспекторами или судами.

Следующая — низкий уровень осведомленности граждан. Большинство граждан не вникают в содержание политик конфиденциальности, автоматически нажимая кнопку «Согласен», не знают о своих правах на отзыв согласия, доступ, уточнение и блокировку своих данных. Это приводит к низкой активности в защите своих прав и, как следствие, к недостаточному общественному контролю над операторами ПДн. Основным двигателем правоприменения остаются плановые проверки Роскомнадзора и жалобы конкурентов, а не запросы самих субъектов данных [7].

Кроме прочего, отметим, что законодательство не спешает за технологическим прогрессом. Появление новых технологий, таких как нейросети, работающие на больших массивах ПДн, биометрическая идентификация, интернет вещей (IoT), создает правовые пробелы. Квалификация действий, связанных, например, с профилированием личности или использованием алгоритмов искусственного интеллекта для обработки ПДн, часто вызывает затруднения и требует аналогии закона или расширительного толкования существующих норм, что противоречит принципу правовой определенности.

Наконец, существует заметный дисбаланс между строгостью административной ответственности для среднего и малого бизнеса, с одной стороны, и для государственных органов, с другой. Крупные коммерческие компании регулярно подвергаются значительным штрафам, в то время как аналогичные нарушения в государственных информационных системах, где обрабатываются миллионы записей, зачастую остаются без адекватной административной реакции или ограничиваются предупреждениями.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. 31. Ст. 4398.
2. Постановление ЕСПЧ от 24.06.2004 по делу «Вон Ганновер против Германии» (Von Hannover v. Germany), жалоба № 59320/00 // [Цитируется в российской правовой доктрине при определении границ частной жизни].
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»» (ред. от 26.12.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

В завершение исследования необходимо отметить, что административная ответственность, безусловно, выступает действенным и необходимым инструментом защиты неприкосновенности частной жизни в современном обществе. Сформированный в КоАП РФ блок норм, особенно в редакции, ужесточенной в последние годы, создает существенные риски для операторов, нарушающих законодательство о персональных данных, и выполняет важную превентивную функцию. Однако анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что эффективность данного инструментария носит ограниченный характер [8].

Основные проблемы носят системный и отчасти концептуальный характер. Административное право в его текущем виде успешно борется с формальными, процедурными нарушениями, но оказывается недостаточно гибким и технологичным для адекватного ответа на существенные вызовы цифровой эпохи: скрытую коммерческую эксплуатацию цифровых профилей, манипулятивное поведенческое таргетирование, сложно доказуемые утечки данных из-за кибератак. Смещение фокуса с наказания за формальное нарушение процедуры на предотвращение реальных угроз приватности требует дальнейшего развития законодательства. Необходима более четкая детализация технических и организационных требований, введение отраслевых стандартов, развитие системы стимулирования внедрения технологий Privacy by Design и Privacy by Default. Важнейшим направлением должна стать просветительская работа по повышению цифровой и правовой грамотности населения, превращающая пассивных субъектов данных в активных участников контроля над своей частной информацией.

Таким образом, административно-правовой механизм защиты неприкосновенности частной жизни нуждается не в простом ужесточении санкций, а в качественной модернизации, направленной на повышение его адаптивности, технологической адекватности и ориентации на реальные интересы и права личности в цифровой среде. Только такой подход позволит обеспечить действительный баланс между интересами развития технологий, бизнеса, государства и фундаментальным правом человека на приватность.

6. Агалов А. Б. Административная ответственность: учебник для бакалавриата и магистратуры. 18-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 480 с.
7. Богданова Н. А. Частная жизнь: конституционно-правовые аспекты // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 85–97.
8. Рассолов М. М. Информационное право: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 487 с.
9. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 798 с.
10. Фатьянов, А. А. Правовое обеспечение безопасности информации: учебное пособие. М.: Форум, 2021. 320 с.

Административная ответственность за цифровые посягательства на личность: квалификация кибербуллинга, доксинга и несанкционированной съемки в действующем законодательстве РФ

Мельникович Василий Владимирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Захарова Виктория Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена актуальной проблеме противодействия новым цифровым правонарушениям, посягающим на достоинство, честь, репутацию и личную безопасность граждан в сети «Интернет». Автор анализирует возможности привлечения к административной ответственности за такие современные формы антисоциального поведения, как кибербуллинг (травля), доксинг (злонамеренное распространение персональных данных) и несанкционированная фотовидеосъемка с последующим распространением материалов. В работе исследуется вопрос квалификации указанных деяний по нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, выявляются системные проблемы правоприменения, связанные с разграничением составов, анонимностью нарушителей и определением надлежащего субъекта ответственности. На основе анализа правоприменительной практики формулируются практические рекомендации для пострадавших граждан по фиксации доказательств и обращению в компетентные органы. Делается вывод о необходимости адаптации административно-правовых средств защиты к реалиям цифрового пространства для обеспечения эффективной охраны прав личности.

Ключевые слова: административная ответственность, кибербуллинг, доксинг, несанкционированная съемка, персональные данные, цифровые правонарушения.

Цифровая трансформация общества, наряду с несомненными благами, породила новые, специфические формы посягательств на права и законные интересы личности. Пространство сети «Интернет», характеризующееся трансграничностью, анонимностью и высокой скоростью распространения информации, стало средой для возникновения и масштабирования таких деструктивных явлений, как кибербуллинг, доксинг и несанкционированное распространение приватных визуальных материалов. Эти действия напрямую затрагивают конституционно защищаемые блага: достоинство личности (ст. 21 Конституции РФ), честь и доброе имя (ст. 23 Конституции РФ), неприкосновенность частной жизни (ст. 24 Конституции РФ), а также право на личную безопасность [1]. В отличие от традиционных форм оскорблений или нарушения тайны, цифровой характер данных правонарушений существенно осложняет их юридическую квалификацию, доказывание и пресечение. Уголовное право, в силу принципа *ultima ratio*, реагирует лишь на наиболее общественно опасные проявления (например, истязание

или доведение до самоубийства, связанные с систематическим унижением). Административное же право, обладающее свойствами оперативности и распространенности, призвано стать основным инструментом противодействия широкому спектру подобных нарушений в повседневной жизни. Однако действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) не содержит специальных составов, непосредственно описывающих кибербуллинг или доксинг, что вынуждает правоприменителей использовать традиционные нормы по аналогии. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью системного анализа возможностей и пределов административно-правового реагирования на цифровые угрозы личности, выявления пробелов в законодательстве и формирования научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики.

Кибербуллинг, доксинг и несанкционированная съемка представляют собой комплексные правонарушения, посягающие на совокупность общественных отношений. Их

правовая природа требует уточнения в контексте административного права.

Кибербуллинг (кибертравля) понимается как умышленные, систематические, враждебные действия, совершаемые индивидуально или группой лиц с использованием электронных форм контакта (социальные сети, мессенджеры, форумы, игровые платформы) с целью причинения психологического вреда, изоляции, унижения или запугивания жертвы [7]. Административно-правовой аспект кибербуллинга заключается в том, что его отдельные эпизоды или менее опасные формы, не достигающие степени уголовного преступления, нарушают установленный порядок управления в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности, а также защиты прав граждан на психологическую неприкосновенность.

Доксинг — это практика сбора и публикации в открытом доступе персональных данных (таких как домашний адрес, номер телефона, паспортные данные, данные о месте работы, личная переписка) без согласия субъекта, совершающаяся, как правило, со злонамеренной целью: для организации травли, шантажа, мести или подстрекательства к реальному насилию («оффлайн-набеги») [8]. В административном праве доксинг представляет собой специфическую форму нарушения законодательства о персональных данных, отягченную противоправной целью и публичным характером распространения.

Несанкционированная фото-видеосъемка и распространение материалов охватывает действия по созданию изображения гражданина в частной обстановке без его согласия, а также последующую публикацию или передачу таких материалов третьим лицам. Данные действия нарушают право человека на собственное изображение как элемент неприкосновенности частной жизни, гарантированный статьей 152.1 Гражданского кодекса РФ, и могут также посягать на интимную сферу личности [2]. Административно-правовая составляющая проявляется в нарушении установленных запретов на сбор и распространение информации о частной жизни.

Объединяющими чертами данных цифровых правонарушений являются: использование информационно-телекоммуникационных сетей как основного средства совершения; трудность идентификации субъекта; трансграничный потенциал; высокая скорость вирального распространения информации, обуславливающая значительный и часто необратимый вред личности; психологическое давление и чувство безнаказанности у нарушителя.

Действующее административное законодательство не имеет «цифрового» измерителя, в связи с чем правоприменитель вынужден проецировать классические составы на новые реалии.

Наиболее частыми нормами, применяемыми к эпизодам кибертравли, являются:

1. Статья 5.61 КоАП РФ «Оскорбление». Данная норма предусматривает ответственность за унижение

чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Ключевым для квалификации публикации в сети как оскорбления является установление факта унизительной, неприличной формы высказывания (использование нецензурной лексики, унизительных сравнений, оскорбительных изображений), а также его адресности (идентифицируемости потерпевшего) [3]. Например, публичный комментарий под фотографией пользователя, содержащий нецензурные унизительные характеристики, может быть квалифицирован по части 1 данной статьи. Сложность заключается в доказывании того, что высказывание было именно в неприличной форме, а не являлось грубой, но допустимой критикой.

2. Статья 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство». Часть 1 данной статьи (нарушение общественного порядка, выражющее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах) может быть применена, если оскорбительные высказывания, содержащие нецензурную лексику, совершены в публичном сегменте сети «Интернет» (открытый форум, группа в социальной сети, комментарии к публикации в СМИ), который правоприменительная практика зачастую признает «общественным местом» в виртуальном смысле [5]. Однако данная квалификация является дискуссионной, так как диспозиция статьи традиционно связывается с физическим общественным местом.

В свою очередь, административно-правовая реакция на доксинг строится преимущественно вокруг защиты персональных данных:

1. Статья 13.11 КоАП РФ «Нарушение законодательства в области персональных данных». Доксинг практически всегда подпадает под действие данной статьи. В зависимости от конкретных обстоятельств могут быть применены различные части: обработка ПДн без согласия субъекта (ч. 2); распространение ПДн без согласия, если такое согласие требуется (ч. 2); непринятие мер по обеспечению безопасности ПДн, приведшее к их утечке и последующему распространению (ч. 7, 8). Например, если злоумышленник, получивший доступ к базе данных клиентов компании, выкладывает ее в открытый доступ, его действия (при отсутствии признаков состава ст. 137 УК РФ) могут быть квалифицированы по ч. 2 и 7 ст. 13.11 КоАП РФ. Если же доксинг совершается путем сбора уже публично доступных, но разрозненных данных с последующей их агрегацией и публикацией с целью травли, это также может рассматриваться как обработка ПДн с нарушением установленных целей.

2. Разграничение с уголовной статьей 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни». Квалификация по КоАП РФ происходит в случаях, когда распространение сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну, не причинило существенного вреда правам и законным интересам потерпевшего, либо когда умысел виновного не был направлен на причинение вреда, либо когда распространяемые сведения изначально не являлись тайной, но их агрегация

и контекст публикации носят злонамеренный характер. Решение о возбуждении уголовного дела или дела об административном правонарушении принимается на основе оценки тяжести последствий и наличия корыстной цели или цели причинения вреда.

Рассмотрим квалификацию несанкционированной съемки и распространения материалов. Системный характер данных действий требует одновременного или альтернативного применения нескольких норм:

1. Статья 13.14 КоАП РФ «Разглашение информации с ограниченным доступом». Если изображение или видео было получено лицом в связи с исполнением его служебных или профессиональных обязанностей (например, сотрудником клиники, фитнес-центра, мастером по ремонту), а затем разглашено, его действия подпадают под данную статью. Съемка же скрытой камерой в раздевалке, с последующей публикацией, также нарушает запрет на разглашение информации о частной жизни, доступ к которой был получен незаконным путем.

2. Статья 13.11 КоАП РФ. Биометрические персональные данные (к которым относятся изображения и видеозаписи человека) находятся под особой защитой закона [4]. Их обработка, включая сбор, запись и распространение, требует явно выраженного письменного согласия субъекта, за исключением строго оговоренных законом случаев. Следовательно, несанкционированная съемка и публикация чаще всего являются нарушением ч. 2 ст. 13.11 КоАП РФ (обработка ПДн без согласия).

3. Статья 5.10 КоАП РФ «Изготовление или распространение анонимных агитационных материалов и иные нормы. В редких случаях, когда распространение компрометирующих материалов носит признаки целенаправленного воздействия на репутацию в предвыборный период, может применяться ст. 5.10. Если распространение осуществляется через СМИ с нарушением установленных правил, возможно привлечение к ответственности по статьям главы 13 КоАП РФ, регулирующим нарушения в сфере массовой информации.

Применение норм КоАП РФ к цифровым правонарушениям сопряжено с рядом фундаментальных проблем.

1. Проблема разграничения административной и уголовной ответственности. Грань между, например, административным оскорблением (ст. 5.61 КоАП РФ) и уголовным оскорблением (ст. 130 УК РФ, утратила силу, но аналогичные вопросы актуальны для ст. 128.1 УК РФ «Клевета») или между доксингом по КоАП и по ст. 137 УК РФ зачастую весьма условна. Критерии «причинение вреда» и «существенное нарушение прав» носят оценочный характер. На практике это ведет либо к необоснованному отказу в возбуждении уголовного дела с последующей невозможностью привлечения к административной ответственности из-за истечения сроков, либо к чрезмерной криминализации. Отсутствие четких разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по квалификации цифровых посягательств усугубляет проблему [10].

2. Проблема анонимности и идентификации субъекта ответственности. Установление лица, совершившего правонарушение под псевдонимом или через анонимный прокси-сервер, представляет значительную техническую и процессуальную трудность для органов внутренних дел. Требуется проведение оперативно-розыскных мероприятий, что затягивает процедуру и не всегда гарантирует результат. Кроме того, возникает вопрос о субъекте ответственности за контент, размещенный пользователями: может ли быть привлечен к административной ответственности владелец платформы или администратор сообщества по ст. 13.31 КоАП РФ («Неисполнение обязанностей по удалению информации») за непринятие мер к удалению оскорбительного контента после получения уведомления? Правоприменительная практика по данному вопросу только формируется.

3. Проблема юрисдикции и территориальной подведомственности. Поскольку и нарушитель, и потерпевший, и серверы, на которых размещена информация, могут находиться в разных субъектах РФ или даже за рубежом, возникает вопрос о том, какой территориальный орган Роскомнадзора или МВД правомочен возбуждать и рассматривать дело. Согласно ч. 1 ст. 29.5 КоАП РФ, дело рассматривается по месту совершения правонарушения. Но где «совершается» публикация поста в социальной сети: по месту жительства нарушителя, по месту нахождения сервера компании-оператора или в месте, где его увидел потерпевший? На практике часто применяется правило о месте жительства правонарушителя, но его установление, как уже отмечалось, является первоочередной проблемой.

4. Проблема доказывания и фиксации доказательств. Электронные доказательства (скриншоты, переписка) хрупки: их можно удалить, отредактировать. Для обеспечения их допустимости в качестве доказательств по административному делу требуется соблюдение процедуры их изъятия и осмотра, часто с участием специалистов. Простого предъявления распечатки скриншота суду может быть недостаточно, необходимо удостоверить его подлинность, источник происхождения и неизменность. Вовлечение нотариуса для заверения контента интернет-страницы (в соответствии со ст. 102 Основ законодательства о нотариате) является эффективным, но финансово затратным способом для потерпевшего [9].

В случае столкновения с кибербуллингом, доксингом или несанкционированным распространением своих изображений гражданину рекомендуется последовательно предпринять следующие действия:

1. Фиксация доказательств. Необходимо незамедлительно зафиксировать факт правонарушения: сделать детальные скриншоты (с видимым URL-адресом страницы, датой и временем), сохранить исходный код страницы, зафиксировать весь контекст (комментарии, подписи). Наиболее надежным способом является обращение к нотариусу для совершения нотариального действия по обеспечению доказательств (осмотра интернет-сайта). Это

придает электронным данным силу судебного доказательства.

2. Обращение к администрации платформы. Попытать жалобу владельцу социальной сети, мессенджера или хостинг-провайдера на нарушение правил сообщества и требований законодательства РФ с требованием удалить противоправный контент и заблокировать аккаунт нарушителя. Это необходимо для пресечения дальнейшего причинения вреда и может служить дополнительным доказательством.

3. Подача заявления в правоохранительные органы. Обратиться с заявлением в территориальный орган Министерства внутренних дел РФ. В заявлении следует максимально подробно описать обстоятельства, указать данные нарушителя (если они известны), приложить собранные доказательства и потребовать привлечения виновного к административной ответственности по конкретным статьям КоАП РФ (например, ст. 5.61, 13.11). Если в деянии усматриваются признаки уголовного преступления (угрозы, истязание), об этом также следует указать.

4. Обращение в Роскомнадзор. Если нарушение связано с обработкой персональных данных (доксинг, распространение фото/видео), целесообразно направить жалобу в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) как уполномоченный орган по защите прав субъектов ПДн. Роскомнадзор имеет право проводить проверки в отношении операторов ПДн (которым может являться и частное лицо, осуществляющее систематическую обработку данных) и привлекать их к административной ответственности по ст. 13.11 КоАП РФ [6].

5. Обращение в суд. Одновременно или после получения постановления по административному делу потерпевший вправе обратиться в суд общей юрисдикции с иском о возмещении морального вреда, причиненного распространением порочащих сведений или нарушением неприкосновенности частной жизни (ст. 151, 152, 1099–1101 ГК РФ). Решение по административному делу будет являться важным доказательством факта правонарушения в гражданском процессе.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 26.12.2017) «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
6. Агапов А. Б. Административная ответственность в российском праве: современные тенденции и цифровые вызовы. М.: Норма, 2023. 320 с.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что действующее административное законодательство Российской Федерации, несмотря на отсутствие специальных составов, в теории предоставляет определенный арсенал средств для борьбы с кибербуллингом, доксингом и несанкционированной съемкой. Нормы об оскорблении, нарушении законодательства о персональных данных и разглашении информации с ограниченным доступом могут быть экстраполированы на цифровую среду. Однако эффективность их применения на практике существенно снижается из-за системных проблем: оценочности и архаичности диспозиций, сложностей в идентификации анонимных нарушителей, нечеткости разграничения с уголовной ответственностью и недостаточной технологической оснащенности правоприменителей.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что механическое применение старых норм к новым вызовам является паллиативом. Требуется качественное развитие административно-деликтного права в русле цифровизации. В перспективе назрела необходимость введения в КоАП РФ специализированных составов, более точно описывающих общественно опасные деяния в цифровой среде, например, «целенаправленное распространение персональных данных в целях причинения вреда» (доксинг) или «систематическое унижение чести и достоинства в информационно-телеинформационных сетях» (кибербуллинг), с четким указанием на способ совершения и характер наступивших последствий. Это позволит повысить определенность закона, облегчит квалификацию и обеспечит более адекватную защиту потерпевшим [8].

До внесения таких изменений ключевое значение имеют активная правоприменительная позиция контрольно-надзорных органов и судов, готовых давать расширительное толкование существующим нормам в защиту конституционных прав личности, а также повышение цифровой и правовой грамотности населения. Только комплексный подход, сочетающий законодательные новации, эффективное правоприменение и самооборону граждан в цифровой среде, способен противостоять новым угрозам приватности, достоинству и безопасности личности в XXI веке.

7. Волеводз А. Г. Противодействие кибербуллингу: международный опыт и российские реалии // Информационное право. 2020. № 3. С. 12–18.
8. Полякова Т. А. Защита персональных данных в эпоху цифровых технологий: новые вызовы и юридические средства ответа // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 5. С. 104–115.
9. Рассолов М. М., Горбунов А. К. Информационное право и противодействие киберпреступлениям. М.: Юнити-Дана, 2022. 280 с.
10. Чижевский В. С. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный). 12-е изд., перераб. и доп. М.: КноРус, 2023. 1184 с.

Теоретико-правовые аспекты и уголовно-правовая характеристика кибермошенничества

Метелкина Ольга Викторовна, студент магистратуры
Херсонский технический университет (г. Геническ)

В статье проводится комплексный анализ феномена кибермошенничества как качественно нового вида преступной деятельности в цифровую эпоху. Цель исследования — выявить сущностные признаки, отличающие его от традиционного мошенничества, и проанализировать адекватность его уголовно-правовой регламентации в законодательстве Российской Федерации. Особое внимание уделяется критическому разбору ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации». В заключении обосновывается необходимость выделения самостоятельного состава «компьютерное хищение» и даются рекомендации по совершенствованию уголовного закона и судебного толкования.

Ключевые слова: кибермошенничество, компьютерное хищение, ст. 159.6 УК РФ, квалификация преступлений, цифровая преступность, информационно-телекоммуникационные технологии, объект преступления.

Theoretical and legal aspects and criminal-legal characteristics of cyber fraud

Metelkina Olga Viktorovna, master's student
Kherson Technical University (Genichesk)

The article provides a comprehensive analysis of the phenomenon of cyber fraud as a qualitatively new type of criminal activity in the digital age. The aim of the study is to identify the essential features that distinguish it from traditional fraud and to analyze the adequacy of its criminal law regulation in the legislation of the Russian Federation. Special attention is paid to a critical analysis of Art. 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation «Fraud in the field of computer information». In conclusion, the necessity of distinguishing an independent offense of «computer theft» is substantiated and recommendations for improving the criminal law and judicial interpretation are given.

Keywords: cyber fraud, computer theft, Art. 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, crime qualification, digital crime, information and communication technologies, object of crime.

Динамичная цифровизация общества породила новые, высокотехнологичные формы посягательств на имущественные права. Кибермошенничество стало одной из наиболее распространенных и финансово опасных угроз. Несмотря на активное законотворчество, правовое противодействие ему остается фрагментарным. Актуальность исследования обусловлена необходимостью четкого доктринального понимания кибермошенничества и выявления пробелов в его уголовно-правовой характеристике, что и составляет цель данной статьи.

Кибермошенничество не является простым переносом классического мошенничества (ст. 159 УК РФ) в цифровую среду. В работе профессора М. А. Ефремовой выделяется понятие «преступления против безопасности информации»

онно-телекоммуникационных технологий» и определяет их как «совокупность запрещенных законом общественно опасных деяний, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие безопасность процессов и методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации посредством средств вычислительной техники и информационно-телекоммуникационных сетей» [1]. Таким образом, это качественно новое явление, суть которого заключается в хищении чужого имущества или приобретении права на него посредством воздействия на информационные системы, данные или цифровые каналы коммуникации.

Ключевыми отличительными признаками кибермошенничества выступают: трансграничность, высокая сте-

пень анонимности и автоматизации, массовость и масштабируемость, использование социальной инженерии как метода манипуляции. Типология видов постоянно эволюционирует, включая фишинг, скимминг, мошенничество в онлайн-торговле и с использованием мобильных приложений.

Субъективная сторона анализируемого деяния характеризуется наличием исключительно **прямого умысла**. Виновное лицо осознает общественную опасность своих действий, заключающихся во введении потерпевшего в заблуждение посредством обмана, реализованного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, предвидит неизбежность или реальную возможность наступления имущественного ущерба и желает его причинения. **Мотив** преступления в подавляющем большинстве случаев носит корыстный характер.

Объективная сторона кибермошенничества структурно складывается из двух последовательных и взаимосвязанных деяний: реализации обмана либо злоупотребления доверием в цифровой среде и непосредственно хищения чужого имущества. Качественное своеобразие данного состава преступления заключается в модификации самого способа обмана. В киберпространстве обманые действия подразделяются на два основных типа: **технический обман**, представляющий собой создание и использование ложных информационных ресурсов (например, фишинговых веб-страниц, копирующих интерфейс банковских систем), и **психологический обман**, основанный на методиках социальной инженерии и направленный на манипуляцию волей потерпевшего посредством телефонных коммуникаций, сообщений в мессенджерах или электронной почты.

Имущественный ущерб как преступное последствие в подобных случаях наступает, как правило, моментально — в секунду проведения несанкционированной электронной транзакции. Установление же причинно-следственной связи между обманными действиями злоумышленника и возникшим вредом зачастую требует привлечения специальных познаний в области компьютерно-технической экспертизы и анализа цифровых следов, что составляет одну из ключевых процессуальных сложностей при расследовании данного вида преступлений.

Литература:

1. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: монография. М., 2018. С. 221–222.
2. Лопашенко, Н. А. Законодательная форма мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9. — № 3. — С. 504–513.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 50. — Ст. 7362.

Действующая ст. 159.6 УК РФ криминализирует хищение путем вмешательства в работу компьютерной информации или сетей. Однако ее попытка вписать цифровое хищение в конструкцию мошенничества, конститутивным признаком которого является обман лица, создает внутренний конфликт. Во многих схемах (например, взлом аккаунта) преступник взаимодействует с системой, а не с человеком. Справедливо подчеркивает Н. А. Лопашенко, что классическая диспозиция данной нормы не в полной мере отражает специфику способа совершения преступления, когда обманные действия реализуются не в ходе личного контакта, а опосредовано, через компьютерные системы и сети [2]. Это порождает серьезные проблемы в правоприменении.

Так, одно деяние может быть квалифицировано и по ст. 159.6, и как кража (ст. 158 УК РФ), если имущество изымается тайно с использованием ИТ-средств, и как неправомерный доступ (ст. 272 УК РФ).

Второй проблемой стоит обозначить смешение объектов преступления: ст. 159.6 УК РФ охраняет как имущественные отношения (основной объект), так и отношения компьютерной безопасности (дополнительный объект), что снова затрудняет разграничение со ст. 272 УК РФ.

Отсутствие единых критериев приводит к разноречивым решениям судов, подрывая принцип единства правоприменения.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что ст. 159.6 УК РФ не решает, а усугубляет проблему квалификации цифровых хищений. Представляется научно обоснованным и практически целесообразным исключить искусственную связь с мошенничеством. Назрела необходимость введения в главу 21 УК РФ самостоятельного состава «Компьютерное хищение» (условно ст. 158.1), объективная сторона которого будет непосредственно описывать хищение имущества путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации или иного вмешательства в функционирование информационно-телекоммуникационных систем. Параллельно требуется принятие нового постановления Пленума Верховного Суда РФ, устанавливающего четкие критерии разграничения кражи, компьютерного хищения, мошенничества и неправомерного доступа к компьютерной информации.

Механизмы согласия на обработку персональных данных: современные вызовы и сравнительно-правовой анализ

Мисюк Екатерина Викторовна, студент магистратуры

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

Статья посвящена анализу эффективности механизма согласия на обработку персональных данных в цифровой среде. Рассматриваются институциональные, технологические и правоприменимельные факторы, снижающие практическую защиту прав субъектов данных в России. Выполнен сравнительный обзор зарубежных моделей (ЕС, Азия, Латинская Америка, США), выявлены различия подходов и их влияние на уровень защиты персональной информации. Особое внимание уделено проблемам интерфейсов, «тёмных паттернов», нормативных пробелов и ограниченной судебной практики.

Ключевые слова: персональные данные, согласие субъекта, обработка данных, цифровая среда.

Переход к цифровой экономике привёл к тому, что персональные данные превратились в ключевой ресурс и одновременно — в уязвимость современного общества. Государственные сервисы, коммерческие платформы и интернет-инфраструктура ежедневно генерируют колоссальные объёмы информации о гражданах, что требует устойчивых и действенных правовых механизмов контроля. В российском законодательстве таким механизмом традиционно выступает согласие субъекта персональных данных. Однако реальная эффективность этого инструмента вызывает серьёзные сомнения: интерфейсы¹ сбора согласия, то есть всплывающие окна и формы на сайтах, через которые пользователь просит дать согласие на обработку его данных, зачастую формальны, а фактическое волеизъявление пользователя подменяется техническими процедурами.

Рост цифровых сервисов приводит к постоянному расширению объёма собираемых данных. Однако вместе с этим совершенствуются и методы скрытого профилирования, увеличивается количество персонализированной рекламы, основанной на поведении человека в сети и коммерческой эксплуатации информации о пользователях. В этих условиях институт согласия на обработку персональных данных (далее — согласие) должен выступать реальным защитным фильтром, предотвращающим злоупотребления. Тем не менее, как показывает российская практика, согласие чаще выполняет роль юридической «галочки», создавая лишь видимость соблюдения требований закона. Такая ситуация создаёт риски для неприкосновенности частной жизни, а также снижает доверие граждан к цифровым платформам.

Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (далее — Федеральный закон № 152-ФЗ) закрепляет высокие стандарты согласия: оно должно быть свободным, конкретным, информированным и однозначным. Однако отсутствие детализированных требований к форме и способам его получения приводит

к тому, что операторы нередко формируют согласие как обязательное условие доступа к сервису. Текст согласия зачастую перегружен юридической терминологией и не ориентирован на понимание средним пользователем, что снижает реальную информированность субъекта. В результате возникает разрыв между юридическим смыслом нормы и её фактическим исполнением.

Исследования показывают, что визуальное оформление и архитектура интерфейса различных сайтов критически влияют на решение пользователя. Распространены следующие манипулятивные приёмы: скрытые или сложно-доступные кнопки отказа, визуальное выделение кнопки «Принять», отсутствие альтернативных сценариев взаимодействия без согласия, использование усложнённых многоуровневых меню.

Подобные практики активно применяются и в российских сервисах, что подрывает принцип добровольности согласия. Особое место занимает неоднозначность правового статуса cookie²: отсутствие чёткого регулирования позволяет операторам свободно интерпретировать степень необходимости согласия.

Причины слабой эффективности механизма согласия в России связаны с тем, что существующая правовая модель не успевает за техническими и организационными реалиями цифровой среды, что приводит к целому ряду системных проблем, проявляющихся в следующих аспектах.

Во-первых, юридико-технологический разрыв. Нормативные требования к форме и содержанию согласия не сопровождаются указаниями на стандарты интерфейсов. Это приводит к тому, что операторы формируют согласие в удобном для себя формате, а не в форме, обеспечивающей истинную информированность пользователя.

Во-вторых, недостаточность технического надзора. Регулятор не располагает полноценными цифровыми инструментами для мониторинга сайтов, анализа архитек-

¹ Интерфейс — это совокупность элементов, через которые пользователь взаимодействует с сайтом.

² Cookie — это файлы, которые сайт сохраняет в браузере пользователя. Они помогают запоминать его действия и настройки, а также позволяют отслеживать поведение в интернете для аналитики и персонализации.

туры интерфейсов, выявления «тёмных паттернов»³. Это делает контроль выборочным и реактивным.

В-третьих, недостаточная судебная практика. Суды редко рассматривают дела, связанные с недобровольным или манипулятивно полученным согласием. Отсутствие прецедентов снижает уровень правовой определённости и не формирует устойчивые стандарты поведения для операторов.

Таким образом, в России законодательные требования к согласию на обработку персональных данных не подкреплены стандартами цифровых интерфейсов, а контролирующие органы не располагают достаточными техническими средствами для мониторинга сайтов. Дополнительную сложность создаёт слабая судебная практика: редкие решения по делам о недобровольном согласии не формируют чётких ориентиров ни для регуляторов, ни для операторов. В результате механизм согласия функционирует формально и не обеспечивает реального контроля пользователя над своими данными.

Сравнительный анализ зарубежных моделей

Европа (GDPR — General Data Protection Regulation, Общий регламент по защите данных) — это основной нормативный акт Европейского союза, регулирующий обработку персональных данных и обеспечивающий высокий уровень их защиты [8]. GDPR устанавливает требования к согласию, правам субъектов данных, обязанностям операторов и регуляторов, а также предусматривает строгие меры контроля и штрафы за нарушения. Европейская модель отличается высокой степенью детализации требований: согласие должно быть не только свободным и информированным, но и визуально нейтральным. Регуляторы активно применяют штрафы, публикуют руководства для разработчиков интерфейсов, формируют массив практики, который ориентирует рынок на соблюдение норм.

Азия (Китай, Корея, Япония). Азиатские модели в значительной степени базируются на европейских подходах, но сочетаются с сильным государственным кон-

тролем. Китайская PIPL (Personal Information Protection Law, Закон о защите персональной информации) — основной закон КНР, регулирующий сбор, хранение, использование и передачу персональных данных граждан Китая [9], предусматривает ряд исключений для государственных структур, но при этом требует строгого соблюдения процедур согласия частными операторами.

Латинская Америка (Бразилия). Бразильский LGPD (Lei Geral de Proteção de Dados, Общий закон о защите данных) — основной закон Бразилии о защите персональных данных [10], стремится повторить логику GDPR: высокая защита субъекта, создание уполномоченного органа, систематизация требований к согласиям. Однако на практике правоприменение развивается постепенно.

США. Американская модель отличается фрагментарностью: регулирование зависит от штата и отрасли. Согласие часто заменяется механизмами отказа (opt-out), что делает защиту менее предсказуемой и менее универсальной.

Мировая практика показывает, что эффективность согласия обеспечивается сочетанием чётких стандартов, развитого надзора и высокой прозрачности для пользователей. Россия на текущем этапе имеет преимущественно декларативную модель, в которой нормы закона формально корректны, но не обеспечены технологическими и процедурными механизмами их реализации.

Таким образом, согласие как юридический институт остаётся важным, но его эффективность в защите прав субъектов персональных данных зависит не только от текста закона, но и от того, как нормы воплощаются в интерфейсах, технологиях надзора и практиках бизнеса. Для России актуален комплексный подход: унификация стандартов интерфейса, технологическое усиление надзора, создание удобных инструментов для субъектов данных и развитие прецедентного права. Сильное законодательство без инструментов реализации остаётся декларацией — и именно перевод норм в измеримую практику должен стать ближайшей задачей регуляторов, судов и профессионального сообщества.

Литература:

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1).
2. Постановление Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 45.
3. Борисенко, О. В. Анализ Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» / О. В. Борисенко. — Текст: непосредственный // Вестник ЮУрГУ. — 2012.
4. Зюбанов, К. А. Согласие на обработку персональных данных — *sui generis*-действие / К. А. Зюбанов. — Текст: непосредственный // Вестник КемГУ. — 2024.
5. Липова, Е. А. Обзор реформы российского законодательства о персональных данных (2022 года) / Е. А. Липова. — Текст: непосредственный // Право и цифровая экономика. — 2022.

³ Тёмные паттерны — это элементы дизайна сайта, намеренно созданные так, чтобы подталкивать пользователя к определённому действию, которое выгодно оператору (например, принятию согласия), но может противоречить интересам самого пользователя.

6. Мищенкова, К. В. Согласие как основание обработки персональных данных / К. В. Мищенкова. — Текст: непосредственный // Вестник КемГУ. — 2024.
7. Страхов, А. А. Принципиальные основы обработки персональных данных в цифровом обществе / А. А. Страхов. — Текст: непосредственный // Государство и право. — 2025.
8. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета. — Текст: электронный // eur-lex.europa.eu: [сайт]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/TXT/?uri=CELEX%3A32016R0679> (дата обращения: 09.12.2025).
9. Закон Китайской Народной Республики о защите персональной информации. — Текст: электронный // [gov.cn: \[сайт\]](http://www.npc.gov.cn/npcc2/c30834/202108/t20210820_313088.html). — URL: http://www.npc.gov.cn/npcc2/c30834/202108/t20210820_313088.html (дата обращения: 09.12.2025).
10. General Data Protection Law LGPD and Privacy Terms of Use. — Текст: электронный // [cop30.br: \[сайт\]](https://cop30.br/en/general-data-protection-law-lgpd-and-privacy-terms-of-use). — URL: <https://cop30.br/en/general-data-protection-law-lgpd-and-privacy-terms-of-use> (дата обращения: 09.12.2025).

Общественная нравственность как объект административного регулирования

Насухов Артур Маккашарипович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В условиях современных угроз и вызовов, обеспечение безопасности государства включает в себя приоритетное и крайне социально значимое направление — защиту духовно-нравственных ценностей. Это требует формирования эффективной системы государственно-правовой охраны как национального духовного наследия, так и общественной нравственности. Существующая правовая база для этого механизма уже сформирована, в первую очередь, посредством мер государственного принуждения, среди которых особое место занимает административно-деликтное законодательство.

Ключевые слова: общественная нравственность, административно-правовая защита, административное правонарушение, пропаганда, нравственный порядок, КоАП РФ.

Public morality as an object of administrative regulation

In the face of modern threats and challenges, ensuring national security includes a priority and highly socially significant focus: the protection of spiritual and moral values. This requires the development of an effective system of state and legal protection of both the national spiritual heritage and public morality. The existing legal framework for this mechanism has already been established, primarily through state enforcement measures, among which administrative and tort legislation occupies a special place.

Keywords: public morality, administrative and legal protection, administrative offense, propaganda, moral order, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

В современном российском обществе, опираясь на традиционные духовно-нравственные ценности, общественная нравственность определяется как набор моральных и этических принципов, которые регулируют поведение людей. Эти принципы, унаследованные от предков, способствуют гармоничным отношениям между людьми, уважению к личности, укреплению семьи и формированию чувства ответственности перед государством и обществом.

Общественная нравственность на сегодняшний день является одним из активно употребляемых в правовом поле терминов, которая является объектом административного регулирования как совокупность норм поведения, которые охраняются административным законодательством. Административное право регулирует отношения в сфере государственного управления, в том числе по обеспечению порядка в этой сфере. В России это

регулирование осуществляется через КоАП РФ, который содержит статьи, предусматривающие ответственность за правонарушения, посягающие на общественную нравственность, такие как проституция.

Административное право защищает общественную нравственность, признавая ее ключевую роль в формировании моральных устоев и правил поведения в обществе. Нарушения этих устоев могут иметь серьезные негативные последствия для отдельных граждан, общества и государства. Важно понимать, что общественная нравственность может быть объектом защиты и в рамках других административных правонарушений. Например, пропаганда наркотиков нарушает не только здоровье населения, но и общественную нравственность. В целом, защита общественной нравственности является одной из задач административного законодательства согласно статье 1.2 КоАП РФ [8].

Административно-правовые механизмы, направленные на защиту общественной нравственности, являются ключевым инструментом обеспечения социальной стабильности и безопасности граждан. Российское государство защищает своих граждан, запрещая проституцию, вовлечение несовершеннолетних в курение, распространение информации о наркотиках и психотропных веществах, а также пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, смены пола и другие действия, которые могут нанести вред обществу. Применение административных санкций к нарушителям моральных норм выполняет функцию как превентивного воздействия на правонарушителей, так и профилактики уголовных преступлений.

В КоАП РФ общественная нравственность в качестве видового объекта административного правонарушения образует наряду со здоровьем и санитарно-эпидемиологическим благополучием населения единый родовой объект административно-правовой охраны в 6-й главе КоАП РФ. Данный раздел КоАП РФ включает правонарушения, посягающие на общественные отношения, связанные с моральными устоями общества. Однако его содержание и границы остаются неясными. Среди административных правонарушений следует учитывать [1]:

- статью 6.11 КоАП РФ, предусматривающую административную ответственность за проституцию;
- статью 6.12 КоАП РФ, устанавливающую административную ответственность за получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием проституцией другого лица;
- статью 6.20 КоАП РФ, которая ввела административную ответственность за изготовление юридическим лицом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и оборот таких материалов или предметов;
- статью 6.21 КоАП РФ, диспозиция которой установила административную ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних.

Следовательно, правонарушения, посягающие на общественную нравственность, включают в себя широкий спектр деяний, которые наносят вред моральным устоям общества.

Несмотря на то, что общественная нравственность является важным аспектом, российское административное законодательство ограничивает перечень правонарушений, связанных с ней, всего двумя статьями главы 6 КоАП РФ: «занятие проституцией» и «получение дохода от проституции, связанного с эксплуатацией другого лица». Законодатель считает, что такие вопросы, как воспитание детей, употребление алкоголя в общественных местах, появление в нетрезвом виде, нецензурная брань и наркомания, нарушают права граждан, угрожают здоровью населения или общественному порядку, не относятся к сфере нравственности.

Важно отметить, что административная ответственность, как и другие виды юридической ответственности,

преследует не только цель наказать виновных, но и предотвратить новые нарушения. К сожалению, в сфере защиты общественной морали эта профилактическая функция часто не работает. Основные проблемы в этой области связаны с неэффективностью существующих санкций, недостаточным вниманием к профилактике правонарушений и неполнотой законодательства [3].

Общественная нравственность позиционируется в КоАП РФ в качестве видового объекта охраны, и за последние несколько лет административная ответственность за посягательство на общественную нравственность была существенно усиlena. Однако анализ нормативного материала, а равно концептуальный подход, принятый законодателем в решении вопросов юридической формализации общественной нравственности и ее охраны, представляется небезупречным, что позволяет ставить вопрос о совершенствовании законодательства в области государственно-правовой охраны общественной нравственности.

Вопросы правоприменения и недостатки регулирования в отношении правонарушений, посягающих на общественную нравственность, касаются как определения правонарушений, так и эффективности мер ответственности.

Из-за неясности в законодательстве относительно того, что именно считается общественной нравственностью, включая вопросы проституции, государство испытывает трудности в борьбе с действиями, которые подрывают эти ценности. На уровне законодательства нет четкого определения понятия «нравственность», что создает путаницу в правоприменении. Хотя этот термин используется в КоАП, его значение не разъяснено, позволяя трактовать его по-разному [2].

Из-за расплывчатости формулировок в законах, сотрудники правопорядка испытывают трудности, пытаясь определить, где заканчиваются мораль и начинается административное правонарушение. Это затрудняет их работу и ставит нарушителей в невыгодное положение, так как они не понимают, насколько серьезно их проступок и какие будут последствия. Например, наказание за проституцию может быть слишком мягким, что не останавливает людей от повторных нарушений и подрывает общественный порядок. В итоге, государство не может эффективно защищать моральные ценности общества, что негативно сказывается на формировании нравственной среды.

С позиции морали и духовности, противодействие распространению информации о наркотиках критически важно для поддержания нравственности в обществе. Наркотики не только вредят здоровью, но и подрывают моральные принципы, на которых строится наше общество. Чтобы эффективно бороться с этим злом, законы должны быть ясными и однозначными. Важно, чтобы наказание за пропаганду наркотиков было адекватным: соответствовало степени вреда, который она наносит обществу, избегая как излишней мягкости, так и необоснованной суровости.

Помимо очевидной, открытой пропаганды наркотиков, важно помнить о более завуалированных способах их распространения. В средствах массовой информации и творчестве, например, наркотики могут упоминаться без негативной окраски, а иногда даже в позитивном ключе. Это, в свою очередь, может косвенно способствовать росту популярности наркотиков. Сложность заключается в том, что нынешняя формулировка статьи 6.13 КоАП не позволяет четко определить такие случаи и привлечь к ответственности тех, кто формирует у молодежи ложное представление о наркотиках. Более того, наказания за подобные нарушения, предусмотренные законом, часто не соответствуют реальной опасности, которую они представляют для общества [5].

Отсюда следует вывод, что для того, чтобы эффективно защитить моральные ценности и духовное благополучие общества, недостаточно просто прописать законы. Важно, чтобы эти законы были конкретными и предусматривали наказания, соразмерные тяжести проступка. Если этого не сделать, применение законов будет хаотичным и не принесет пользы. Это, в свою очередь, усугубит проблемы, такие как распространение наркотиков и разрушение моральных принципов.

Для усиления контроля за соблюдением общественной нравственности предлагается усовершенствовать законодательство, касающееся защиты общественной морали,

путем внесения поправок в Кодекс об административных правонарушениях. Суть изменений заключается в введении дополнительного признака — повторности. Если человек уже привлекался к административной ответственности за аналогичные нарушения, повторное совершение такого же проступка будет квалифицироваться строже. Цель этой инициативы — повысить ответственность за систематические нарушения, подрывающие общественные ценности. Введение критерия повторности направлено на повышение эффективности работы правоохранительных органов и усиление профилактического эффекта, сдерживающего лиц, склонных к повторным правонарушениям.

Следовательно, включение критерия повторности в административное законодательство, направленного на защиту общественной морали, является обоснованным шагом, который приведет к повышению эффективности правоприменения. Это позволит более строго контролировать систематических нарушителей, укрепить профилактические меры и, как следствие, улучшить общественную безопасность и порядок.

Улучшение законодательства, регулирующего ответственность за правонарушения в сфере общественной нравственности, является важным шагом для поддержания морального здоровья нации. Это позволит более эффективно предотвращать и наказывать правонарушения, которые наносят вред обществу.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.07.2025 N 236-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Борнина В. В. Административная ответственность за правонарушения против нравственности / В. В. Борнина // Высокие технологии и инновации в науке. — 2022. — С. 66–67.
3. Дизер О. А. Общественная нравственность в структуре общественного порядка и роль правовых средств в ее охране / О. А. Дизер // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2025. — № 1. — С. 8–14.
4. Кузнецова Е. А. Общественная нравственность и право: монография / Е. А. Кузнецова; СПбГУ. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024. — 198 с.
5. Мухин А. А. Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность / А. А. Мухин, В. Ю. Войтович // Наука Удмуртии. — 2025. — № 1 (87). — С. 80–83.
6. Овчинников А. И. Юридическая формализация понятия «Общественная нравственность» / А. И. Овчинников // Философия права. — 2024. — № 6 (79). — С. 100–106.
7. Смирнов Д. И. Обеспечение общественной нравственности в условиях цифровизации / Д. И. Смирнов // Государство и право. — 2024. — № 6. — С. 112–119.
8. Шапиро И. М. Нравственные основы общества в правовом государстве / И. М. Шапиро, А. Э. Абушова. // Молодой ученый. — 2024. — № 20 (100). — С. 397–399.
9. Шаповалов И. Н. Правовое регулирование защиты общественной нравственности в России / И. Н. Шаповалов, Е. В. Климова // Современное право. — 2024. — № 4. — С. 73–79.

Здоровье как объект административно-правовой охраны

Насухов Артур Маккашарипович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируется проблема упорядочивания правовых норм, обусловленная отсутствием общепринятого подхода к классификации видов административных правонарушений в области здравоохранения. Исследование автора посвящено критическому анализу методов законодательной техники, примененных при разработке главы 6 КоАП РФ. Особое внимание уделяется проблеме бланкетных диспозиций, которые, по мнению автора, требуют доработки. В качестве мер по оптимизации системы административной ответственности в сфере охраны здоровья предлагается, в том числе, структурировать законодательство путем выделения отдельных разделов для различных категорий правонарушений.

Ключевые слова: здоровье населения, объект административного правонарушения, основной объект, дополнительный объект, КоАП РФ, административные правонарушения.

Health as an object of administrative and legal protection

This article analyzes the problem of streamlining legal norms, which stems from the lack of a generally accepted approach to classifying types of administrative offenses in healthcare. The author's research is devoted to a critical analysis of the legislative methods used in the development of Chapter 6 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Particular attention is paid to the issue of blanket provisions, which, in the author's opinion, require revision. Among the measures proposed for optimizing the administrative liability system in healthcare, is structuring the legislation by creating separate sections for different categories of offenses.

Keywords: public health, object of administrative offense, primary object, additional object, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, administrative offenses.

Административное право особенно важно для защиты здоровья граждан и всего общества. Это связано с тем, что здоровье — ценность, имеющая большое значение, и государство обязано гарантировать его охрану. Состояние здоровья населения признается общественным благом, что обуславливает необходимость его всестороннего административно-правового регулирования. Это регулирование призвано минимизировать существующие угрозы и обеспечить поступательное развитие общества. Особую роль играют правовые нормы, устанавливающие ответственность за несоблюдение санитарно-эпидемиологических требований, недобросовестное оказание медицинских услуг и отступление от установленных стандартов.

Законодательство в сфере здравоохранения устанавливает правила для эффективной работы системы, основываясь на Конституции РФ и других федеральных законах, включая основной Закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2]. Эти правила определяют права и обязанности граждан, медицинских работников и организаций, а также устанавливают гарантии реализации права на охрану здоровья.

Административно-правовые нормы охватывают организацию медицинской помощи, контроль за санитарными условиями и профилактику болезней. Для защиты здоровья граждан применяются различные меры, предусмотренные законом, такие как выдача разрешений, наложение запретов и принятие профилактических мер.

Эти меры, включая те, что указаны в Кодексе об административных правонарушениях (КоАП РФ), направлены на обеспечение соблюдения установленных правил.

Объект административного правонарушения — это те общественные отношения, которые закон защищает от противоправных посягательств. В рамках этого объекта принято выделять основной и дополнительный, что помогает правильно оценить деяние и его общественную опасность. Основной объект — это те ключевые общественные отношения, которые в первую очередь призвана охранять соответствующая норма права. Именно он указывает на принадлежность правонарушения к определенной категории административных проступков. Так, для статей главы 6 КоАП РФ, таких как нарушение санитарных правил (ст. 6.3) или незаконный оборот наркотиков (ст. 6.8), основным объектом является здоровье населения и его санитарно-эпидемиологическое благополучие [1].

Административное правонарушение, помимо основного объекта, на который оно направлено, может затрагивать и другие, дополнительные, охраняемые законом общественные отношения. Эти отношения не являются главной целью правовой защиты, но их нарушение, вызванное правонарушением, говорит о его повышенной общественной опасности. Ведь в этом случае страдают сразу несколько важных для общества ценностей. Например, при незаконном обороте наркотиков (ст. 6.8 КоАП РФ) страдает не только здоровье населения, но и общественная безопасность. А при курении в неположенном

месте (ст. 6.24 КоАП РФ) нарушается не только закон о защите от табачного дыма, но и общественный порядок [2].

Практическая значимость разграничения основного и дополнительного объектов административного правонарушения заключается в возможности более точного определения характера и степени общественной опасности деяния, что является основой для выбора адекватного вида и размера административного наказания. Теоретическое осмысление данного различия имеет существенное значение для систематизации административно-деликтного законодательства и совершенствования правоприменительной практики [4].

Исследование структуры объекта административного правонарушения раскрывает его социальную природу, демонстрирует механизм причинения вреда охраняемым общественным отношениям и позволяет обосновать дифференциацию административной ответственности. Учет дополнительного объекта, в частности, повышает точность квалификации правонарушений, особенно в условиях конкуренции административно-правовых норм. Это также служит основанием для усиления административной ответственности при одновременном нарушении совокупности общественных отношений. Таким образом, исследование структуры объекта административного правонарушения через призму деления на основной и дополнительный объекты способствует развитию доктрины административного права и оптимизации административно-юрисдикционной деятельности.

Следует отметить, что глава 6 КоАП РФ объединяет нормы, устанавливающие ответственность за правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность.

Правонарушения первой группы направлены на подрыв здоровья населения и нарушение санитарно-эпидемиологического благополучия. К ним относятся: несоблюдение санитарных правил (ст. 6.3–6.7), незаконное оказание медицинских услуг народной медициной (ст. 6.2), сокрытие информации об источниках опасных заболеваний (ст. 6.1), а также нарушения в сфере обращения медикаментов и медицинских приборов (ст. 6.28–6.34). Основной объект защиты здесь — это общественные отношения, обеспечивающие здоровье граждан как важнейший социальный ресурс [3].

Вторая группа правонарушений связана с незаконным оборотом и употреблением наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (ст. 6.8–6.9.1, 6.13–6.16.1). Здесь объектом защиты выступают общественные отношения, призванные контролировать оборот опасных веществ, чтобы минимизировать их негативное влияние на здоровье людей и общественную безопасность. Эти правонарушения уникальны тем, что они одновременно охраняют как здоровье населения, так и моральные устои общества.

Третья категория правонарушений затрагивает общественную нравственность и духовное развитие молодежи.

К ним относятся: склонение несовершеннолетних к употреблению опасных веществ (ст. 6.10, 6.23), распространение информации, поощряющей отклоняющееся поведение (ст. 6.13.1, 6.21–6.21.2), и нарушение правил защиты детей от вредоносного контента (ст. 6.17). Объектом этих правонарушений являются общественные отношения, направленные на формирование нравственных ценностей и охрану психического здоровья, особенно у подрастающего поколения.

Правонарушения, относящиеся еще к одной группе (ст. 6.18, 6.22), затрагивают сферу физической культуры и спорта. Здесь видовым объектом выступают общественные отношения, регулирующие безопасность спортивных мероприятий и запрещающие применение допинга и других запрещенных средств [5].

Следующая группа правовых норм (статьи 6.11–6.12, 6.19–6.20) направлена на борьбу с конкретными видами асоциального поведения, защищая общественную нравственность и права детей. Такая классификация важна как в теории, так и на практике, так как помогает упорядочить административные запреты, определить приоритеты правовой защиты и применять индивидуальный подход к оценке правонарушений. Разделение по объектам правонарушения способствует улучшению правоприменения и законодательной работы в области защиты общественного здоровья и нравственности. Следует отметить, что все статьи этой группы прямо или косвенно направлены на охрану здоровья как отдельных граждан, так и всего населения.

Анализ главы 6 КоАП РФ выявил серьезный недостаток в систематизации норм, а именно — отсутствие единого подхода к классификации правонарушений, затрагивающих сферу охраны здоровья. Хотя в названии главы заявлены три объекта защиты: здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие и общественная нравственность, законодатель не проводит четкого разграничения между ними. В результате, в рамках одной главы оказались объединены правонарушения, касающиеся совершенно разных социальных ценностей. Такое смешение, например, норм о наркотических средствах (ст. 6.8–6.16.1), санитарных нарушениях (ст. 6.3–6.7) и посягательствах на нравственность (ст. 6.11–6.12, 6.21), порождает неопределенность как в теоретическом осмыслении, так и в практическом применении норм при квалификации противоправных деяний [6].

Дополнительную сложность в правоприменении создает наличие бланкетных диспозиций в ряде статей (например, ст. 6.3, 6.28), которые отсылают к нормам различных отраслей законодательства (санитарного, медицинского, градостроительного). Такая законодательная техника, будучи инструментом обеспечения гибкости правового регулирования, одновременно порождает фрагментарность административно-правовой охраны здоровья, поскольку критерии противоправности оказываются рассредоточенными в множестве нормативных актов.

Указанные системные недостатки обуславливают необходимость доктринального переосмысливания структуры главы 6 КоАП РФ. В качестве возможного пути решения проблемы предлагается выделение самостоятельных глав

для правонарушений, посягающих: 1) непосредственно на здоровье и санитарно-эпидемиологическое благополучие; 2) на общественную нравственность; 3) на безопасность оборота наркотических и психоактивных веществ.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 23.07.2025 N 236-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 23.07.2025 N 261-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — N 48. — Ст. 6724.
3. Мухин А. А. Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность / А. А. Мухин, В. Ю. Войтович // Наука Удмуртии. — 2025. — № 1 (87). — С. 80–83.
4. Темлякова А. К. Современные тенденции развития административно-правового регулирования в сфере здравоохранения в Российской Федерации / А. К. Темлякова, Ю. В. Сидоров // Молодой учёный. — 2022. — № 18 (413). — С. 358–362.
5. Федоров М. Г. Административные правонарушения в сфере охраны здоровья: вопросы квалификации / М. Г. Федоров // Юридический мир. — 2024. — № 9. — С. 28–34.
6. Цветков А. В. Здоровье как объект правовой охраны в КоАП РФ / А. В. Цветков // Образование. Наука. Научные кадры. — 2025. — № 3. — С. 96–99.

Этапы ресоциализации осужденных к лишению свободы и их содержание

Нестеров Иван Владимирович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Научный руководитель: Насиров Немэт Интигам оглы, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия, Балаковский филиал

В статье исследуются этапы ресоциализации осужденных к лишению свободы и их содержание. Рассмотрены различные точки зрения научного сообщества относительно данных вопросов.

Ключевые слова: ресоциализация, пробация, этапы ресоциализации, этапы пробации, осужденные, лишение свободы.

Ресоциализация осужденных к лишению свободы является сложным и длительным процессом, состоящим из двух этапов — пенитенциарного и постпенитенциарного. Каждый из них имеет собственное функциональное назначение, цели и задачи, направленные на постепенное формирование у личности — адресата ресоциализационного воздействия устойчивых социально полезных установок и навыков правомерного поведения. Поэтапность данного процесса обусловлена как внутренней логикой психосоциальных изменений личности, так и спецификой исполнения наказания в виде лишения свободы, предусматривающей строгую регламентацию жизнедеятельности осужденных и ограниченность их социальных контактов. В этой связи мы подробно рассмотрим не только прописанные законодателем ключевые этапы ресоциализации осужденных к лишению свободы, но и точки зрения участников научного сообщества относительно данного вопроса.

На правовом уровне законодатель закрепил свое видение этапов пробации (ресоциализации), которое, по его мнению, позволит достичь эффективного результата в процессе ресоциализации осужденных к лишению свободы. Как уже было сказано выше, его структура исправительного цикла состоит из двух этапов пробации (ресоциализации) — пенитенциарного и постпенитенциарного. Законодатель, разделяя пробационную деятельность на два этапа, прежде всего опирается на заложенную им в Федеральном законе от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [1] (далее — Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации») общую цель, состоящую именно в коррекции социального поведения. Его исправительная модель обладает неким последовательным характером, что в свою очередь является важным критерием в достижении социально значимого результата.

Согласно законодательству, исправительная деятельность осужденных начинается с пенитенциарной про-

бации (ресоциализации). Многие ученые придерживаются аналогичной точки зрения, считая пенитенциарный этап начальной точкой в исправлении осужденного. Так, К. И. Филиппова полагает, что ресоциализация начинается с момента, когда осужденный прибывает на территорию исправительного учреждения для последующего отбывания назначенного ему соответствующего уголовного наказания [2].

Г. Б. Добрецов и А. Д. Невирко в своей научной работе характеризуют пенитенциарный этап как первый этап ресоциализации, содержание которого представляется в виде непрерывного целенаправленного процесса воздействия на лицо посредством комплексного применения различных мер с целью изменить его правосознание и возвратить в общество как законопослушного гражданина [3].

Законодательная регламентация пенитенциарного этапа нашла свое отражение в гл. 4 Федерального закона «О пребывании в Российской Федерации», в соответствии с которой данный этап начинает реализовываться в момент прибытия осужденного лица на территорию исправительного учреждения для последующего отбывания уголовного наказания. На этом этапе осужденный начинает непосредственно ощущать на себе воздействие исправительных инструментов, которые позволяют разрушить у него архаичную, деструктивную систему ценностей и параллельно подготовить его к усвоению социально ориентированных качеств. Для достижения данного результата законодатель предусмотрел в ст. 13 Федерального закона «О пребывании в Российской Федерации» определенные направления деятельности в сфере пенитенциарной пребывания: проведение с осужденным социальной и воспитательной работы; оказание необходимой психологической помощи; подготовку к последующему освобождению.

Законодатель не ограничивается простым перечислением вышенназванных направлений и раскрывает их в прилагаемом приложении № 2 к действующему приказу Министра России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пребывание в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пребывании в Российской Федерации»» [4]. В нем подробно регламентируется деятельность социальной и воспитательной направленности.

Исходя из вышеперечисленного, можно резюмировать, что настоящая стадия является основной, поскольку направлена на разрушение деструктивных установок личности осужденных. Это выражается в составлении индивидуальной и групповой программ исправления, которые основываются на информации, содержащейся в их личных делах, и включают в себя ряд позиций, предназначенных для освоения осужденными.

Важным звеном в индивидуальной программе является участие в ней профильных специалистов из различных областей, благодаря которым осужденный приобретает узконаправленную специализацию. При отбывании наказания осужденный трудится, получает необходимое обра-

зование, формирует новую нравственную модель и надлежащую культуру взаимоотношений в обществе, начинает соблюдать духовные и культурные традиции.

При этом вся деятельность осуществляется с соблюдением установленного режима на определенной территории исправительного учреждения. В ч. 2 ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) указывается, что «режим создает условия для применения других средств исправления осужденных» [10]. Таким образом, законодатель стремится сначала разрушить выявленный элемент, оказывающий деструктивное влияние на сознание осужденного, а затем у него сформировать и закрепить новую систему установок, норм и моральных ценностей. Достижение данного результата невозможно без комплексного воздействия.

Постпенитенциарная пробация (ресоциализация) представляет собой заключительную фазу ресоциализации осужденных. О. Н. Мазеина характеризует эту стадию через осуществление интеграционных действий в отношении лица, освобожденного от отбывания уголовного наказания [5]. Данный вывод нашел свое отражение в законоположениях гл. 5 Федерального закона «О пребывании в Российской Федерации». Например, в ч. 1 ст. 19 говорится о субъекте воздействия. Закон указывает на изменение правового статуса осужденного: на этой стадии осужденный признается лицом, которое освободилось из учреждения уголовно-исполнительной системы, то есть осужденный отбыл назначенное обвинительным приговором уголовное наказание и параллельно претерпел возложенные на него уголовно-исполнительным законом определенные ограничения. Это воздействие, которое оказывается на сознание осужденного в ходе отбывания им уголовного наказания в виде лишения свободы, имеет негативное влияние на его социальную жизнь, что обуславливается долгой физической изоляцией от общества, значительным ограничением социальных контактов, отсутствием возможности свободно перемещаться.

В этой связи важность рассматриваемого этапа заключается в восстановлении у осужденного социальных контактов с обществом. Для достижения данного результата законодатель закрепил в гл. 5 Федерального закона «О пребывании в Российской Федерации» ряд положений. Так, ст. 23 предусматривается правовая возможность проводить уголовно-исполнительной инспекцией консультации по юридическим и социальным вопросам. Помимо этого, согласно положениям ст. 24–26, уголовно-исполнительная инспекция обязана помогать осужденным в трудовых, образовательных и медицинских сферах общественной жизни.

Таким образом, целью данного этапа является именно закрепление результата, достигнутого на предыдущем этапе пребывания (ресоциализации). Освобожденному от отбывания уголовного наказания предлагается возможность получения социальной помощи, социальной поддержки, социальной защиты. Помимо прочего, государство осуществляет за ним постпенитенциарный контроль, который в совокупности с вышенназванными действиями

способствует достижению положительного результата в ресоциализационной деятельности.

Этапы ресоциализации в научном сообществе имеют неоднозначное толкование.

Так, О. Д. Гальцова, на протяжении десяти лет занимавшая должность уполномоченного по правам человека в Самарской области, выделяет два основных этапа ресоциализации — пенитенциарный и постпенитенциарный [6].

Ряд авторов в своих научных трудах ссылаются на работу В. Е. Южанина и многих других ученых, которые выделяют еще и третий этап — допенитенциарный [7].

М. А. Черезова предлагает рассматривать исправительную деятельность как процесс, состоящий из четырех этапов:

— на первом этапе осужденный проходит социальную адаптацию к условиям исправительного учреждения (изучаются его личность, жизненная ситуация, социальные нужды, потребности, ценности, установки, а также его родные и близкие);

— на втором этапе осужденного ожидает социальная профилактика (проводится комплекс правовых, организационных, психолого-педагогических, социальных, психокоррекционных и иных мероприятий с целью исправления);

— третий этап начинается с реинтеграции (создается социокультурная и воспитательная среда, формируется социально безопасная среда, способствующая конструктивному существованию и социальному развитию различных категорий осужденных при полном сохранении их культурного, социального и религиозного своеобразия);

— на четвертом этапе осужденному предстоит социальная реабилитация (интенсивная подготовка к освобождению за счет повышения его самостоятельности, активной жизненной позиции в достижении поставленных целей) [8].

М. С. Рыбак обозначил собственную точку зрения относительно данного вопроса. Он рассматривает ресоциализацию осужденного к лишению свободы как процесс реструктуризации и корректировки свойств его личности и выделяет пять этапов ресоциализации:

1) установление принадлежности осужденного к положительному, отрицательной или нейтральной группе на основе его интеллектуальных и волевых качеств;

2) создание условий для разрыва негативных связей с социально опасной группой, асоциальной средой;

3) исправление осужденного как средство ресоциализации;

4) воспитательная работа с осужденным как средство ресоциализации;

5) социальная адаптация лишенного свободы [9].

Литература:

1. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О пребывании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — 6 февр. (№ 6). — Ст. 917.

Предложенные этапы можно условно сгруппировать в зависимости от их назначения в процессе исправления осужденного, выделив подготовительную, исправительную и заключительную группы.

Подготовительная группа этапов состоит из совокупности действий правоприменителя, направленных на отнесение осужденного к определенной группе — отрицательной, нейтральной или положительной, что зависит от качественной характеристики осужденного, то есть от его интеллектуальных и волевых способностей. В соответствии с этим представляется возможным сформировать актуальное содержание индивидуальной программы исправления осужденного. Выявление данных качеств начинается с момента, когда осужденный еще не приступил к непосредственному отбыванию уголовного наказания на территории исправительного учреждения.

Следующая, исправительная группа этапов изначально предполагает непосредственное воздействие на сознание осужденного при использовании правоприменителем исправительных средств, предусмотренных уголовно-исполнительным законом [10]. Так, правоприменитель имеет возможность устанавливать режимные требования на определенной территории исправительного учреждения, что в свою очередь создает благоприятные условия для осуществления осужденным трудовой деятельности, для получения основного, дополнительного и профессионального образования. Следующим этапом данной группы М. С. Рыбак определяет проведение воспитательной работы с осужденным. Помимо этого, законодатель предусматривает возможность участия в ней институтов гражданского общества, которые оказывают на сознание осужденного общественное воздействие.

В следующей, заключительной группе проводятся мероприятия по адаптации осужденного к социуму. Данная группа направлена на закрепление результатов, которые были достигнуты в исправительной группе этапов ресоциализации.

Участники научной дискуссии, высказывая свои мнения, не могут прийти к консенсусу в вопросе количества этапов ресоциализационной деятельности. Резюмируя проанализированные точки зрения, стоит отметить, что предложения М. С. Рыбака и М. А. Черезовой имеют нетривиальный характер: они выделяют более двух или трех традиционных этапов ресоциализации, выстраивая собственное представление о каждом этапе, вкладывая в них, как верно отметил О. В. Стрилец, свою специфику [11]. Авторы придают особое значение подготовительной деятельности, что в свою очередь обусловило выделение ими соответствующего подготовительного этапа ресоциализации.

- Филиппова, К. И. Ресоциализация лиц, осужденных к лишению свободы / К. И. Филиппова // Актуальные проблемы российского права. — 2011. — № 2. — С. 455–465. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-lits-osuzhdennyh-k-lisheniyu-svobody> (дата обращения: 23.11.2025).
- Добрецов, Г. Б. Этапы и основные направления ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы / Г. Б. Добрецов, А. Д. Невирко // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2023. — № 3 (250). — С. 19–28. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-i-osnovnye-napravleniya-resotsializatsii-lits-osvobodivshihся-iz-mest-lisheniya-svobody> (дата обращения: 05.09.2025).
- Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 (ред. от 01.08.2025) «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463279/274db682197918d95972590f14bde8b826f97def/ (дата обращения: 05.09.2025).
- Мазеина, О. Н. К вопросу о ресоциализации осужденных в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды / О. Н. Мазеина // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. — 2018. — № 1 (1). — С. 60–64. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-resotsializatsii-osuzhdennyh-v-penitentsiarnyy-i-postpenitentsiarnyy-periody> (дата обращения: 28.11.2025).
- Уполномоченный по правам человека в Самарской области : сайт. — URL: <https://www.ombudsman63.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).
- Полякова, Е. А. Стадии процесса ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы / Е. А. Полякова // Человек: преступление и наказание. — 2009. — № 4 (67). — С. 112–114. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stadii-protsessa-resotsializatsii-osuzhdennyh-otbyvayuschih-nakazanie-v-vide-lisheniya-svobody> (дата обращения: 18.08.2025).
- Черезова, М. А. Пенитенциарный этап ресоциализации осужденных к лишению свободы: российский и зарубежный опыт / М. А. Черезова // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : материалы междунар. науч.-практ. конф. и круглых столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России. В 10 т. Т. 4. — Рязань : Акад. ФСИН России, 2019. — С. 351–357.
- Рыбак, М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики / М. С. Рыбак ; под ред. В. П. Малкова. — 2-е изд., испр. и доп. — Саратов : Изд-во гос. образоват. учреждения высш. проф. образования «Саратов. гос. акад. права», 2004. — 478 с. — (Творческое наследие ученых СГАП).
- Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — 13 янв. (№ 2). — Ст. 198.
- Стрилец, О. В. Ресоциализация осужденных в России: современный взгляд / О. В. Стрилец // Евразийская адвокатура. — 2024. — № 6 (71). — С. 134–137. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-osuzhdennyh-v-rossii-sovremennyy-vzglyad> (дата обращения: 05.09.2025).

Вопросы при квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего лица

Пасынкова Дарья Алексеевна, студент

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

Настоящая работа посвящена исследованию правовых проблем, возникающих при квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Рассматриваются особенности уголовно-правовых норм, определяющих состав преступлений, обозначенных в главе 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), с привлечением материалов судебной практики и современной юридической науки. Приводятся конкретные судебные дела, иллюстрирующие сложность интерпретации отдельных элементов состава преступлений и выявления обстоятельств, подлежащих обязательному учету в процессе квалификации правонарушений.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, несовершеннолетние, квалификация, уголовный кодекс, преступления против половой неприкосновенности.

Issues in the qualification of crimes against sexual inviolability of minors

Pasynkova Darya Alekseevna, student

Scientific advisor: Drobot Sergey Aleksandrovich, phd in law, associate professor
Chelyabinsk State University

This paper examines the legal issues that arise when classifying crimes against the sexual integrity of minors. It examines the specifics of criminal law provisions defining the offenses outlined in Chapter 18 of the Criminal Code of the Russian Federation (CCRF), drawing on case law and contemporary legal scholarship. Specific court cases are presented, illustrating the complexity of interpreting individual elements of the offense and identifying circumstances that must be taken into account when classifying offenses.

Keywords: sexual inviolability, minors, qualification, criminal code, crimes against sexual inviolability.

Защита половых свобод и неприкосновенности несовершеннолетних представляет собой одно из приоритетных направлений российского уголовного права. Нормы, предусмотренные статьями 131–135 УК РФ, направлены на пресечение и предупреждение преступлений, имеющих тяжелые последствия для психики и социальной адаптации детей и подростков. Вместе с тем, разнообразие жизненных ситуаций и специфичность доказательственной базы приводят к возникновению ряда теоретических и практических вопросов, касающихся правильной квалификации рассматриваемых деяний.

Данная статья ставит целью систематизировать существующие подходы к решению конкретных вопросов квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, выявить тенденции правоприменительной практики и предложить рекомендации по совершенствованию законодательства и процессуальных механизмов.

Правовая природа преступлений, посягающих на половую свободу и неприкосновенность несовершеннолетних, обусловлена спецификой самого субъекта преступления — лица, не достигшего восемнадцати лет. Возраст потерпевшего является ключевым фактором, в соответствии с которым дифференцируется ответственность преступника [4]. Согласно общепринятым представлениям, указанные преступления характеризуются следующими признаками:

- объектом выступает половая свобода и неприкосновенность несовершеннолетних;
- субъектом преступления выступают физические лица, достигшие определенного возраста, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ (например, 14 лет по статье 131 УК РФ);
- преступления совершаются преимущественно умышленно, однако возможны исключения, касающиеся специального вида преступлений (развратные действия, согласно статье 135 УК РФ).

Таким образом, каждое преступление данной группы обладает уникальными особенностями, которые требуют внимательной квалификации, зависящей от многочисленных условий, устанавливающих юридический состав правонарушения.

Глава 18 Уголовного кодекса Российской Федерации включает ряд самостоятельных составов преступлений,

направленных на обеспечение охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних:

- изнасилование (ст. 131 УК РФ);
- насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ);
- понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ);
- половые сношения и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ);
- развратные действия (ст. 135 УК РФ) [1].

Каждая из перечисленных статей определяет особый объект посягательства, субъектный состав и предмет преступного действия. Рассмотрим подробнее некоторые ключевые элементы квалификации каждого из вышеуказанных составов.

Изнасилование

Законодатель установил, что изнасилованием признается половое сношение мужчины с женщиной вопреки воле последней, сопровождаемое физическим воздействием или угрозой применения насилия. Применительно к случаям, связанным с несовершеннолетними жертвами, особую значимость приобретает определение признаков преступления:

- отсутствие свободного выражения воли (несогласие на совершение полового акта);
- использование физической силы или угроза ее применения;
- особенности психофизического состояния потерпевшего, свидетельствующие о неспособности оказать сопротивление.

Судебная практика демонстрирует сложность оценки фактических обстоятельств дела, особенно в ситуациях, когда отсутствуют очевидцы события или жертва отказывается давать показания. Важно учитывать позицию Пленума Верховного Суда РФ, изложенную в постановлении от 4 декабря 2014 года № 16, которое подчеркивает необходимость всесторонней проверки фактов, подтверждающих обвинение [2].

Примеры из судебной практики:

По делу № 22-456/2022 г. Нижегородского областного суда судом установлено, что действия обвиняемого были

квалифицированы как изнасилование на основании показаний свидетеля и заключения судебно-медицинской экспертизы, подтвердившей физическое воздействие на потерпевшую. Подсудимому назначено максимальное наказание, предусмотренное санкцией статьи 131 УК РФ.

В другом деле (№ 22-123/2023 г.) Ставропольского краевого суда признано ошибочным осуждение обвиняемого за изнасилование, поскольку выводы следствия основывались исключительно на показаниях потерпевшей, в то время как отсутствовали медицинские свидетельства о применении насилия.

Понуждение к действиям сексуального характера

Понуждение к действиям сексуального характера сопровождается отсутствием добровольности вступления в сексуальные отношения [3]. Поскольку законодательство допускает различие между добровольностью и вынужденностью поступков потерпевшего, проблема квалификации связана с необходимостью установить степень влияния на выбор потерпевшего. В частности, Пленум Верховного Суда РФ рекомендует обращать внимание на совокупность обстоятельств, создающих реальную угрозу последствиям для потерпевшего (Постановление № 16 от 4 декабря 2014 года).

Вопрос установления вины преступника существенно усложняется в случаях, когда воздействие осуществляется через Интернет или социальные сети, что порождает проблему сбора доказательств и идентификации личности злоумышленника.

Примеры из судебной практики:

Дело № 22-333/2022 г. Хабаровского краевого суда, где осужденный признан виновным в понуждении несовершеннолетней девушки к действиям сексуального характера через социальную сеть. Потерпевшая находилась в материальной зависимости от обвиняемого, что подтверждено материалами дела.

Суд Челябинской области по делу № 22-211/2023 г. осудил мужчину за попытку принудить девочку-подростка к интимным отношениям путем обещания материальных благ и оказания ей финансовой поддержки.

Половые сношения и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста

Данное преступление характеризуется двумя ключевыми элементами:

- совершением полового акта с лицом младше 16 лет;
- осведомленностью взрослого партнера о несовершеннолетии потерпевшего.

Именно последний элемент вызывает наибольшие споры в судебной практике, так как необходимо доказать сознательное отношение виновного к возрасту потерпевшего. Умышленное заблуждение обвиняемого относительно истинного возраста потерпевшего (при отсутствии

серьезных оснований полагать обратное) служит основанием для освобождения от ответственности.

Однако, согласно сложившейся практике, вина устанавливается на основании совокупности собранных доказательств, включающей прямые и косвенные улики. Закон признает решающим фактором намеренное сокрытие потерпевшим своего действительного возраста.

Примеры из судебной практики:

Саратовский областной суд по делу № 22-156/2022 г. квалифицировал действия обвиняемого как уголовное преступление по статье 134 УК РФ, поскольку имелись многочисленные доказательства осведомленности обвиняемого о том, что потерпевшая являлась несовершеннолетней.

Красноярский краевой суд по делу № 22-345/2023 г. освободил от ответственности гражданина, вступившего в отношения с девушкой, которой исполнилось 15 лет спустя неделю после знакомства, поскольку никаких сведений о несовершеннолетнем статусе девушки обнаружено не было.

Современные реалии показывают, что существующая правовая база нуждается в совершенствовании для повышения качества правосудия. Анализируя практические трудности, возникающие перед судами, можно выделить следующие моменты:

- 1) Проблема фальсификации доказательств, приводящих к неверной оценке фактов дела.
- 2) Недостаточная детализация диспозиций статей, отражающая изменения общественных представлений о сексуальной свободе и нравственности.
- 3) Отсутствуют единые критерии определения несовершеннолетия и невозможности дачи осознанного согласия.
- 4) Нет четкого порядка разграничения уголовной и административной ответственности в смежных сферах.

Эти недостатки становятся причиной ошибок при вынесении судебных решений, искажения принципа неотвратимости наказания и препятствуют эффективной защите несовершеннолетних.

Решение существующих вопросов должно предусматривать комплекс мероприятий:

- 1) Четкое формулирование признаков объективной стороны преступлений.
- 2) Определение четких границ компетенции правоохранительных органов и судов при сборе и оценке доказательств.
- 3) Создание эффективного механизма профилактической работы с детьми и молодежью.

Кроме того, целесообразно внести поправки в действующую систему образования, направленные на разъяснение молодежи рисков, связанных с ранним началом сексуальной активности и возможными последствиями.

Комплексное рассмотрение проблематики квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних показывает, насколько важна роль законодательных институтов и судебной системы

в обеспечении надлежащей защиты несовершеннолетних. Необходимо развивать меры профилактики, повысить качество работы следователей и судей, способствовать формированию единого подхода к определению объективных признаков преступлений и улучшению методик доказывания.

Дальнейшие научные исследования и подготовка рекомендаций позволят усовершенствовать отечественное законодательство и практику, создать эффективную систему предотвращения преступлений против несовершеннолетних и обеспечить надлежащее соблюдение их прав и свобод.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.06.1996. № 25.
2. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного суда РФ от 04.12.2014 № 16 -ФЗ. — [Электронный ресурс]. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 05.12.2025)
3. Конорезов Н. А. Проблемы интерпретации объективных признаков состава понуждения к действиям сексуального характера // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — С 1–6.
4. Шабанов Н. В. Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности, совершенных в отношении несовершеннолетних // Журнал прикладных исследований. — 2023. С.1–7.

Распределение осужденных с особыми потребностями: правовые и организационные вызовы

Перехваткина Валерия Андреевна, студент

Научный руководитель: Михайлов Михаил Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Севастопольский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы распределения по исправительным учреждениям осуждённых, имеющих особые потребности: лиц с инвалидностью, беременных женщин и матерей с детьми, а также лиц с ВИЧ/СПИД и хроническими заболеваниями. Автор анализирует нормативно-правовую базу, организационные сложности и предлагает пути совершенствования механизмов размещения лиц, осужденных за совершение преступлений, но требующих особых условий содержания.

Ключевые слова: УИС, особые потребности, инвалидность, беременность, ВИЧ/СПИД, исправительные учреждения, распределение осуждённых.

Distribution of prisoners with special needs: legal and organizational challenges

Perekhvatkina Valeriya Andreevna, student

Scientific advisor: Mikhailov Mikhail Anatolyevich, candidate of legal sciences, associate professor, head of department
Sevastopol State University

The article discusses the problems of distribution of convicts with special needs, such as persons with disabilities, pregnant women and mothers with children, as well as persons with HIV/AIDS and chronic diseases, among correctional facilities. The author analyzes the legal framework, organizational challenges, and proposes ways to improve the mechanisms for accommodating individuals convicted of crimes but requiring special conditions.

Keywords: penal system, special needs, disability, pregnancy, HIV/AIDS, correctional facilities, distribution of convicts.

Для реализации принципа индивидуализации исполнения наказания требуется особый подход к распределению осужденных по исправительным учреждениям, особое внимание следует уделять осужденным с особыми потребностями. Такая категория заключенных нуждается в специализированных условиях со-

держания, медицинском сопровождении и социальной поддержки.

Актуальность выбранной темы отражается в столкновении действующей системы распределения с рядом правовых и организационных вызовов, препятствующих полноценному обеспечению прав и законных интересов

осужденных лиц. Следует выявить ключевые проблемы распределения осужденных, имеющих особые потребности и предложить направления совершенствования процесса распределения лиц по исправительным учреждениям.

Основным нормативным актом, закрепляющим требования размещения осужденных лиц, является Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [1], который закрепляет:

- принцип дифференциации условий отбывания наказания (ст. 82 УИК РФ);
- особые требования к размещению отдельных категорий осужденных (ст. 88–90 УИК РФ);
- гарантии медицинского обеспечения (ст. 101 УИК РФ).

Дополнительные гарантии для осужденных лиц отражаются в Федеральном законе от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ», Приказе Минюста России от 16.12.2016 № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» и санитарноэпидемиологических требованиях к условиям содержания осуждённых.

Однако правовая база характеризуется фрагментарностью: отсутствуют единые стандарты размещения лиц с особыми потребностями, не определены критерии выбора исправительного учреждения с учётом их специфики.

Проблемы распределения отдельных категорий осуждённых

1. Осужденные с инвалидностью

Распределение осуждённых с инвалидностью по исправительным учреждениям связано с рядом правовых и организационных проблем, особенно при учете разновидностей групп инвалидности. В основном проблемные моменты вызваны отсутствием четких критериев размещения осужденных, имеющих инвалидность, отсутствие инфраструктуры в исправительных колониях, нехваткой ресурсов для обеспечения индивидуальных потребностей.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (утверждены приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110) [3] закрепляют особые гарантии для осуждённых-инвалидов I и II групп, включая:

- размещение на первых этажах зданий;
- предоставление улучшенных жилищно-бытовых условий и повышенных норм питания;
- право на бесплатное питание, одежду, коммунально-бытовые услуги и индивидуальные средства гигиены;
- возможность приобретения продуктов и предметов первой необходимости без ограничений;
- получение дополнительных посылок и передач по медицинскому заключению [2].

К сожалению, правовая база не содержит единых стандартов размещения лиц с различными группами инвалид-

ности, что, в свою очередь, создает неопределенности при распределении лиц.

Организационные проблемы характеризуются: инфраструктурой и доступностью, техническими средствами реабилитации, организации ухода, психологическими аспектами.

Инфраструктура и доступность:

— многие исправительные учреждения не имеют адаптации для маломобильных осужденных лиц (отсутствуют пандусы, поручни, специализированные санитарные узлы);

— затрудненный доступ к местам общего доступа, таким как: столовая, медицинская-санитарная часть, бани, церковь, магазин и прочие.

Технические средства реабилитации:

— обеспечение исправительных учреждений техническими средствами для инвалидов (протезы, коляски, слуховые аппараты и прочие) зависит напрямую от финансирования и наличие дополнительных ресурсов в конкретном исправительном учреждении;

— данные технические средства реабилитации не входят в общий перечень вещей, которые имеют право иметь при себе и свое перемещении осужденные, в связи с этим их перемещение и (или) транспортировка из одного исправительного учреждения в другое, а также из следственных изоляторов в суда и на следственные мероприятия, может быть затруднена.

Организация ухода за осужденными, имеющими инвалидность:

— отсутствие единого подхода к организации медицинского сопровождения и реабилитационных мероприятий;

— привлечение других осужденных в помощи по уходу за лицами, имеющими инвалидность.

Психологический аспект:

— при размещении в отряде осужденные с инвалидностью могут сталкиваться с психологическим дискомфортом, особенно если сталкиваются с непониманием или дискриминацией со стороны других осужденных.

Для решения данных проблем и облегчения отбывания наказания для осужденных лиц, имеющих инвалидность следует разработать единые стандарты размещения. Создание методических рекомендаций, расширение законодательства, в котором будут отражены рекомендации к содержанию осужденных лиц в исправительных учреждениях с учетом всех групп инвалидности, включая требования по инфраструктуре, медицинскому обслуживанию и реабилитационных программ. Также следует провести современную адаптацию зданий исправительных учреждений в соответствии с требованиями доступности для маломобильных осужденных. Следует увеличить количество персонала медицинских-санитарных частей для обслуживания осужденных с инвалидностью, обучение остальных сотрудников работе с данной категорией граждан. Для всего вышеперечисленного требуется увеличение бюджета исправительных учреждений.

Таблица 1. Проблемы, связанные с конкретными группами инвалидности [5]

Группа инвалидности	Основные проблемы
I группа	Требуют максимального уровня поддержки и адаптации. Часто нуждаются в постоянном уходе, что создаёт дополнительную нагрузку на персонал медицинской-санитарной части исправительного учреждения. Запрещено содержание в штрафном изоляторе и помещениях камерного типа.
II группа	Нуждаются в улучшенных условиях, относительно небольшая нагрузка на медицинскую-санитарную часть исправительного учреждения. Доступность инфраструктуры часто ограничивает их мобильность.
III группа	Для этой категории правовые гарантии менее чёткие, что может приводить к недостаточному учёту их потребностей при распределении.

Проблема распределения осуждённых с инвалидностью требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, модернизацию инфраструктуры и повышение квалификации персонала. Особое внимание следует уделять дифференциации подходов в зависимости от группы инвалидности.

2. Беременные женщины и матери с детьми

Распределение осуждённых беременных женщин и матерей с детьми по исправительным учреждениям связано с рядом правовых и организационных проблем, в основном с обеспечением их прав, созданием подходящих условий для содержания новорожденных, малолетних детей и рожениц, а также сохранением семейных связей.

Нормативно-правовая база по данному аспекту включает в себя ст. 100 Уголовно-исполнительного кодекса, в которой регулируется материально-бытовое обеспечение данной категории осуждённых, Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [4], а также Приказы Министерства Юстиции России.

Основные гарантии доступные осуждённым беременным женщинам или матерям с детьми, включают в себя улучшенные жилищно-бытовые условия содержания под стражей, повышенная норма питания, посещение детей в возрасте до 4-х лет в доме ребенка при исправительном учреждении, возможность совместного проживания, не допускается ограничение продолжительности прогулок, отсутствует применение карцера в качестве меры взыскания [2]. Также, беременным женщинам и женщинам во время родов и в послеродовой период оказывается специализированная медицинская помощь.

Несмотря на вышеперечисленные гарантии, доступных данной категории осуждённых правовая база имеет недостатки. В частности, отсутствуют четкие критерии для реализации права на совместное проживание. Данный гарант напрямую зависит от администрации исправительного учреждения. Недостаточная регламентация соответствующих условий совместного проживания для колоний-поселения. Уголовно-исполнительный кодекс допускает совместное проживание на территории колонии-поселения, но в Приказе Минздравсоцразвития

и Минюста России упоминается только исправительные колонии.

В настоящее время количество исправительных учреждений с домами ребенка на территории Российской Федерации насчитывает 13 исправительных учреждений общего режима. В колониях-поселениях возможности содержания данной категории осуждённых сильно ограниченно.

Проблема также наблюдается на территории следственных изоляторов, поскольку там не предусмотрены дома ребенка. В связи с этим матери проживают совместно с детьми, что создает дополнительную нагрузку и трудности для администрации следственного изолятора, проявляющаяся в дополнительных часах прогулок, постоянного нахождения медицинского персонала, увеличение трат на предоставление необходимых вещей для ребенка и прочее.

Недостаток персонала и вещевого довольствия для домов ребенка при исправительных учреждениях. Обеспечение детей вещами первой необходимости часто выходит за рамки рассчитанных норм, что провоцирует дополнительные нагрузки на бюджет учреждения.

Тонкие психологические и социальные аспекты также имеют сильное влияние на работу исправительных учреждений. Следует усиленно следить за психоэмоциональным состоянием беременных женщин и женщин с детьми, поскольку разлука матери с ребенком, особенно после 3-4 лет, или ограничение в общении могут остро негативно сказаться на состоянии обоих.

Для урегулирования некоторых из вышеперечисленных недостатков следует совершенствовать законодательство. Необходимо разъяснить критерии для совместного проживания с ребенком, а также расширить данное право на колонии-поселения. Также, требуется проводить постоянную и тщательную работу в психологической сфере как с беременными женщинами, матерями, так и с детьми.

Проблема распределения осуждённых беременных женщин и матерей с детьми требует комплексного подхода, включающего законодательные изменения и усиление социальной и психологической поддержки.

3. Лица с ВИЧ/СПИД и хроническими заболеваниями

При распределении осуждённых с ВИЧ/СПИД и хроническими заболеваниями по исправительным учре-

ждениям проявляются многие правовые, организационные и медицинские проблемы. Основные сложности связаны с необходимостью обеспечения прав осужденных данной категории, создания подходящих условий их содержания и предотвращения распространения инфекций.

Правовые аспекты для ВИЧ-инфицированных осужденных включают в себя [1]:

— ст. 18 УИК РФ, к ВИЧ-инфицированным осужденным применяется обязательное лечение по решению медицинской комиссии;

— ст. 96 УИК РФ запрещает передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения для ВИЧ-инфицированных осужденных;

— результаты освидетельствования на ВИЧ-инфекцию являются врачебной тайной и не подлежат разглашению. Запрещено ограничивать права ВИЧ-инфицированных лиц на основании их статуса (ст. 17 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызванного ВИЧ-инфекцией»);

— при выявлении ВИЧ-инфекции администрация исправительного учреждения обязана обеспечить условия, исключающие распространение заболевания (приказ Минздрава России от 29.10.2020 № 1175н).

Правовые аспекты для осужденных, имеющих хронические заболевания [1]:

— осужденные с тяжелыми формами хронических заболеваний могут быть освобождены от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ);

— для инвалидов I и II групп предусмотрены особые условия размещения, обеспечение техническими средствами реабилитации и содействие в проведении реабилитационных мероприятий.

Организационные проблемы содержания данной категории осужденных затрагивают такие аспекты, как раздельное содержание и изоляция, медицинская помощь и лечение, психологический аспект, трудоустройство и реабилитация.

1. Раздельное содержание и изоляция:

— в лечебно-профилактических учреждениях осужденные с инфекционными заболеваниями содержатся раздельно по видам инфекций и отдельно от больных с неинфекционными заболеваниями (приказ Министра России от 04.07.2022 № 110). Однако в общих исправительных учреждениях зачастую отсутствует возможность полноценного раздельного содержания ВИЧ-инфицированных и здоровых осужденных, что повышает риск распространения инфекции.

2. Медицинская помощь и лечение:

— не все исправительные учреждения обеспечены достаточным количеством квалифицированных медицинских работников и необходимых препаратов, включая антиретровирусную терапию для ВИЧ-инфицированных;

— лечение хронических заболеваний требует индивидуального подхода и регулярного наблюдения,

что не всегда возможно в условиях исправительных учреждений.

3. Психологический аспект:

— ВИЧ-инфицированные осужденные часто сталкиваются с дискриминацией и стигматизацией со стороны других заключенных, что ухудшает их психологическое состояние;

— отсутствие программ психологической поддержки и социальной адаптации затрудняет ресоциализацию после освобождения.

4. Трудоустройство и реабилитация:

— для осужденных с хроническими заболеваниями и инвалидами необходимо создавать специальные рабочие места с учётом их физических возможностей. Однако на практике часто возникают проблемы с трудоустройством из-за отсутствия адаптированных условий и квотирования рабочих мест.

Обвиняемые, подозреваемые и осужденные, страдающие хроническими заболеваниями, создают проблемы и трудности для учреждений ФСИН.

Например, такие подопечные требуют диагностики и мониторинга заболеваний, антиретровирусных препаратов, но не все исправительные учреждения оснащены необходимым оборудованием и не во всех региональных учреждениях ФСИН имеется беспрепятственный допуск к требуемым препаратам. Данная проблема решается конвоированием человека, страдающего хроническим заболеванием, что создает нагрузку на большую часть сотрудников, которых привлекают к надзору, а также на медицинское учреждение. К тому же, дефицит антиретровирусных препаратов в отдельных регионах также осложняет процесс поддержания здоровья человека.

Еще одной проблемой является преемственность лечения. После освобождения большая часть осужденных не встает на учет в профильные диспансеры, что прерывает курс лечения. Согласно ст. 180 УИК РФ ФСИН России обязан докладывать информацию об освободившихся лицах, страдающими хроническими заболеваниями, такими как: туберкулез, ВИЧ-инфекции, гепатит В и С. Дальнейшее лечение и наблюдение — личная ответственность человека.

В целом недостаточно развито взаимодействие территориальных медицинских учреждений и гражданской медициной. Это в какой-то мере затрудняет передачу информации, что в свою очередь не обеспечивает преемственность лечения.

Все вышеперечисленные проблемы имеют огромное значение, в первую очередь для самих осужденных имеющих хронические заболевания. Для их решения требуется совершенствование законодательства, а именно уточнение критериев раздельного содержания осужденных и иных лиц, находящихся под стражей, расширение возможностей для освобождения по состоянию здоровья. Увеличение финансирования способствует реконструкции помещений, строительству новых, обеспечение исправительного учреждения и следственных изо-

ляторов необходимыми препаратами и оборудованием. Также, повлиять сможет контроль и надзор: проведение регулярных проверок условий содержания и соблюдения прав осужденных.

В той же мере для решения вопроса этапирования данной категории осужденных, требуется разработка подзаконного акта, который будет регламентировать порядок их распределения. Внести изменение в УИК РФ, уточняющие критерии выбора исправительных учреждений для данной категории осужденных.

В целом, проблема распределения и содержания осужденных с ВИЧ, СПИД, туберкулезом и другими хроническими заболеваниями требуют комплексного подхода, в которые входит изменение законодательной базы, улучшение инфраструктуры и условий содержания, а также усиление мер социальной поддержки.

Литература:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ.
2. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»
3. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»
4. Приказ Минюста России от 16.12.2016 № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений».
5. https://alice.yandex.ru/chat/019ae514-96c4-4000-8f75-a080c8a20a8e/?utm_source=ya&utm_campaign=serp_header_oknyx&utm_medium=interface

Заключение

Распределение осуждённых с особыми потребностями остаётся одной из наиболее сложных задач УИС. Существующие правовые и организационные пробелы приводят к нарушению их прав и снижению эффективности исправления. Для решения проблем необходим комплексный подход, включающий:

- совершенствование законодательства;
- модернизацию инфраструктуры ИУ;
- повышение квалификации персонала;
- развитие межведомственного взаимодействия.

Реализация предложенных мер позволит обеспечить соблюдение принципов гуманизма и индивидуализации наказания, закреплённых в международных стандартах и российском законодательстве.

Проблемы определения административно-правового статуса должностных лиц в Российской Федерации

Петрова Екатерина Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Дудченко Оксана Сергеевна, доктор юридических наук, профессор
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию проблем определения административно-правового статуса должностных лиц в России. Внимание уделено характеристике элементов административно-правового статуса должностного лица, к которым относится: общий гражданско-правовой статус, публичный статус, специальный правовой статус и конкретный правовой статус. Рассмотрена каждая существующая в настоящее время проблема определения административно-правового статуса должностных лиц, в том числе отсутствие единого стандартизированного подхода к определению совокупности прав и обязанностей должностных лиц; несогласованность в определённых аспектах законодательных актов, регулирующих административно-правовой статус должностных лиц, сложности воплощения в практике правоприменения принципа ответственности и т. д. На основе выявленных в ходе исследования проблемных аспектов определения административно-правового статуса должностных лиц в Российской Федерации предложены конкретные меры по совершенствованию действующего российского законодательства, где первостепенное значение отводится именно разработке единого закона о статусе должностных лиц.

Ключевые слова: должностное лицо, административно-правовой статус должностных лиц, юридическая ответственность, права и обязанности, должности, государственный аппарат, единый закон.

В механизме реализации государственной власти и управления обществом и его развитии особая роль отводится именно должностным лицам, что обусловлено

в первую очередь тем фактом, что данные субъекты действуют от лица государства, выполняют его основные управленические, посреднические и регулирующие задачи.

Под должностным лицом в административном праве понимается лицо, наделенное в соответствии с занимаемой должностью такими полномочиями, которые подразумевают выполнение ими государственных функций в рамках имеющихся властных полномочий [2, с. 44].

Системообразующее значение в доктрине административного права имеет аспект решения вопроса детальной проработки и законодательного закрепления единого

определения правовой дефиниции «должностное лицо». Разрешение данного вопроса даст возможность исключить установившуюся практику ошибочного отождествления должностного лица с понятием государственного служащего, так как не каждый государственный служащий может иметь статус должностного лица.

Статус должностного лица систематизируется совокупностью четырех ключевых взаимосвязанных элементов (рис. 1).

Рис. 1. Статус должностного лица

Общий гражданско-правовой статус раскрывает включает права, обязанности, ограничения и ответственность лица.

Публичный статус раскрывает совокупность ключевых элементов свойственных должностному лицу полномочий в рамках его властных действий, являющихся правомерными согласно занимаемой лицом должности.

Специальный правовой статус синтезирует в себя совокупность прав и обязанностей, присущих лицу исходя из той должности, которую он занимает в органе государственной власти или иной государственной структуре, отвечающей за исполнение определенной разновидности государственных функций.

Конкретный правовой статус должностного лица основан на специфике той должности, которое занимает лицо, и объединяет в себе такие ключевые компоненты как права, обязанности, гарантии и ответственность.

Административно-правовой статус должностного лица определяется той совокупностью правомочий субъекта административно-правовых отношений, которыми его наделил законодатель, посредством закрепления в правовых нормах законодательных актов. Проблемным

аспектом в данном случае выступает тот факт, что наблюдается прямая взаимосвязь между объемом и масштабом правомочий и конкретной должности, на которой находится субъект правоотношений, следовательно на практике имеет место быть существенный разрыв по правам и обязанностям, присущим должностным лицам, находящимся на разных должностях в неравнозначных сферах общественной жизнедеятельности.

Следовательно, то обстоятельство, что в настоящее время на законодательном уровне не закреплен единый стандартизованный подход к определению совокупности прав, обязанностей и возможностей должностных лиц, которые субъект правоотношений имеет в соответствии с занимаемой должностью согласно требованиям правовых норм, указывает на неполноценность воплощения важнейшего принципа демократии — принципа равноправия. Это в свою очередь порождает снижение эффективности функционирования системы государственного управления.

Не менее важной проблемой является наличие юридического дисбаланса в призме полномочий субъектов, имеющих равнозначный административно-правовой

статус должностного лица. Данный юридический дисбаланс в практике административно-правовых отношений может выражаться в том, что должностное лицо наделено такой совокупностью прав, которая вовсе несоразмерна с совокупностью наделённых обязанностей. Все это влечет за собой злоупотребление должностными полномочиями и совершение коррупционных деяний должностными лицами [4, с. 86].

Кроме этого, часто бывает так, что объем имеющихся прав у должностного лица не позволяет в полной мере исполнять возложенные на него полномочия и компетенции в соответствии с занимаемой должностью, снижая тем самым результативность работы определённой структуры государственной власти [6, с. 790]. Следовательно, именно найденный оптимальный баланс структурных элементов административно-правового статуса должностного лица является залогом эффективности функционирования системы органов государственной власти российского государства.

Также имеет место быть такой проблемных аспект как несогласованность в определённых моментах норм законодательных актов, разного уровня регулирования административно-правового статуса должностных лиц. На практике бывают случаи расхождения норм региональных правовых актов с федеральными нормативно-правовыми актами, что вызывает трудности у должностных лиц региональных властей в вопросах конкретизации правовых рамок служебного поведения.

Проблемой законодательства, конкретизирующего административно-правовой статус должностных лиц, является также низкий уровень правовой культуры должностных лиц, выраженный в отсутствии полного владения правовыми знаниями в сфере регламентации служебного поведения. Для разрешения данной проблемы важно активно реализовывать правовое просвещение, под которым следует понимать целеустремлённый и упорядоченный процесс, механизм которого направлен на формирование высокого уровня правовых знаний и убеждений, позволяющих в целом достичь оптимального правосознания должностных лиц. Системный процесс правового просвещения базируется на следующих принципах: плановость, последовательность, всеобщность, дифференцированность, своевременность, полнота. Основными направлениями реализации правового просвещения должностных лиц является правовое обучение, правовая пропаганда и правовое консультирование.

На современном этапе формирования административно-правового статуса должностных лиц существуют сложности воплощения в практике правоприменения принципа ответственности, выступающего единственным правовым инструментом принуждения субъекта правоотношений к добросовестному исполнению действующих правовых норм. Сложность привлечения субъекта, имеющего правовой статус должностного лица к ответственности чаще всего связана с неоднозначностью присвоения поступку статуса малозначительного, многоаспектностью

идентификации вины в совершении того или иного правонарушения, истечением срока давности по деянию.

Важное значение имеет проблема классификации должностей в системе органов государственного аппарата государства, причинами наличия которой является отсутствие полноценной нормативно-правовой регламентации.

Данная проблема приводит к возникновению трудностей в процессах назначения лиц на должность и увольнения с должности в сфере государственного управления. Это может привести к произвольным решениям со стороны руководителей, что, в свою очередь, создает почву для коррупции и злоупотреблений. Должностные лица могут оказываться в незащищенном положении, когда их права и обязанности не определены должным образом.

Помимо указанного выше проблемного аспекта следствием ненадлежащей классификации должностей государственного управления выступает неоднозначность регулирования и организации процедур профессиональной аттестации должностных лиц, что прямым образом сказывается на уровне эффективности исполнения трудовых обязанностей. По причине того, что имеющиеся критерии и стандарты проведения профессиональной аттестации не имеют прямой взаимосвязи с конкретно обозначенными категориями должностей, оценочный процесс трудовой деятельности должностных лиц становится достаточно сложным с точки зрения объективности, тем самым в результате действующая в органе государственного управления система мотивации работает неэффективно и не дает должного итога. Неверное толкование должностными лицами всей совокупности требований, которые выдвигаются исходя из занимаемой должности, снижает уровень качества выполнения служебных обязанностей и в целом эффективности системы государственного управления.

Отсутствие четких критериев классификации должностей в системе государственного управления не всегда позволяет разрабатывать программы повышения квалификации должностных лиц, отвечающие имеющимся потребностям, следовательно, она не позволяет достичь намеченных целей, и снижается качество исполнения трудовых обязанностей.

Устранение коллизий и пробелов в законодательстве в области классификации должностей необходимо строить на принципах системного подхода, включая в себя положительный опыт зарубежных государств в области регламентации административно-правовых отношений и вовлекая в данный процесс профессионалов в сфере организации функционирования системы государственного управления государства, которые также обладают всесторонней осведомленностью в нормах административного права. Соблюдение данных аспектов гарантирует классификацию должностей в системе государственного управления отвечающую современным вызовам функционирования государства и общества.

На основе выявленных в ходе исследования проблемных аспектов определения административно-право-

вого статуса должностных лиц в Российской Федерации необходимо принять следующие меры по совершенствованию действующего в условиях российского государства законодательства.

Во-первых, совершенствование системы законодательных актов, регламентирующих административно-правовой статус должностных лиц по принципу единобразия и принципу систематизации. Чтобы этого добиться объективно принять оперативные меры по формированию и принятию кодифицированного правового источника, правовые положения которого обеспечат единый подход к административно-правовому статусу должностных лиц. Это будет достигнуто благодаря четкой формулировки правовой дефиниции «должностное лицо» и закрытому перечню прав, обязанностей и мер привлечения к ответственности должностных лиц.

Во-вторых, построение сбалансированной системы законодательного урегулирования компетенций должностных лиц, объективно соотносимой с действующими

в государственном аппарате категориями должностей, бера в расчет в обязательном порядке принцип разграничения смежных должностей, органов и учреждений государственного аппарата, в основе которого лежит должностной признак.

Ужесточение имеющихся мер юридической ответственности, применяемой в отношении должностных лиц органов государственной власти и государственных учреждений с целью минимизации всякого рода проявлений ненадлежащее исполнение служебных обязанностей.

В правовых способах решения проблем определения административно-правового статуса должностных лиц в Российской Федерации первостепенное значение отводится именно разработке единого закона о статусе должностных лиц [3, с. 279]. В результате его принятия сформируются всеобъемлющие правовые основы урегулирования административно-правового статуса должностных лиц (рис. 2).

Рис. 2. Концепция единого закона о статусе должностных лиц

Итак, проблемы определения административно-правового статуса должностных лиц в Российской Федерации имеют многозначный характер, а соответственно процесс их разрешения должен быть основан на принципах комплексного подхода, который должен синтезировать в себе: меры оптимизации действующего законо-

дательства в данной области административно-правовых отношений, совершенствование правового механизма юридической ответственности, применяемой в отношении должностных лиц, соблюдая при этом принципы защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Литература:

1. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ // СПС «Гарант» (дата обращения: 18.11.2025)
2. Кожаев А. В. Понятие «должностное лицо» и виды должностных лиц // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 8-1 (83). — С. 43–45.
3. Османов М. М. Принципы привлечения к административной ответственности государственных служащих // Право и управление. 2024. № 3. С. 276–280
4. Панькина И. Ю. Административно-правовой статус государственных служащих // Синергия Наук. — 2022. — № 78. — С. 81–87.
5. Сенюков В. А. Сравнение административно-правового статуса государственных служащих и должностных лиц // Современные научные исследования и инновации. — 2024. — № 2. — С. 83–87
6. Спиридов Ю. А. Административно-правовой статус государственных служащих: сущность и элементы правового института // Вестник науки. — 2025. — № 6 (87). — С. 788–792

Проблемы квалификации хищения предметов, имеющих особую ценность

Петрова Валерия Вячеславовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Агильдин Владимир Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассматриваются проблемы квалификации хищения предметов, имеющих особую ценность, то есть состав преступления, предусмотренный статьей 164 УК РФ.

Ключевые слова: хищение, особо ценные предметы, ценности, предмет преступления.

Уголовно-правовая охрана культурного достояния и национального наследия является одним из направлений правовой политики современного государства. Так, ст. 164 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность [1]. Однако оценочные понятия, которые использованы законодателем в диспозиции данной статьи, влекут появление трудностей в правоприменительной практике.

Основная проблема связана с определением предмета посягательства. Согласно мнению Рарога А. И.: «Предметом данного вида хищения выступают предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность» [5]. Законодатель не дает легального определения понятия «предмет, имеющий особую ценность», отсылая правопримениеля к оценочным критериям: не только стоимости, но и их значимости для истории, науки, искусства или культуры. Кроме того, в уголовном законодательстве отсутствует терминологическое единство. Так, в ст. 164 УК РФ используется термин «предметы, имеющие особую ценность», ст.ст. 190, 226.1 УК РФ — «культурные ценности», ст. 243 УК РФ — «объекты культурного наследия», ст. 243.3 УК РФ — «объекты, имеющие особую культурную ценность».

Понятие культурных ценностей, предусмотренное ст. 3 Закона РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 03.07.1992 № 3612-1, не соответствует уголовному законодательству, поскольку включает

в себя как материальные ценности, которые и предусмотрены уголовным законом, так и нематериальные ценности, например, нравственные и эстетические идеалы, диалекты и говоры, которые в свою очередь уголовным законом не предусмотрены [2].

Также возникает вопрос: является ли совокупность стоимостного и культурно-исторического критериев обязательной или достаточно одного из них? Однако в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» было разъяснено следующее: «Особая историческая, научная, художественная или культурная ценность похищенных предметов или документов (статья 164 УК РФ) (независимо от способа хищения) определяется на основании экспертного заключения с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, искусства или культуры» [3]. Таким образом, при установлении предмета, имеющего особую ценность, необходимо исходить из двух критериев. Первый критерий — это стоимость, то есть ценность предмета, выраженная в денежном эквиваленте, а второй — это ценность, которую предмет имеет для таких областей как история, наука, искусство и культура. Из этого следует, что хищение дорогостоящего, но серийного коммерческого предмета, например, нового автомобиля бизнес-класса, не может квалифицироваться по ст. 164 УК РФ, даже если его стоимость превышает стоимость уникальной исторически значимой вазы.

Из вышеуказанного Постановления Пленума Верховного суда РФ также следует, что установление особой ценности требует специальных познаний. Однако на практике имеется отсутствие единого, законодательно закрепленного и исчерпывающего государственного реестра предметов, обладающих особой ценностью, что приводит к тому, что вывод об их значимости делается в ходе расследования каждого конкретного уголовного дела при проведении необходимой по делу экспертизы.

Данный вывод подтверждается правовой позицией Конституционного Суда РФ. Так, Конституционный Суд РФ в определении Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2015 г. № 949-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Игоря Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 164 Уголовного кодекса Российской Федерации» указал, что при квалификации деяния необходимо обязательное установление объективных и субъективных признаков состава преступления, в которые входит и направленность умысла виновного, который в рассматриваемом случае направлен на хищение предметов, имеющих особую ценность. При этом также было указано на необходимость экспертной оценки [4].

Кроме того, при установление особой ценности предметов имеет место субъективизм экспертиного заключения — разные эксперты, например, искусствоведы, историки, культурологи, могут по-разному оценивать степень значимости одного и того же предмета.

Необходимо отметить, что преступление, предусмотренное ст. 164 УК РФ, совершается с прямым умыслом, то есть виновный должен осознавать, что он совершает хищение предметов, обладающих особой исторической, научной, художественной или культурной ценностью. В обратном случае, то есть, когда виновный не осознает особую ценность похищаемых им предметов, он не подлежит уголовной ответственности, предусмотренной ст. 164 УК РФ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон РФ от 03.07.1992 № 3612-1 (ред. от 24.06.2025) // СПС КонсультантПлюс.
3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) // СПС КонсультантПлюс.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Игоря Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 164 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.04.2015 № 949-О // СПС КонсультантПлюс.
5. Рарог А. И. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. А. И. Рарога. — М.: Издательство Пропсект, 2022. — 880 с.

Осознание виновным особой ценности похищаемого может подтверждаться, например, обстоятельствами хищения — целенаправленный взлом музейной витрины, а не случайная кража из сумки; специальными знаниями или родом занятий виновного — реставратор, коллекционер, музейный работник; подготовкой или заказным характером преступления; очевидными внешними признаками предмета — наличие инвентарных номеров музея, специальной упаковки, хранение в сейфе. В случае одновременного похищения предметов, имеющих особую ценность, и иного имущества, квалификация производится по совокупности преступлений, а именно ст.ст. 158–162 и ст. 164 УК РФ.

Преступление, предусмотренное ст. 164 УК РФ, необходимо отграничивать от смежных составов. Критерием разграничения со ст. 243 УК РФ, то есть уничтожения или повреждения объектов культурного наследия является характер деяния и последствия. Положения ст. 164 УК РФ предусматривают ответственность за хищение, то есть изъятие с обращением в пользу виновного, в то время как положения ст. 243 УК РФ — за уничтожение или повреждение.

Таким образом, критерий «особой ценности» является комплексным, приоритет должен отдаваться культурно-исторической, научной или художественной значимости, а не рыночной стоимости. Кроме того, квалификация по ст. 164 УК РФ невозможна без установления субъективного отношения виновного к свойствам предмета — необходимо доказывать, что виновный осознавал особую ценность похищаемого им имущества.

Только комплексный подход, сочетающий четкость законодательной формулировки, качественную экспертизу и строгое соблюдение принципа субъективного вменения, позволит ст. 164 УК РФ эффективно выполнять свою охранительную функцию, защищая национальное достояние от преступных посягательств.

Разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 126 и 127 УК РФ

Петрова Валерия Вячеславовна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье приведены актуальные проблемы квалификации и разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 126 УК РФ (Похищение человека) и ст. 127 УК РФ (Незаконное лишение свободы). На основании уголовного законодательства, доктринальных позиций и судебной практики выявлены смежные и отличительные признаки указанных деяний.

Ключевые слова: похищение человека, незаконное лишение свободы, разграничение, квалификация преступлений, перемещение, удержание, состав преступления.

В соответствии с статьями 22 и 23 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на свободу, свободу передвижения, выбора места пребывания. Так, статьями 126 и 127 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за похищение человека и незаконное лишение свободы соответственно. Данные составы являются смежными, в связи с чем следует необходимость установления критериев разграничения этих составов, поскольку имеется возможность возникновения проблем при их квалификации.

Для установления критериев разграничения составов преступления, предусматривающих уголовную ответственность за похищение человека и незаконное лишение свободы, рассмотрим элементы составов этих преступлений.

Объект преступления, то есть общественные отношения, которым преступлением причиняется вред. Данные деяния находятся в лаве 17 УК РФ «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», в связи с чем они посягают на идентичный основной непосредственный объект — общественные отношения, гарантирующие свободу передвижения конкретного человека [1]. В качестве дополнительного объекта в обоих случаях могут выступать общественные отношения, гарантирующие право на жизнь и здоровье человека. Ввиду полного совпадения объекта он не может служить критерием для разграничения данных составов.

Следующий элемент состава преступления — субъект, который является общим, а именно физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 14 лет для похищения человека (ст. 126 УК РФ) и 16 лет для незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ). Хотя возраст уголовной ответственности различен, этот признак является важным для привлечения к уголовной ответственности, а не для квалификации самого деяния и разграничения рассматриваемых составов преступлений, поэтому субъект преступления также не может служить основанием для разграничения похищения человека и незаконного лишения свободы.

Субъективная сторона в обоих случаях характеризуется прямым умыслом: виновный осознает, что противоправно посягает на свободу человека и желает этого. Различие лежит в содержании умысла: при похищении

он изначально направлен на захват, перемещение и удержание потерпевшего, а при лишении свободы — лишь на его удержание. Мотивы в обоих случаях могут быть различными (месть, корысть, хулиганские побуждения), поскольку на квалификацию по ст. 126 или ст. 127 УК РФ не влияют, выступая в определенных случаях лишь отягчающими наказание обстоятельствами.

Главным различием выступает объективная сторона рассматриваемых составов преступлений. Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»: «По смыслу уголовного закона под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют» [2].

Так, Рарог А. И. дает следующие пояснения: «Объективная сторона преступления характеризуется действиями, заключающимися в противоправном, как правило, насилиственном завладении (захвате) человеком, тайном или открытом, и перемещении его из того места, где он находился в момент завладения (квартира, учреждение, улица и т. п.) в другое место с последующим удержанием вопреки воле похищенного» [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что объективная сторона похищения человека состоит из трех последовательных действий:

1. Незаконный захват, то есть установление физического контроля над потерпевшим, часто против его воли или с помощью обмана.

2. Перемещение, то есть потерпевшего перемещают из места его постоянного или временного пребывания (например, дома, работы) в другое место. При этом расстояние при перемещении не имеет значения, но должно выводить человека из привычной социальной среды.

3. Удержание, то есть отсутствие у потерпевшего возможности передвигаться в новом для него пространстве, на которое он не был согласен, возможно оказывал сопротивление.

«При незаконном лишении свободы, предусмотренном статьей 127 УК РФ, потерпевший остается в месте его на-

хождения, но ограничивается в передвижении без законных на то оснований» — разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [2]. То есть при незаконном лишении свободы объективная сторона преступления сводится к лишению свободы, то есть удержанию человека где-либо, например, комнате, подвале, офисе.

Так, Рарог А. И. дает пояснение: «Объективная сторона преступления заключается в совершении противоправных действий, направленных на удержание потерпевшего помимо его воли в помещении или ином месте, где лицо оказалось в силу тех или иных причин: прибыло самостоятельно, по приглашению виновного или под влиянием обмана» [2]. В данном случае важным является отсутствие первоначального перемещения — виновный ограничивает свободу передвижения потерпевшего, не давая выйти, но не предваряет это захватом и перемещением. При этом в диспозиции статьи отмечается, что незаконное лишение свободы не связано с похищением, то есть с незаконным захватом, перемещением и удержанием.

Особое внимание заслуживают случаи трансформации одного действия в другое. Сложности на практике возникают, когда незаконное лишение свободы

перерастает в похищение (например, виновный, предварительно заперев жертву в ее же доме, затем насильственно перевозит ее на иной объект). Преобладающая и подтвержденная позиция Верховного Суда РФ, изложенная в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми», гласит: «В случае, когда виновное лицо, первоначально незаконно лишившее человека свободы, в дальнейшем переместило потерпевшего в другое место, содеянное квалифицируется по соответствующей части статьи 126 УК РФ без дополнительной квалификации по статье 127 УК РФ» [2]. Из указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что удержание как неотъемлемая часть процесса похищения охватывается составом этого более тяжкого преступления.

Таким образом, единственным надежным основанием для разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 126 УК РФ (похищение человека) и ст. 127 УК РФ (незаконное лишение свободы) является анализ объективной стороны. Наличие или отсутствие этапа перемещения жертвы в другое место является решающим фактором для квалификации действия либо по ст. 126, либо по ст. 127 УК РФ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 // СПС КонсультантПлюс.
3. Рарог А. И. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРАМ, 2008. — 800 с.

Особенности исполнения уголовного наказания в виде обязательных работ

Петрова Валерия Вячеславовна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье приведен анализ уголовного наказания в виде обязательных работ как вида уголовной ответственности, не связанного с изоляцией от общества. Рассматриваются его юридическая природа, цели и функции в контексте современной уголовно-исполнительной политики. Основное внимание уделяется организационным особенностям исполнения данного наказания, выявляются системные проблемы, связанные с его практической реализацией.

Ключевые слова: уголовная ответственность, обязательные работы, уголовное наказание, уголовно-исполнительная инспекция, исполнение наказаний.

Features of the execution of a criminal penalty in the form of compulsory work

This article analyzes the criminal penalty of community service as a form of criminal liability not associated with social exclusion. Its legal nature, goals, and functions are examined in the context of modern penal policy. Primary attention is paid to the organizational aspects of this penalty's execution, and systemic problems associated with its practical implementation are identified.

Keywords: criminal liability, compulsory work, criminal punishment, criminal executive inspection, execution of punishments.

Современная уголовно-правовая политика России, в соответствии с общемировыми тенденциями, ориентирована на поиск разумного баланса между карательным воздействием и принципами гуманизма, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. В этом контексте наказания, не связанные с изоляцией от общества, приобретают особую значимость. Одним из видов таких наказаний являются обязательные работы (ст. 49 УК РФ, Глава 4 УИК РФ). Сущность данного вида наказания заключается в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ [1].

Исполнения наказания в виде обязательных работ, с одной стороны, является единственной альтернативой лишению свободы за преступления небольшой и средней тяжести, что способствует разгрузке пенитенциарной системы, а с другой — практическая реализация данного вида наказания сопряжена с комплексом организационно-правовых и социальных проблем, снижающих эффективность и престиж данного вида наказания.

Обязательные работы относятся к числу основных видов наказаний. Их карательное содержание проявляется в принудительном характере труда, его бесплатности, ограничении свободы в виде распоряжения своим личным временем, а также в постоянном контроле со стороны государства. Вместе с тем, это наказание обладает выраженным воспитательным и ресоциализирующим потенциалом, поскольку оно призвано формировать у осужденного привычку к дисциплинированному труду, приносить пользу обществу и, не разрывая социально полезных связей, то есть с семьей, работой, удерживать от совершения новых преступлений.

Ключевая особенность данного вида наказания — его исполнимость исключительно силами и средствами муниципального образования. Перечень видов обязательных работ формируют органы местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, что прямо связывает эффективность данного вида наказания с ресурсами и заинтересованностью муниципальных образований.

Процесс исполнения наказания в виде обязательных работ имеет строго регламентированный, многоэтапный характер, что и составляет его основную особенность. Уголовно-исполнительная инспекция выступает ключевым организатором и контролером. После вступления обвинительного приговора в законную силу уголовно-исполнительная инспекция направляет запрос в местную администрацию для получения перечня доступных объектов и видов работ.

Стандартные обязательные работы включают следующие виды: благоустройство территорий, например, озеленение, уборка), подсобные работы в коммунальном

хозяйстве, ремонт социальных объектов, погрузочно-разгрузочные работы, которые не требуют высокой квалификации. Так, Малинин В. Б. отмечает следующие примеры обязательных работ: «... могут привлекаться к работам по благоустройству района, города, текущему ремонту муниципальных зданий, сооружений, коммуникаций, уборке урожая, прополке посевов, на погрузочно-разгрузочные работы и иной труд, не требующий специальной квалификации» [2]. Проблема зачастую заключается в формальном подходе муниципальных образований, предоставляющих либо недостаточное количество вакансий, либо работы, носящие сезонный характер, что нарушает принцип непрерывности отбывания наказания.

Следующим этапом осужденный должен быть поставлен на учет и должен начать отбывать наказание. Уголовно-исполнительная инспекция проводит с осужденным первичную беседу, разъясняя ему его права и обязанности, порядок и условия отбывания наказания. Затем издается распоряжение о привлечении к конкретным работам с указанием объекта, графика и ответственного представителя на объекте. Особенность — необходимость индивидуализированного подхода с учетом состояния здоровья, основного места работы или учебы осужденного, что требует от сотрудников уголовно-исполнительной инспекции значительных административных усилий. В своей работе Озерова А. А. отмечает, что при выборе организации необходимо учитывать возможность надлежащего контроля за исполнением осужденного наказания в виде обязательных работ [3].

Далее необходимо организовать работу и контроль за ее осуществлением. Непосредственное руководство работами на объекте осуществляют уполномоченный представитель муниципальной организации, который ведет учет отработанных часов и сообщает о нарушениях в уголовно-исполнительную инспекцию, которая в свою очередь проводит регулярные проверки по месту жительства, работы и отбывания наказания. Критически важной особенностью является ведение учета рабочего времени в часах. Прогул, опоздание или недобросовестное выполнение работ влекут за собой официальное предупреждение, а при повторном нарушении — право суда заменить неотбытую часть наказания более строгим видом, например, ограничение или лишение свободы.

Несмотря на четкую правовую регламентацию, практика выявляет ряд проблем:

1. «Кадровый голод» муниципальных образований — нехватка ответственных и мотивированных представителей на объектах для ежедневного контроля за осужденными.

2. Низкая материально-техническая обеспеченность — отсутствие инструментов, спецодежды, что снижает производительность и безопасность труда.

3. Уклонение от отбывания наказания –осужденные уклоняются от явки в уголовно-исполнительную инспекцию или на обязательные работы, что зачастую ведет к массовым процедурам замены наказания и дискредитирует саму идею альтернативных лишению свободы наказаний.

4. Стигматизация и отсутствие воспитательного компонента — работы часто носят механический, малопрестижный характер, не способствуя приобретению новых профессиональных навыков, а лишь закрепляя маргинальный статус осужденного.

Обязательные работы как вид уголовного наказания обладают значительным потенциалом, реализация которого сдерживается организационно-управленческими и ресурсными ограничениями. Только комплексный подход, сочетающий ужесточение контроля с развитием социально-воспитательных элементов, позволит превратить обязательные работы из формальной альтернативы в действенный инструмент уголовно-правового воздействия, отвечающий целям восстановительного правосудия и ресоциализации личности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Малинин В. Б., Смирнов Л. Б. Уголовно-исполнительное право: Учебник для юридических вузов и факультетов. — М.: Межрегиональный институт экономики и права, Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ООО «ВОЛТЕРС КЛУВЕР», 2009. — 310 с.
3. Озерова А. А., Симонова С. С. Обязательные работы как мера уголовного наказания: правовые аспекты и перспективы развития // Вестник науки. 2025. № 2 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnye-raboty-kak-mera-ugolovnogo-nakazaniya-pravovye-aspekty-i-perspektivy-razvitiya>.

Судопроизводство по делам об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация)

Пимонов Иван Андреевич, студент

Научный руководитель: Лебедев Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируется судебный порядок объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) в Российской Федерации. Рассматриваются правовые основания и процессуальные особенности данной категории дел, предусмотренные Гражданским и Гражданским процессуальным кодексами. На основе анализа научной доктрины и судебной практики выявляются ключевые элементы предмета доказывания, а также проблемные аспекты, связанные с определением пределов приобретаемой дееспособности и отсутствием механизма отмены решения об эмансипации.

Ключевые слова: эмансипация, несовершеннолетний, полная дееспособность, особое производство, судебный порядок.

Институт эмансипации, закрепленный в статье 27 Гражданского кодекса Российской Федерации, представляет собой правовой механизм, позволяющий несовершеннолетнему, достигшему шестнадцати лет, приобрести полную гражданскую дееспособность до наступления совершеннолетия [4]. Основанием для этого служит его работа по трудовому договору (контракту) или занятие предпринимательской деятельностью с согласия законных представителей. В случаях, когда такое согласие отсутствует, вопрос о признании несовершеннолетнего полностью дееспособным решается в судебном порядке. Данная категория дел имеет особую социальную значимость, поскольку затрагивает фундаментальные аспекты правового статуса личности и баланс между стремлением подростка к самостоятельности и ответственностью за его благополучие.

Процедура судебного рассмотрения дел об эмансипации регламентирована главой 32 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) и относится к категории особого производства. Это означает, что целью судопроизводства является не разрешение спора о праве, а установление юридического факта — признания несовершеннолетнего полностью дееспособным. В таких делах отсутствуют стороны в классическом понимании (истец и ответчик), а лица, инициирующие процесс, именуются заявителями. Заявление о признании несовершеннолетнего эмансипированным подается в районный суд по месту его жительства. Инициировать процесс может как сам несовершеннолетний, так и орган опеки и попечительства, если один из родителей (или оба) возражает против эмансипации [1, с. 66].

В предмет доказывания по делам данной категории входит не только установление формальных условий, предусмотренных статьей 27 ГК РФ, но и комплексная оценка личности несовершеннолетнего. Суд обязан «убедиться, что несовершеннолетний достиг физической, психической и социальной зрелости, способен полноценно понимать свои действия и руководить ими». Таким образом, судебное заседание не сводится к формальной проверке наличия трудового договора или регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Суду необходимо исследовать размер заработной платы или дохода, установить их достаточность для самостоятельного существования, выяснить мотивы, по которым законные представители отказывают в согласии, и цели, которые преследует сам несовершеннолетний. Обязательным является участие в судебном заседании самого заявителя, его законных представителей (хотя бы одного из них), а также представителя органа опеки и попечительства и прокурора.

Судебная практика показывает, что суды подходят к рассмотрению таких дел с учетом всех обстоятельств, оценивая в первую очередь интересы самого подростка. Показательным является решение Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода по делу об объявлении эмансипированным несовершеннолетнего К. М. М., работавшего по трудовому договору. Отец подростка возражал против удовлетворения заявления, ссылаясь на то, что истинной причиной является желание продать долю в квартире. Однако суд, приняв во внимание положительную характеристику с места учебы, в которой отмечалось, что подросток «в своих поступках всегда руководствуется интересами пользы дела, а не собственной выгодой», и его стремление устроиться на более высокооплачиваемую работу, удовлетворил требования. Вышестоящая инстанция оставила решение в силе, указав, что доводы отца не относятся к предмету доказывания по делу об эмансипации.

С момента вступления решения суда в законную силу несовершеннолетний объявляется полностью дееспособным. Одним из важнейших последствий этого является прекращение ответственности родителей по его обязательствам, в том числе возникшим вследствие причинения им вреда, что прямо следует из пункта 2 статьи 27 ГК РФ. Однако приобретаемый правовой статус не является абсолютным аналогом статуса совершеннолетнего гражданина. Эмансипированный несовершеннолетний не приобретает те права и обязанности, для которых федеральным законом установлен специальный возрастной ценз (например, право на приобретение оружия, право

управления транспортным средством определенных категорий, избирательные права) [3, с. 34].

Это ограничение наглядно демонстрирует решение Муромского городского суда Владимирской области по иску эмансипированного гражданина Фролова Г. Г. к ОГИБДД. Заявителю, объявленному полностью дееспособным в 16 лет, было отказано в допуске к сдаче экзаменов на право управления транспортным средством категории «В» по причине недостижения им установленного законом возраста (17 лет для допуска к экзаменам и 18 для получения удостоверения). Суд отказал в удовлетворении исковых требований, разъяснив, что решение об эмансипации наделяет полной гражданской дееспособностью, но не отменяет специальных возрастных требований, установленных отраслевым законодательством для приобретения отдельных прав [2].

В юридической науке отмечается ряд проблем, связанных с судебным порядком эмансипации. Одной из ключевых является бесповоротный характер судебного решения. Действующее законодательство не предусматривает механизма отмены эмансипации, даже если последующее поведение несовершеннолетнего свидетельствует о его незрелости и неспособности разумно распоряжаться своими правами и нести обязанности. Некоторые исследователи полагают, что «эмансипация является бесповоротным актом, и его отмена не представляется возможной», что может привести к негативным последствиям для самого подростка. В качестве решения предлагается внести в статью 27 ГК РФ дополнения, позволяющие суду ограничить дееспособность эмансипированного несовершеннолетнего или отменить решение об эмансипации при наличии оснований, предусмотренных статьей 30 ГК РФ, таких как злоупотребление спиртными напитками, наркотическими средствами или пристрастие к азартным играм [5].

В заключение следует отметить, что судопроизводство по делам об эмансипации является важным институтом, позволяющим защитить права и законные интересы экономически активных и зрелых подростков. Судебный контроль в этом процессе играет ключевую роль, обеспечивая всестороннюю оценку готовности несовершеннолетнего к полной дееспособности. Вместе с тем, выявленные в правоприменительной практике и научной доктрине проблемы, в частности ограниченный характер приобретаемой дееспособности и необратимость принятого решения, свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в этой сфере.

Литература:

- Хубецов М. Я. Процессуальные требования и процедура рассмотрения дел об эмансипации несовершеннолетнего в судебном порядке // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 4 (196). — С. 66–69.
- Павлова С. О. Эмансипация: проблемы и перспективы // Юристъ Москва, 2021. 512 с.
- Аблятипова Н. А., Фадеева О. А. Проблемы реализации порядка приобретения полной гражданской дееспособности несовершеннолетними лицами // Таврический научный обозреватель. — 2017. — № 10 (27).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.07.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.07.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

Направления совершенствования правового регулирования подрядных работ для государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации

Подвойский Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Исаев Виктор Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В условиях постоянного развития государственного и муниципального управления обеспечение эффективного правового регулирования подрядных работ приобретает особую значимость. В связи с чем в данной статье рассматриваются проблемы правового регулирования, связанные с выполнением подрядных работ для государственных и муниципальных нужд, делается вывод о необходимости совершенствования в данной сфере.

Ключевые слова: подрядные работы, контракт, государственные и муниципальные нужды, проблемы правового регулирования.

Directions for improving the legal regulation of contractual works for state and municipal needs in the Russian Federation

In the context of the constant development of public and municipal administration, ensuring effective legal regulation of contractual works is of particular importance. Therefore, this article examines the legal regulation issues related to the performance of contractual works for public and municipal needs and concludes that there is a need for improvement in this area.

Keywords: contract work, contract, state and municipal needs, legal regulation issues.

Подрядные работы служат фундаментом для нормальной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Благодаря им удается оперативно и на должном уровне решать строительные, ремонтные и иные вопросы, без которых невозможно содержание инфраструктуры, учреждений и управлений объектов. Данный вид деятельности составляет неотъемлемый элемент грамотного удовлетворения нужд государственного и муниципального характера [1, с. 139].

В современных экономических и правовых реалиях органы государственной власти и местного самоуправления в процессе реализации своих полномочий систематически вступают в договорные связи с исполнителями. Вступая в договорные отношения в качестве заказчиков, публично-правовые образования лишаются ряда прерогатив, присущих их статусу органов власти. По сути, государственные и муниципальные структуры превращаются в равноправных участников гражданского оборота. Их правомочия и обязательства уравниваются с теми, что имеют физические и юридические лица. Однако публичная природа целей, преследуемых при заключении государственного и муниципального подряда, требует от законодателя особого подхода. Поскольку конечным бенефициаром таких соглашений выступает неопределенный

круг лиц, это обуславливает необходимость специального правового регулирования. Соответствующие нормы предназначены обеспечить повышенные гарантии для публичного заказчика, создавая правовой режим, который позволяет ему эффективно решать возложенные на него задачи [2, с. 69].

Правовое поле, в рамках которого осуществляется заказ работ для государственных и муниципальных нужд, формируется определенными нормативными актами. Основополагающую роль здесь играет Гражданский кодекс Российской Федерации [3]. Более детальную и специализированную регламентацию устанавливает Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4].

При этом в научной литературе освещющей проблемы подряда для государственных и муниципальных нужд, отмечается «довольно скучная база правового регулирования» [5, с. 27]. Так, основной источник упорядочивания норм данного вида подряда является параграф 5 главы 37 ГК РФ, являющийся далеко не самой крупной группой правовых норм. Интерес, в данном случае, вызывает ссылка, дающаяся в статье 768 ГК РФ, направляющая нас к Федеральному закону от 05.04.2013 № 44-ФЗ [4], который,

в свою очередь, расширяет возможности правового регулирования подряда для органов публичной власти. При этом, даже не этот факт является проблемой (ведь глава в ГК о данном виде подряда может быть охарактеризована как базовая информация, которая потом конкретизируется в вышеуказанном ФЗ), а сложность кроется в количестве отыскочных и бланкетных норм — только в 2 из 6 статьях указанного параграфа главы 37 ГК нет отсылок в рамках ГК или к другим нормативно — правовым актам.

Возникает закономерный вопрос о выборе оптимального подхода: следует ли заранее устраниить возможные правовые коллизии и стремиться к унификации терминологии или же формировать нормы прямого действия, исключающие отыскочные механизмы, в тех ситуациях, где это объективно необходимо. Представляется, что для анализируемых в статье правоотношений в сфере государственного и муниципального подряда предпочтительна вторая модель. Это обусловлено публичным характером целей рассматриваемого подряда, которые затрагивают интересы широкого круга лиц.

Анализируя данную проблему, Р. Б. Куличев констатирует, что ГК РФ, регламентируя виды работ в рамках государственного или муниципального контракта подряда, оперирует отыскочными нормами к правовому режиму самостоятельных договоров подряда, закрепленных в его статьях. При этом предъявляемые Кодексом требования к контрагентам, существенным условиям и процедуре модификации таких контрактов фактически воспроизводят положения Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ. На этом основании указанный исследователь предлагает признать параграф 5 главы 37 ГК РФ утратившим силу, дополнив при этом параграф 1 той же главы отыскочной нормой, касающейся контрактов на выполнение подрядных работ для государственных или муниципальных нужд [6, с. 17].

Перейдём к анализу частных проблем, возникающих при исполнении подрядных работ для публичных нужд. Согласно положениям части 2 статьи 94 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ, на исполнителя возлагается необходимость сдать заказчику итоги работ в оговоренные контрактом сроки. Обязанностью же заказчика выступает организация процедуры их приемки. В рамках данного процесса заказчик должен осуществить экспертизу предоставленных результатов, чтобы удостовериться в их полном соответствии условиям контракта и прилагаемой сметной документации как по количественным показателям, так и по качественным характеристикам.

Согласно положениям Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ, проверка итогов, оговоренных контрактом, носит безусловный характер. Организовать такую экспертизу допустимо силами самого заказчика либо путем заключения договоров со сторонними специалистами или профильными организациями в рамках этого же нормативного акта. Вводя обязательность привлечения экспертов при приемке работ, законодатель одновременно возложил на заказчика обязанность основывать свое решение — принять результаты или отказать

в их приемке — на тех выводах и рекомендациях, которые содержатся в экспертном заключении.

Однако на практике правоприменения возникает неопределенность: чьё заключение обладает большей юридической силой в спорных ситуациях — экспертной организации или заказчика, когда в процессе приёмки выполненных работ по государственному либо муниципальному контракту фиксируются противоречивые оценки. В связи с этим исполнители подрядных работ для государственных и муниципальных нужд в рамках судебного разбирательства могут аргументировать свою позицию тем, что по заключению экспертов количество и качество проведенных работ соответствует условиям заключенного контракта. Поэтому часть 7 статьи 94 Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ следует дополнить предложением следующего содержания: «В случае выявления разногласий между заключением экспертов, экспертной организации и решением заказчика о приемке результатов отдельного этапа исполнения контракта либо поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги, мнение заказчика является обязательным и окончательным для принятия решения о приемке или отказе в приемке результатов исполнения контракта».

Согласно положениям Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ, исполнитель обязан информировать заказчика о проблемах, появляющихся в ходе реализации контракта. Однако сам факт уведомления о подобных обстоятельствах, которые приводят к срыву установленных сроков по независящим от подрядчика причинам, не служит основанием для их автоматического продления.

Следовательно, назрела потребность в корректировке Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ. Требуется ввести норму, разрешающую продлевать сроки исполнения контракта при наступлении обстоятельств непреодолимой силы — ровно на период действия таких обстоятельств. Однако максимальное продление не должно превышать тридцати суток. Если же непреодолимая сила действует дольше этого срока, логичным выходом видится расторжение соглашения по взаимной договорённости сторон.

Для закрепления указанного положения статью 94 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ необходимо дополнить частью 2.1, изложенной в следующем виде: «2.1. Продолжительность выполнения работ подлежит корректировке при наступлении обстоятельств непреодолимой силы — на период действия соответствующих обстоятельств, однако не свыше тридцати суток. В случае прекращения действия таких обстоятельств соответствующая сторона обязана уведомить другую сторону об этом не позднее дня, следующего за днем прекращения действия таких обстоятельств. В случае действия обстоятельств непреодолимой силы свыше тридцати дней, контракт расторгается по соглашению сторон».

Проведенный в настоящей статье анализ позволяет заключить, что действующее законодательство в сфере подряда для государственных и муниципальных нужд требует дальнейшего развития и оптимизации.

Литература:

1. Масалова, А. А. Актуальные проблемы гражданско-правового регулирования отношений по выполнению подрядных работ для государственных и муниципальных нужд / А. А. Масалова // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 5. — С. 138–145.
2. Кархалев, Д. Н. Подрядные работы для государственных или муниципальных нужд / Д. Н. Кархалев, М. Е. Панкратова // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 8(224). — С. 69–72.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 08.04.2013, № 14, ст. 1652.
5. Солохин, К. С. Актуальные проблемы правового регулирования подрядных работ для государственных и муниципальных нужд / К. С. Солохин // Студенческие научные исследования: сборник статей IX Международной научно-практической конференции в 2 частях, Пенза, 17 декабря 2021 года. Том Часть 2. — Пенза: Наука и Проповедование (ИП Гуляев Г. Ю.), 2021. — С. 126–128.
6. Куличев, Р. Б. Правовое регулирование подрядных работ для государственных нужд: на примере города Москвы: дис.... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Куличев Роман Борисович; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. — Москва, 2014. — 262 с.

Особенности характеристики личности подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах

Полушкина Арина Александровна, студент

Научный руководитель: Давыдова Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Автором статьи рассматриваются особенности личности подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах. В статье уделяется особое внимание влиянию психологических условий следственного изолятора на ценностные установки личности заключенного. В завершение статьи автор приходит к выводу о том, что лица, содержащиеся в СИЗО, отличаются низкой самооценкой, эмоциональной нестабильностью и подавленностью.

Ключевые слова: следственный изолятор, заключенные, следственно-арестованные, личность, система ценностей.

В процессе исследования личностных особенностей преступников, необходимо в отдельном порядке рассматривать феномен преступности в следственных изоляторах, который напрямую связан с личностью тех, кто содержится в следственном изоляторе. Понимание особенностей личности таких людей, их мотивации к совершению определенных видов нарушений поможет предотвратить преступления, совершающиеся в СИЗО.

А. Ю. Степанова отмечает, что под личностью подозреваемого и обвиняемого, содержащихся в СИЗО, следует понимать комплекс социально-значимых качеств, которые при взаимодействии с объективными внешними условиями в конкретной жизненной ситуации вызывают противоправное поведение, которое выражается в совершении преступлений в местах заключения под стражу [3, с. 124]. Стоит указать на тот факт, что подавляющее большинство лиц, содержащихся в СИЗО, обладает набором качеств личности-преступника. Однако не все эти лица будут продолжать совершать пре-

ступления в следственном изоляторе или после освобождения.

В исследованиях А. Ю. Степановой приводится статистика, согласно которой, основная половозрастная категория лиц, содержащихся в СИЗО — мужчины 30–39 лет. Для них характерно трудное переживание данного этапа зрелости, отсутствие возможности удовлетворить свои амбиции, фрустрация, связанная с недостаточным уровнем удовлетворения социальных, духовных и профессиональных амбиций [3, с. 128]. Большая часть заключенных и следственно-арестованных не состоят в браке, что также становится негативным фактором, поскольку наличие семьи оказывает антикриминогенный эффект. Среди лиц, состоящих в браке, большая часть отмечает неблагополучную эмоциональную обстановку в семье.

Уровень образования таких лиц, как правило, средний. Большая их часть имеет только общее образование, около трети — среднее специальное. Это приводит к суждению о том, что низкий уровень образования приводит к низ-

кому уровню правосознания и правовой культуры данных граждан.

Морально-психологический климат СИЗО приводит к тому, что заключенные и следственно-арестованные находятся в подавленном состоянии, что дает благоприятную почву для психологической обработки и вербовки заключенных со стороны лидеров преступных группировок. Это приводит к вовлечению заключенных в деятельность противоправных групп внутри учреждения, что способствует совершению преступлений внутри пенитенциарного учреждения. По этой причине существует правило, согласно которому администрация СИЗО старается не допускать ситуаций, когда лица, впервые совершившие преступления, будут содержаться совместно с лицами, которые ранее уже отбывали наказание. Состояние стресса в период адаптации к условиям следственного изолятора проводит к глубокой подавленности и потрясению.

Е. М. Разумова, исследовавшая личности мужчин, находящихся в следственных изоляторах, отмечает, что в отличие от тех, кто отбывает наказание в колонии, заключенные в СИЗО эмоционально неустойчивы, впечатлительны и амбивертированы [2, с. 666]. В группе подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, повышение уровня самоконтроля предполагает наибольшее использование психологических защит регрессии и реактивного образования; снижение уровней эмоциональной стабильности и самооценки предполагает наименьшее использование замещения, компенсации и регрессии. Данные личности проживают конфликт, вызванный несогласованностью между внутренней психологической структурой личности и требованиями внешней среды, что приводит к проявлению отклонений в их поведении.

И. С. Ганишина отдельно выделяет черты личности несовершеннолетних, содержащихся в СИЗО. Ввиду психологической незрелости их личности они быстро поддаются влиянию «тюремной романтики», усваивая криминальные нормы и ценности [1, с. 117]. Для несо-

вершеннолетних, которые находятся в СИЗО, характерно негативное отношение к воспитательным мерам любых видов, этикету, нравственности, нежелание получать образование, лень, отсутствие конструктивных ценностных ориентаций, снижение ценности человеческой жизни [1, с. 118]. Поэтому пребывание несовершеннолетних в СИЗО способствует сильной деформации личности подростков. К выявленным ими личностным особенностям относятся такие характеристики, как упрямство, эгоцентризм, стремление к независимости, неумение предвидеть последствия собственного поведения, импульсивность, равнодушие к переживаниям других людей. Поскольку ценностные установки у них еще не сформированы в полной мере, их зачатки легко искажаются и деформируются под влиянием тех устоев, которые насаждаются в местах заключения.

Пребывание в следственном изоляторе заставляет осужденных и следственно-арестованных использовать специфические механизмы защиты, характерные для дезадаптивности:

- скрытие негативных качеств;
- преподнесение себя в наиболее выгодном свете;
- стремление занять лидерские позиции.

Таким образом, пребывание в следственном изоляторе является стрессовым фактором для лица, как оказавшегося там впервые, так и имевшего подобный опыт. Помещение в следственный изолятор становится фактором, который приводит к переоценке имеющихся ценностей. В случае, если система ценностей находится в неокрепшем состоянии, то она будет деформирована и сломлена под влиянием тюремных устоев. В первую очередь это относится к несовершеннолетним заключенным.

Содержащиеся в СИЗО лица характеризуются подавленностью, дезадаптивностью, впечатлительностью, амбивертированностью, эмоциональной нестабильностью и заниженностью самооценки. В случаях, когда речь идет о несовершеннолетних заключенных, также речь идет о таких чертах личности как упрямство, эгоцентризм, обесценивание, импульсивность.

Литература:

1. Ганишина, И.С., Вэтра, А. В. Личностные особенности подозреваемых, обвиняемых и осужденных несовершеннолетних, находящихся в условиях следственного изолятора/ И. С. Ганишина, А. В. Вэтра// Вестник Самарского юридического института. — 2020. — С. 111–120.
2. Разумова, Е. М. Психологические защиты и особенности личности подозреваемых и обвиняемых мужчин, помещенных в следственный изолятор// Человек: преступление и наказание. — 2023. — Т. 31. — № 4. — С. 656–667.
3. Степанова, А. Ю. Особенности личности подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах/ А. Ю. Степанова// Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2025. — Вып. 2. — С. 122–130.

Проблемы государственного управления в области юстиции

Понеделко Антон Юрьевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется система государственного управления в сфере юстиции Российской Федерации, выполняющая ключевые обеспечительные функции для функционирования правосудия. Выявляется комплекс институциональных и операциональных проблем, включая нечёткое разграничение полномочий, недостаточный уровень цифровизации административных процессов, фрагментарность электронного документооборота, дефицит квалифицированных кадров и правовую неопределенность в вопросах компетенции. В качестве приоритетных векторов модернизации обосновываются глубокая цифровая трансформация на основе внедрения технологий искусственного интеллекта, оптимизация межведомственного взаимодействия и пересмотр концептуальной роли органов юстиции как инструмента обеспечения и защиты прав. Реализация данных мер призвана повысить эффективность управления, уровень прозрачности и доступность правосудия в соответствии с конституционными принципами и национальными стратегическими ориентирами.

Ключевые слова: органы юстиции, Министерство юстиции РФ, государственное управление в сфере юстиции, цифровая трансформация, искусственный интеллект, системные проблемы, межведомственное взаимодействие, электронный документооборот, федеральные государственные информационные системы (ФГИС), доступность правосудия, правовое просвещение, кадровый потенциал, государственные реестры, ЕГРЮЛ, ЕГРИП, реестр НКО, официальные источники правовой информации, реформирование системы юстиции, нормативные правовые акты, единый портал государственных и муниципальных услуг.

Органы юстиции, не осуществляя правосудие в процессуальном понимании, выполняют ключевую обеспечительную функцию для его реализации. В их задачи входит регистрация и систематизация нормативных актов, ведение государственных реестров (ЕГРЮЛ, ЕГРИП, реестра НКО), контроль за деятельностью нотариата, адвокатуры и службы судебных приставов, а также кадровое обеспечение пенитенциарной системы и иных правовых институтов. Механизм взаимодействия с судебными, прокурорскими и правоохранительными органами реализуется через издание совместных нормативных актов (с МВД, ФСИН и др.), заключение соглашений о межведомственном сотрудничестве, разработку инструкций по документообороту и участие в координационных структурах при Правительстве РФ и Генеральной прокуратуре, касающихся вопросов правового регулирования и надзорной деятельности.

Значима роль органов юстиции в сфере правового просвещения, повышения доступности правосудия и развития цифровых сервисов правовой помощи, что приобретает особую актуальность в контексте цифровизации публичного управления.

Современная система государственного управления в области юстиции РФ характеризуется наличием ряда институциональных и функциональных проблем, осложняющих эффективное выполнение возложенных на неё задач. Указанные проблемы носят как системный, так и операционный характер, что обуславливает необходимость их комплексного анализа и поиска путей решения.

В рамках вертикально интегрированной модели управления зачастую наблюдается дублирование компетенций между центральным аппаратом Минюста России, его территориальными органами и подведомственными учрежде-

ниями. Это приводит к размыванию зон ответственности, избыточной бюрократизации процедур и снижению оперативности принятия управлеченческих решений.

Существенной проблемой является также недостаточная глубина цифровой трансформации процессов правового администрирования. Несмотря на внедрение отдельных электронных сервисов (например, для ведения ЕГРЮЛ или регистрации НКО), сохраняется значительный разрыв между декларируемыми целями цифровизации и их практической реализацией. Так, около 91,1 % обращений в рамках системы «Правовая помощь» по-прежнему обрабатываются государственными юридическими бюро в традиционном, не электронном формате [1].

Электронный документооборот между ведомствами остаётся фрагментарным: более 40 % территориальных органов Минюста не имеют доступа к единому хранилищу регламентов и форм документов. Введённая в эксплуатацию ГИС НКО до сих пор не интегрирована с базами данных судебных и регистрационных органов, что препятствует сквозному информационному взаимодействию. Выявляются и системные недостатки в ведении ФГИС ПФ: по данным 2023 года, до 18 % записей содержали некорректные или устаревшие сведения при отсутствии утверждённого регламента контроля их качества.

Отдельного рассмотрения требует кадровая проблема, сопряжённая с низким уровнем мотивации персонала, дефицитом квалифицированных специалистов в удалённых регионах, а также отсутствием унифицированной системы оценки компетенций и эффективности деятельности. Параллельно сохраняется правовая неопределенность в отношении ряда полномочий, особенно на уровне взаимодействия Минюста России

с иными субъектами публичной власти, что провоцирует правовые коллизии и затрудняет межведомственную координацию.

Таким образом, государственное управление в сфере юстиции, осуществляемое Министерством юстиции РФ и подчинёнными ему структурами, характеризуется комплексом системных проблем, препятствующих полной реализации конституционных принципов правового государства. Для их преодоления требуется системное реформирование управления на основе принципов результативности, транспарентности и адаптивности.

Приоритетным направлением представляется глубокая цифровизация управленических процессов, включая внедрение технологий искусственного интеллекта в учётно-регистрационную деятельность, документооборот и контрольные процедуры. Использование интеллектуальных систем способно не только сократить временные и ресурсные издержки, но и повысить точность, прослеживаемость и подотчётность принимаемых решений [2].

Совершенствование государственного управления в области юстиции предполагает также переосмысление её базовой роли как инструмента обеспечения и защиты прав, а не исключительно как регистрирующего или контрольно-надзорного института.

Предлагаемые направления модернизации находятся в прямой взаимосвязи с приоритетами государственной политики в сфере правосудия, определёнными указами Президента РФ, Стратегией развития цифрового общества и Концепцией реформирования государственной службы. Их реализация может обеспечить рост эффективности деятельности органов юстиции и укрепление легитимности публичной власти.

Внедрение указанных мер будет способствовать повышению качества государственного управления в области юстиции и укреплению режима законности.

В текущих условиях органы публичной власти, граждане и организации в своей деятельности опираются на официальную правовую информацию, размещаемую

на соответствующих государственных интернет-порталах. Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) обеспечивает официальное опубликование правовых актов. Портал «Нормативные правовые акты в Российской Федерации» (pravo-minjust.ru) предоставляет доступ к более чем 16,1 млн актов федерального, регионального и муниципального уровней в машиночитаемом формате на основе систем федеральных регистров Минюста России. Неофициальная правовая информация распространяется через коммерческие справочно-правовые системы, при этом официальный статус имеют только тексты, размещённые на государственных ресурсах; сведения о контрольном состоянии актов в коммерческих системах официально не верифицируются.

В данном контексте целями государственной политики в сфере юстиции являются модернизация ФГИС «Подсистема «Нормативные правовые акты Российской Федерации» и «Федеральный регистр муниципальных нормативных правовых актов», создание и развитие федеральной государственной системы «Право» на основе современных цифровых технологий и ИИ. Это направлено на обеспечение конституционного права на достоверную информацию, верховенства Конституции РФ и систематизации законодательства.

К числу приоритетов относится также обеспечение доступности государственных услуг Минюста России в электронной форме через Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ). Данная задача соответствует достижению национальной цели «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы», установленной Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309, в рамках которой определены целевые показатели, включая доведение к 2030 году доли предоставления массовых социально значимых услуг в электронном виде до 99 %, а также увеличение до 95 % доли использования российского программного обеспечения в государственном секторе.

Литература:

1. Счетная палата Российской Федерации. Судебная система — — вне цифровой трансформации государственного управления РФ [Электронный ресурс] // Digital Russia. — 2025. — 12 мая. — Режим доступа: <https://d-russia.ru/schjotnaja-palata-sudebnaja-sistema-vne-cifrovoj-transformacii-gosudarstvennogo-upravlenija-rf.html>/. Дата обращения: 03.09.2025.
2. Урасова, А. А. Современные подходы к пониманию взаимодействия региональных органов государственной власти и социально ориентированных некоммерческих организаций / А. А.
3. Бабошина, Е. В. Механизмы обеспечения правопорядка в условиях современного государства [Текст] / Е. В. Бабошина и др. // Евразийская адвокатура. — 2025. — № 1 (72). — С. 176–180.
4. Банит, В. Г. Совершенствование механизмов государственного управления в системе органов юстиции Российской Федерации [Текст] / В. Г. Банит // Молодой учёный. — 2025. — № 20 (571). — С. 383–387.
5. Былинкина, К. Ю. Проблемы и пути решения Министерства Юстиции РФ [Текст] / К. Ю. Былинкина // Энigma. — 2021. — № 39. — С. 71–76.
6. Веселовских, К. А. Органы юстиции в Российской Федерации: история создания, система и основные направления деятельности [Текст] / К. А. Веселовских, О. Р. Уторов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — № 2 (17). — С. 54–62.

7. Дубровский, Н. С. Юстиция и органы юстиции Российской Федерации [Текст] / Н. С. Дубровский, М. Н. Луценко, А. Н. Кондратьев // Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики: сборник научных статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 27- 28 апреля 2023 года. Том 3. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2023. — С. 259–261.
8. Кашлаева, А. А. Органы юстиции: история, полномочия, место в современной системе правоохранительных органов [Текст] / А. А. Кашлаева // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 25. — С. 223–227.
9. Министерство юстиции: история и современность: к 220-летию Министерства юстиции Российской Федерации: материалы межрегиональной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 05 октября 2022 года [Текст] / Всероссийский государственный университет юстиции, Санкт-Петербургский институт. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РГА Минюста России)», 2022. — 70 с.
10. Серенко, Р. С. Становление Министерства юстиции в первой половине XX века: особенности и спорные моменты [Текст] / Р. С. Серенко, Е. А. Локтионова // Молодежь и наука: шаг к успеху: сборник научных статей 7-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых, Курск, 21- 22 марта 2024 года. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. — С. 227–230.

Совершенствование государственного управления в области юстиции

Понеделко Антон Юрьевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются стратегические ориентиры цифровой трансформации юстиции в Российской Федерации в рамках национальных целей развития до 2030 и 2036 годов. Основное внимание уделяется ключевым направлениям деятельности Министерства юстиции РФ, включая разработку цифровых правовых сервисов, развитие единого портала государственных услуг и внедрение информационной системы «Правовая помощь» для повышения доступности и качества юридической поддержки. Анализируются меры по модернизации законодательства в сфере адвокатуры и нотариата, реализация pilotных проектов «кварталов юстиции», а также текущее состояние, проблемы и перспективы развития судебно-экспертных учреждений, направленные на системное обновление правового поля и судебной системы.

Ключевые слова: цифровая трансформация, Министерство юстиции РФ, электронные государственные услуги, информационная система Правовая помощь, бесплатная юридическая помощь, адвокатура, нотариат, «кварталы юстиции», судебно-экспертные учреждения, национальные цели развития, искусственный интеллект, единый портал.

Цифровая трансформация и построение системы управления правовым пространством на основе информационно-коммуникационных технологий представляют собой стратегические приоритеты государственного развития, соответствующие целям, обозначенным Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1], а также стратегическому направлению в области цифровизации государственного управления, утверждённому распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р [2].

Основные направления цифровизации в сфере юстиции, реализуемые Министерством юстиции РФ в рамках государственной программы «Юстиция», включают:

- создание комплекса цифровых правовых сервисов и ресурсов, развитие и перевод в электронный формат государственных услуг и функций, активное внедрение информационных технологий и решений на основе искусственного интеллекта;

– участие совместно с заинтересованными федеральными органами власти в формировании единого государственного информационного ресурса оцифрованных нормативных правовых актов Российской Федерации [3].

Внедрение новых механизмов предоставления государственных услуг через единый портал, особенно наиболее востребованных и социально значимых, позволит оптимизировать процедуры приёма заявлений, выдачи результатов оказания услуг, а также процессы настройки, управления и анализа возможности их предоставления в электронной форме.

Повышение доступности и качества государственных услуг Министерства юстиции РФ, оказываемых в электронном виде через единый портал, направлено на обеспечение заявителей унифицированными формами документов и примерами их заполнения, а также на снижение административных издержек как для граждан, так и для сотрудников министерства. Это будет способствовать оптимизации сроков оказания услуг и сокращению времени получения конечного результата.

Цифровая трансформация системы правовой помощи в Российской Федерации реализуется на базе информационной системы «Правовая помощь», что способствует достижению целевого показателя в рамках национальной цели развития «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы», установленной Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 [4], а также переходу к «цифровой зрелости» государственного управления к 2030 году, предусматривающей автоматизацию большинства транзакций в рамках отраслевых цифровых платформ и внедрение управления на основе данных, включая технологии больших данных, машинного обучения и искусственного интеллекта.

Оказание бесплатной юридической помощи через информационную систему «Правовая помощь» позволяет минимизировать случаи некачественной правовой поддержки, повысить её доступность, а также создать единое цифровое пространство для граждан и участников государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи, обеспечивая правовое информирование, просвещение и равный доступ к квалифицированной помощи.

Институт адвокатуры выступает одним из ключевых гарантов реализации конституционных прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи и судебную защиту, обеспечивая доступ к правосудию и выполняя публично-правовые функции, в первую очередь через судебное представительство.

В этой связи развитие и совершенствование законодательства Российской Федерации об адвокатской деятельности и адвокатуре составляет основу для повышения качества квалифицированной юридической помощи, создания условий для консолидации юридического сообщества и профессионализации судебного представительства.

Институт нотариата служит целям защиты прав и законных интересов граждан и организаций, обеспечивая доказательственную силу и публичное признание нотариально оформленных документов. В настоящее время осуществляется комплексное обновление законодательства о нотариате путём принятия нового федерального закона, соответствующего современным вызовам, стоящим перед нотариатом, обществом и государством.

С целью повышения доступности правовых услуг, в частности квалифицированной бесплатной юридиче-

ской помощи, реализации принципа «все виды юридической помощи — в шаговой доступности», предоставления государственных услуг в режиме «одного окна», создания площадки для взаимодействия граждан и государства, сокращения сроков судопроизводства, оптимизации использования служебных помещений и развития инфраструктуры судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции РФ реализуются пилотные проекты по созданию «кварталов юстиции». В 2022–2023 гг. такие проекты успешно внедрены в городах Кемерово и Казани.

На втором этапе планируется реализация проектов в 17 субъектах Российской Федерации, а до 2030 года — проектирование, строительство, реконструкция или приобретение административных зданий в 29 регионах.

Одним из приоритетов государственной политики в сфере юстиции является развитие института судебных экспертиз. Результаты судебно-экспертной деятельности формируют доказательственную базу, которая служит основой для уголовного, гражданского, административного судопроизводства, а также для принятия обоснованных решений на стадиях расследования и судебного разбирательства.

В систему судебно-экспертных учреждений входят 64 федеральных бюджетных учреждения, в том числе Российской федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова (головное учреждение), 9 региональных центров и 54 лаборатории судебной экспертизы в субъектах РФ. На сегодняшний день судебно-экспертные учреждения представлены во всех 89 субъектах Российской Федерации, из которых в 64 они действуют как самостоятельные организации, а в 25 — в форме филиалов.

В этих учреждениях организовано производство 67 видов судебных экспертиз, объединённых в 34 рода. Основными заказчиками выступают судебные и следственные органы. Ежегодно выполняется свыше 135 тысяч экспертиз и исследований.

Вместе с тем, текущее состояние судебно-экспертных учреждений не позволяет в полной мере решать поставленные задачи. Отмечается недостаточность финансирования, кадрового обеспечения, современного криминалистического оборудования и научно-методической базы. В связи с этим требуется дальнейшее развитие системы, включая укрепление инфраструктурной и материально-технической базы в каждом субъекте РФ.

Литература:

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Текст]: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 20. — Ст. 2580.
2. Российская Федерация. Законы. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408634367/?ysclid=mf7bzirxv5593988797>.
3. Российская Федерация. Законы. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» [Текст]: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312 // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 18 (часть 2). — Ст. 2158; О внесении изменений в государственную программу Российской Фе-

- дерации «Юстиция» [Текст]: постановление Правительства Российской Федерации от 14 ноября 2024 г. № 1549 // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 47. — Ст. 7139.
4. Банит, В. Г. Совершенствование механизмов государственного управления в системе органов юстиции Российской Федерации [Текст] / В. Г. Банит // Молодой ученый. — 2025. — № 20 (571). — С. 383–387.
 5. Былинкина, К. Ю. Проблемы и пути решения Министерства Юстиции РФ [Текст] / К. Ю. Былинкина // Энigma. — 2021. — № 39. — С. 71–76.
 6. Веселовских, К. А. Органы юстиции в Российской Федерации: история создания, система и основные направления деятельности [Текст] / К. А. Веселовских, О. Р. Уторов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — № 2 (17). — С. 54–62.
 7. Дубровский, Н. С. Юстиция и органы юстиции Российской Федерации [Текст] / Н. С. Дубровский, М. Н. Луценко, А. Н. Кондратьев // Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики: сборник научных статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 27–28 апреля 2023 года. Том 3. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2023. — С. 259–261.
 8. Кашлаева, А. А. Органы юстиции: история, полномочия, место в современной системе правоохранительных органов [Текст] / А. А. Кашлаева // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 25. — С. 223–227.
 9. Министерство юстиции: история и современность: к 220-летию Министерства юстиции Российской Федерации: материалы межрегиональной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 05 октября 2022 года [Текст] / Всероссийский государственный университет юстиции, Санкт-Петербургский институт. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2022. — 70 с.
 10. Серенко, Р. С. Становление Министерства юстиции в первой половине XX века: особенности и спорные моменты [Текст] / Р. С. Серенко, Е. А. Локтионова // Молодежь и наука: шаг к успеху: сборник научных статей 7-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых, Курск, 21–22 марта 2024 года. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. — С. 227–230.

Заключение под стражу как мера пресечения в уголовном судопроизводстве

Пономарева Елизавета Андреевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В данной статье автором приводится статистика рассмотрения судами ходатайств о заключении под стражу подозреваемых (обвиняемых) в сравнении с числом осужденных к реальному лишению свободы за 2023–2024 годы. Рассматриваются вопросы применения меры пресечения в виде заключения под стражу: основания и порядок заключения под стражу либо продления срока содержания под стражей; лица, уполномоченные ходатайствовать об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу; сроки содержания под стражей; а также чем необходимо руководствоваться судом при избрании меры пресечения виде заключения под стражу.

Ключевые слова: заключение, продление, мера пресечения, подозреваемый, обвиняемый, сроки, основания, уголовное судопроизводство.

Detention as a preventive measure in criminal proceedings

Ponomareva Yelizaveta Andreevna, master's student
Moscow University «Synergy»

In this article, the author provides statistics on the consideration by the courts of applications for the detention of suspects (accused) in comparison with the number of those sentenced to real imprisonment for 2023–2024. The issues of applying a preventive measure in the form of detention are considered: the grounds and procedure for remand in custody or extension of the period of detention; persons authorized to apply for the choice of a preventive measure in the form of detention; the duration of detention; and what should be guided by the courts when choosing a preventive measure in the form of detention.

Keywords: imprisonment, extension, preventive measure, suspect, accused, terms, grounds, criminal proceedings.

Статья 2 Конституции Российской Федерации закрепляет высшую ценность человека, его права и свободы,

а государство обязывает признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, в том числе

право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), право на свободу передвижения (ст. 27 Конституции РФ), право на свободу выезда за пределы РФ (ст. 27 Конституции РФ), которые могут быть ограничено только по судебному решению.

Однако, ежегодно органы предварительного расследования обращаются в суды с большим количеством ходатайств об избрании/продлении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Так в 2024 году областными и районными судами РФ рассмотрено 245,6 тыс. ходатайств об избрании, продлении меры пресечения в виде заключения под стражу; в 2023 году — 264,3 тыс. Из числа удовлетворенных ходатайств в апелляционном порядке отменено 0,8 тыс. судебных постановлений районных судов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, внесены изменения в более 1,9 тыс. постановлений. По жалобам на продление срока содержания под стражей отменено 0,7 тыс. судебных решений, внесены изменения в 2,4 тыс. постановлений. При этом число осужденных к реальному лишению свободы в 2024 году 130,5 тыс. лиц, к по жизненному лишению свободы осуждено 43 лица, в 2023 году — 150 тыс. лиц. [1]

Таким образом цифра удовлетворенных судами ходатайств об избрании/продлении срока содержания под стражей значительно превышает число лиц, которым назначено реальное лишение свободы. Данные об отмене либо изменении постановлений судов первой инстанции говорят о том, что имеет место нарушение прав и свобод человека и гражданина, провозглашенных Конституцией РФ.

Среди оснований для отмены либо изменении постановлений судов об избрании/продлении меры пресечения в виде заключения под стражу явились: суд не учел обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда, в постановлении не указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение; суд не обсудил возможность применения иной, более мягкой, чем заключение под стражу, меры пресечения; при принятии решения суд исходил только лишь из тяжести инкриминируемого ему преступления, а объективных и достаточных доказательств, подтверждающих невозможность применения к обвиняемому иной, более мягкой меры пресечения, суд в постановлении, как того требует закон, не привел и лишь формально сослался на положения ст. 97 УПК РФ; оставлены без должного внимания сведения о личности обвиняемого. К примеру апелляционное постановление Орловского областного суда от 24.04.2024г. № 22к-548/2024 по апелляционной жалобе адвоката Бычковой Е. В. в интересах обвиняемого на постановление Кромского районного суда Орловской области от 11 апреля 2024, которым обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. [2]

Уголовное судопроизводство имеет своим назначением 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций,

потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). При этом никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований (ч. 1 ст. 10 УПК РФ).

Уголовное судопроизводство включает в себя досудебное и судебное производство по уголовному делу (п. 56 ст. 5 УПК РФ). К досудебному судопроизводству относится производство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9 ст. 5 УПК РФ). Как на стадии досудебного производства, так и на стадии рассмотрения уголовного дела в суде мера пресечения в виде заключения под стражу служит инструментом для обеспечения выполнения задач уголовного судопроизводства. Основания для применения мер пресечения указаны в ст. 97 УПК РФ: обвиняемый, подозреваемый может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; продолжит заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным образом воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Главное предназначение мер пресечения: устраниить или не допустить препятствий, которые возникают или могут возникнуть в ходе нормального развития уголовно-процессуальных отношений; избежание совершения лицами, в отношении которых производятся следственные действия, совершения новых преступлений, воспрепятствованию расследованию преступления и т. д. При этом крайне важно не только обеспечить беспрепятственное осуществление судопроизводства по уголовному делу, надлежащее поведение подозреваемого (обвиняемого) либо подсудимого, а также предотвратить нарушение гарантированных прав и свобод лица, в отношении которого ведется уголовное судопроизводство, а также приятие незаконных и необоснованных решений.

Заключение под стражу (ч. 1 ст. 108 УПК РФ) — это наиболее строгая мера пресечения, которая относится к мерам процессуального принуждения, и применяется на основании судебного решения отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, тяжкого или особо тяжкого преступления, при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения для обеспечения надлежащего их поведения, успешного разрешения уголовного дела, а также выполнения назначения уголовного процесса. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (ч. 2 ст. 22 Конституции РФ). Заключение под стражу — это процессуальные действия, направленные на изоляцию человека от общества путем помещения его в специализированное государственное учреждение, содержащих подозреваемых, обвиняемых, находящихся под стражей. При необходимости

избрания такой меры пресечения уполномоченное должностное лицо предоставляет в суд постановление об возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Подозреваемый и обвиняемый — лица, которые в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации задержаны по подозрению в совершении преступления либо в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. [3]

При принятии решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока ее действия судам необходимо обеспечивать соблюдение прав подозреваемого, обвиняемого, гарантированных ст. 22 Конституции Российской Федерации. [4] В постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение/

При совершении преступления средней тяжести без применения насилия либо угрозы его применения заключение под стражу может быть избрано только в исключительных случаях, при условии, что имеются основаниями, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, а также одно из следующих обстоятельств: подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или от суда. (подпункты «а» — «г» п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ)

Согласно пункту 2 ч. 1 ст. 108 УПК РФ в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести заключение под стражу избирается только в исключительных случаях и при условии, что им нарушена ранее избранная мера пресечения либо он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

В отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, указанного во втором предложении ч. 1.2 ст. 108 УПК РФ, за которое ему может быть назначено наказание в виде лишения свободы, мера пресечения в виде заключения под стражу избирается судом только в исключительных случаях и при наличии одного или нескольких обстоятельств, указанных в подпунктах «а» — «г» п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает особый порядок применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении отдельных категорий лиц:

— индивидуальные предприниматели, члены органа управления коммерческой организации (ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ) — заключение под стражу избирается только если в материалах, предоставленных в суд, содержатся конкретные сведения, подтверждающие, что данные преступления совершены ими не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, либо не в связи с осуществлением полномочий по управлению коммерческой организацией.

— несовершеннолетние, беременные женщины, женщины, имеющие малолетнего ребенка, мужчины, являющиеся единственным родителем малолетнего ребенка, усыновителем или опекуном малолетнего ребенка, единственным родителем, усыновителем, опекуном или попечителем ребенка-инвалида (ч. 2 ст. 108 УПК РФ). К данным категориям лиц заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если они подозреваются или обвиняются в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях при наличии одного из обстоятельств, указанных в подпунктах «а» — «г» пункта 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, если подозреваются или обвиняются в совершении преступлений средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, а также преступлений, предусмотренных ч. 1.2 ст. 108 УК РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 108 УПК РФ должностное лицо обязано изложить в постановлении о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможность избрания иной меры пресечения, с приложением материалов, подтверждающих обоснованность ходатайства. Из этого следует, что на ответственное должностное лицо возлагается обязанность представить достаточные и убедительные доказательства, обосновывающие допустимость избрания заключения под стражу (продления срока содержания под стражей), которые в своей совокупности подтверждают наличие события преступления, его квалификацию, причастность уголовно преследуемого лица к совершению деяния. [5]

К числу должностных лиц, уполномоченных в возбуждать перед судом данные ходатайства относятся: следователь с согласия руководителя следственного органа (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК); руководитель следственного органа, его заместитель (если дело в их производстве либо они руководители следственной группы (п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК)); дознаватель с согласия прокурора (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК); начальник подразделения дознания или его заместитель, если дело находится в его производстве (ч. 2 ст. 40.1 УПК). Если согласие на заявление ходатайства в суд дано не уполномоченным на то лицом, судья возвращает ходатайство без рассмотрения, о чем выносит постановление. Возвращение по этой причине материалов не препятствует последующему внесению ходатайства в суд после устранения допущенного нарушения.

Если на стадии рассмотрения уголовного дела судом возникает необходимость избрания, отмены или изменения, продления меры пресечения в виде заключения под стражу судья по ходатайству сторон или по собственной инициативе рассматривает данный вопрос в судебном заседании на основании ч. 2 ст. 228 УПК РФ и в соответствии с положениями ст. 255 УПК РФ

Мера пресечения в виде заключения под стражу может избираться также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном

ст. 466 УПК РФ, при получении от иностранного государства запроса о выдаче лица (ч. 2 ст. 97 УПК РФ).

К числу документов, которые следователь/дознаватель обязан приложить к ходатайству относятся: копии постановлений о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого; копии протоколов задержания, допросов подозреваемого, обвиняемого; иные материалы, свидетельствующие о причастности лица к преступлению, а также сведения об участии в деле защитника, потерпевшего; имеющиеся в деле данные, подтверждающие необходимость избрания в отношении лица заключения под стражу (сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, справки о судимости и т. п.) и невозможность избрания иной, более мягкой, меры пресечения (например, домашнего ареста, залога или запрета определенных действий) (ч. 3 ст. 108 УПК РФ). [5]

Наиболее частым первоначальным решением суда при рассмотрении ходатайства органов расследования о применении заключения под стражу является решение о продлении срока задержания (на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения для представления дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, см. п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ). [6] Так районными судами в 2024 году откладывалось рассмотрение ходатайств на срок до 72 часов — более 1,8 тыс., или 2,0 % от всех рассмотренных по существу, в 2023 году 2,0 тыс., или 2,1 %. [1] Таким образом можно сделать вывод о том, что суды в основном тщательно подходят к рассмотрению вопросов о применения наиболее строгой меры пресечения.

При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований УПК РФ.

Основные положения о рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу содержатся в ч. 3–10 ст. 108 УПК РФ. Ходатайство судья рассматривает единолично. Срок рассмотрения — в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд. При этом обязательно участие в судебном заседании:

- прокурора;
- защитника (обязательно при наличии оснований, предусмотренных в статье 51 УПК РФ). Так при рассмотрении вопроса о заключении под стражу в отсутствие самого лица обязательно участие защитника. В силу ч. 2 ст. 49 УПК РФ в стадиях досудебного производства по уголовному делу в качестве защитников допускаются только адвокаты;

— подозреваемого или обвиняемого (в том числе путем использования систем видео-конференц-связи). Исключения: в случае объявления обвиняемого в ме-

ждународный и (или) межгосударственный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ); обвиняемый скрылся от суда (ч. 2 ст. 238 УПК РФ), при условии, что данный факт с достоверностью установлен судом; психическое состояние обвиняемого, находящегося на стационарной судебно-психиатрической экспертизе, исключает его личное участие в судебном заседании, или при наличии иных документально подтвержденных обстоятельств, исключающих возможность доставления обвиняемого в суд (ч. 13 ст. 109 УПК РФ); при рассмотрении уголовного дела в суде вышестоящей инстанции, когда осужденный, должным образом извещенный о дате, времени и месте судебного заседания, отказался от участия в заседании суда, который избирает эту меру пресечения.

В судебном заседании вправе также участвовать законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель, потерпевший, его представитель, законный представитель, которые вправе довести до сведения суда свою позицию относительно избрания, продления, изменения, отмены меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, а также обжаловать судебное решение.

Неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства, за исключением случаев неявки обвиняемого. (ч. 4 ст. 108 УПК РФ). В связи со сложившейся судебной практикой рассмотрения данных ходатайств лицо, заявившее ходатайство обязательно принимает участие в судебном заседании и излагает мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможность избрания иной меры пресечения. Также стороны имеют право задать имеющиеся у них вопросы к следователю/дознавателю, заявившему ходатайство.

В судебном заседании не подлежат исследованию и оценке вопросы о доказанности вины, квалификации действий, допустимости и достаточности доказательств, однако, избрать меру пресечения в виде заключения под стражу суд может только после проверки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению.

Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т. п.) (п.2 Постановления Пленума Верховного суда № 41).

При решении вопроса по мере пресечения в суде исследуются также данные, характеризующие личность лица, в отношении которого заявлено ходатайство: паспортные данные со сведениями о регистрации по месту

жительства либо пребывания, семейное положение, наличие иждивенцев, трудоустройства, характеристики с места жительства и работы, сведения из ГИАЦ о сущимостях, сведения о привлечении к административной ответственности, состояние здоровья как самого лица, так и его близких родственников, подтвержденное медицинскими документами и т. д. Суд должен убедиться, что у подозреваемого, обвиняемого не имеется тяжелых заболеваний, при наличии которых невозможно назначение меры пресечения в виде заключения под стражу. [7] Перечень характеризующих материалов не является исчерпывающим. При необходимости стороны имеют возможность приобщить необходимые, по их мнению, характеризующие материалы, для избрания судом, либо отказе в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Таким образом реализуется принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, закрепленный с статье 15 УПК РФ.

Верховный суд Российской Федерации в Постановление Пленума № 41 подробно излагает чем должны руководствоваться суды при решении вопросов, связанных с мерой пресечения в виде заключения под стражу.

Так, отсутствие у подозреваемого или обвиняемого места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации при отсутствии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, не может являться единственным основанием, достаточным для избрания в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом отсутствие у лица регистрации на территории Российской Федерации может являться лишь одним из доказательств отсутствия у него места жительства или места пребывания, но само по себе не является обстоятельством, дающим основание для избрания в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу. При решении вопроса о наличии или об отсутствии у лица места пребывания должны учитываться положения закона от 25 июня 1993 года № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [8] и Федерального закона от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». [9] Отсутствие у подозреваемого или обвиняемого документов, удостоверяющих его личность не свидетельствует о том, что его личность не установлена.

При разрешении ходатайств об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу во всех случаях должен обсуждаться вопрос о возможности применения иной, более мягкой, меры пресечения.

При рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу учитываются также обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 99 УПК РФ: тяжесть преступления, подозрение (обвинение) лица в совершении преступления с применением насилия или угрозой его применения, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его

возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (например, подозрение (обвинение) лица в совершении преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании; поведение лица после преступления, в совершении которого оно подозревается (обвиняется), в частности явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, заглавливание причиненного в результате преступления вреда).

В начале заседания судья объявляет, какое ходатайство подлежит рассмотрению, и разъясняет явившимся в судебное заседание лицам их права и обязанности. Затем прокурор либо по его поручению лицо, возбудившее ходатайство, обосновывает его, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица (ч. 6 ст. 108 УПК РФ).

По результатам рассмотрения ходатайства судья выносит постановление: 1) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, с указанием продолжительности периода содержания под стражей и дату его окончания (за исключением случаев нахождения лица в международном и (или) межгосударственном розыске); 2) об отказе в удовлетворении ходатайства; 3) при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста.

В случае удовлетворения ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу следователь, дознаватель принимает меры по передаче несовершеннолетних детей подозреваемого (обвиняемого), других иждивенцев либо престарелых родителей, нуждающихся в постороннем уходе на попечение родственников или других лиц либо помещению в соответствующие детские или социальные учреждения (ч. 1 ст. 160 УПК РФ), принимает меры по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемого (обвиняемого). (ч. 2,3 ст. 160 УПК РФ).

При отказе суда в удовлетворении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подозреваемый, обвиняемый подлежит немедленному освобождению из-под стражи, за исключением случая избрания судом меры пресечения в виде залога.

В постановлении судом дается оценка обоснованности подозрения в совершении лицом преступления, а также наличию оснований и соблюдению порядка задержания подозреваемого, содержащегося в статьях 91–92 УПК РФ; наличию предусмотренных ст. 100 УПК РФ оснований для избрания меры пресечения до предъявления обвинения и соблюдению порядка ее применения; законности и обоснованности уведомления лица о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ; соблюдению порядка привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения, регламентированного главой 23 УПК РФ.

Вне зависимости от того, в какой стадии судопроизводства суд принимает решение, в обязательном порядке при вынесении постановления излагает мотивы принятого решения; указывает почему нельзя избрать более мягкую меру пресечения; приводит исследованные в судебном заседании конкретные обстоятельства, обосновывающие избрание меры пресечения в виде заключения под стражу или продление срока ее действия доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств. При этом в постановлении суда не должно содержаться формулировок о виновности лица.

Сроки содержания под стражей предусмотрены ст. 109 УПК РФ, исчисляются сутками и месяцами. Течение срока начинается в день заключения лица под стражу на основании судебного решения об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения. Истекает срок в 24 часа последних суток срока независимо от того, приходится ли его окончание на рабочий или нерабочий день. В срок содержания под стражей засчитывается время задержания лица в качестве подозреваемого, применения таких мер пресечения как запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, домашний ареста, время принудительного нахождения в медицинских организациях, оказывающих медицинскую или психиатрическую помощь в стационарных условиях, по решению суда, а также время содержания под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации.

Срок содержания под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца. При необходимости в случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до 2 месяцев этот может быть продлен судьей районного суда или гарнизонного военного суда до 6 месяцев. До 12 месяцев срок содержания под стражей может быть продлен только в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела. Когда все следственные действия по делу проведены, однако срок содержания под стражей заканчивается, в соответствии с ч. 7 ст. 109 УПК РФ суд вправе продлить срок содержания обвиняемого под стражей до окончания ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами уголовного дела, только если материалы уголовного дела предъявлены им для ознакомления не позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей (6, 12, 18 месяцев), однако 30 суток для ознакомления с материалами уголовного дела им оказалось недостаточно. Продление срока содержания под стражей свыше 12 месяцев рассматривает судья Верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, автономной области, округа, окружного (флотского) военного суда.

Ходатайство о продлении срока содержания под стражей должно быть представлено в суд не позднее чем

за 7 суток до его истечения. В постановлении о возбуждении пред судом ходатайства о продлении меры пресечения в виде содержания под стражей излагаются сведения о следственных и иных процессуальных действиях, произведенных после избрания меры пресечения или последнего продления срока содержания под стражей, причины, по которым эти действия не были произведены в установленные ранее сроки, а также основания и мотивы дальнейшего продления срока содержания обвиняемого под стражей. При этом недостаточно только лишь одной необходимости дальнейшего производства следственных действий.

Судья не позднее чем через 5 суток со дня получения ходатайства выносит постановление:

1) о продлении срока содержания под стражей на необходимый срок с указанием даты, до которой продлевается срок содержания под стражей. Суд вправе продлить содержание под стражей на меньший срок, чем указано в постановлении о возбуждении ходатайства. Продление срока содержания под стражей для ознакомления с материалами уголовного дела в случае допускается каждый раз не более чем на 3 месяца;

2) об отказе в удовлетворении ходатайства и освобождении обвиняемого из-под стражи. При этом судья по собственной инициативе вправе избрать меру пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста.

Постановление судьи направляется лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, подозреваемому, обвиняемому или потерпевшему и подлежит немедленному исполнению (ч.8 ст. 108 УПК РФ) а также разъясняется порядок обжалования. Согласно ч.1 ст.389.3 УПК РФ жалоба либо представление на постановление суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подается суд, вынесший постановление.

Таким образом, мера пресечения в виде заключения под стражу — широко распространенная мера пресечения, применяемая на основании постановления судьи, которая призвана обеспечить надлежащее поведение лица, в отношении которого ведется уголовное судопроизводство, способствует соблюдению разумных сроков расследования уголовного дела и последующего его рассмотрения судом, тем самым способствует скорейшему восстановлению социальной справедливости и защите интересов потерпевшего.

Законодательство Российской Федерации в области применения меры пресечения виде заключения под стражу не стоит на месте, так законодатель регулярно совершенствует институт применения данной меры пресечения, о чем свидетельствуют регулярные поправки уголовно-процессуального законодательства. В частности, последние изменения внесены в уголовно-процессуальный кодекс 28 февраля 2025 года. [11] Кроме того, в настоящее время на рассмотрение Советом Государственной Думы внесен законопроект № 301930-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской

Федерации» (в части ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу), которым предлагаются внести изменения в ч. 1.1 ст. 108 и изложить ее в следующей редакции: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения при отсутствии обстоятельств, указанных в пунктах 1–4 части первой настоящей статьи, не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, в случае если ни одно из преступлений, в совершении которых подозревается или обвиняется лицо не предусматривает применение насилия или угрозу его применения. Данное положение не применяется, когда одним из преступлений,

в совершении которых подозревается или обвиняется лицо являются любое из преступлений, предусмотренных статьями 133–135, 150, 151, 159.6, 185.3, 185.6, 186, 187, 187 193.1, 200.5, 200.7, 201–201.3, 205–212.1, 222–223.1, 226, ч.ю 3 ст. 228, 228.1–229.1, 231, 232, 234, 240.1, 242.1, 242.2 Уголовного кодекса, а также главами 28, 29, 30, 31, 32 Уголовного кодекса Российской Федерации». Постоянные изменения законодательства в области применения меры пресечения в виде заключения под стражу не перестают привлекать внимание исследователей к данной теме, что делает ее актуальной как на сегодняшний день, так и в последующее время.

Литература:

1. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: официальный сайт: <https://cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения 13.11.2025)
2. Данные из открытого источника «Судебные и нормативные акты РФ» <https://sudact.ru/regular/doc/nJxUbv9DysLw/> (дата обращения 13.11.2025)
3. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 07.04.2025, с изм. от 23.10.2025) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7270/ (дата обращения 13.11.2025)
4. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 41 от 19 декабря 2013 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 24 мая 2016 № 23, от 11 июня 2020 № 7 и от 27 мая 2025 № 1) КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения 13.11.2025)
5. Давлетов А. А. Заключение под стражу как мера пресечения, применяемая к лицу, представляющему угрозу для общества. А. А. Давлетов, Н. В. Азарёнок. — DOI 10.33184/pravgos-2024.3.16. Правовое государство: теория и практика. — 2024. — № 3. — С. 140–147. (дата обращения 13.11.2025)
6. О. В. Качалова Лишение свободы без произвола механизма обеспечения обоснованности заключения под стражу: изменения продолжаются. Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights)» (выпуск 5) («Развитие правовых систем», 2019. КонсультантПлюс. (дата обращения 13.11.2025)
7. Постановление Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 (ред. от 23.06.2025) «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» (вместе с «Правилами медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений»). КонсультантПлюс. https://www.coNо sultaNо t.ru/documeNо t/coNо s_doc_LAW_109436/ (дата обращения 13.11.2025)
8. Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25.06.1993 № 5242-1 (редакция от 13.12.2024 года). Консультант плюс. https://www.coNо sultaNо t.ru/documeNо t/coNо s_doc_LAW_2255/
9. Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 31.07.2025г.). КонсультантПлюс. https://www.coNо sultaNо t.ru/documeNо t/coNо s_doc_LAW_61569/ (дата обращения 13.11.2025)
10. Федеральный закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28 февраля 2025 года № 13-ФЗ. КонсультантПлюс. https://www.coNо sultaNо t.ru/documeNо t/coNо s_doc_LAW_499971/ (дата обращения 13.11.2025)
11. Законопроект № 301930-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу). Система обеспечения законодательной деятельности. Официальный сайт: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/301930-8> (дата обращения 13.11.2025)

Вовлечение несовершеннолетних в сбыт наркотических средств в условиях цифровизации: социально-психологические и уголовно-правовые аспекты

Попова Виктория Андреевна, студент;

Мурадов Андрей Андреевич, студент

Научный руководитель: Вишневецкая Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируется проблема вовлечения несовершеннолетних в незаконный сбыт наркотических средств, актуализированная повсеместной цифровизацией и трансформацией преступных схем. Рассматриваются ключевые социально-психологические детерминанты, делающие подростков уязвимыми для криминального влияния, а также особенности уголовно-правовой квалификации данных действий.

Ключевые слова: несовершеннолетние, сбыт наркотиков, вовлечение в преступную деятельность, информационные технологии, уголовная ответственность.

Современная криминологическая обстановка характеризуется не только ростом числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, но и качественным изменением структуры преступности, в частности, активным вовлечением в нее несовершеннолетних. Особую тревогу вызывает участие подростков в незаконном обороте наркотиков, который представляет прямую угрозу национальной безопасности. Как справедливо отмечает Е. О. Филиппова, криминологические исследования допандемийного периода не в полной мере отражают современные реалии, где наркопреступники активно используют компьютерные технологии для вербовки и организации своей деятельности [5, с. 37]. Информационная глобализация и цифровизация общественных отношений, со слов Е. В. Роговой, предоставили преступникам «новый, эффективный способ вовлечения несовершеннолетних как в употребление, так и сбыт наркотических средств», с чем сложно не согласиться. Отметим, что это требует переосмыслиения как причинного комплекса данного явления, так и мер противодействия ему.

Ключевым фактором, способствующим вовлечению подростков в преступную деятельность, является их социально-психологическая уязвимость. Исследования, посвященные вовлечению несовершеннолетних в экстремистские преступления, выявляют детерминанты, которые в полной мере применимы и к сфере наркобизнеса. Так, И. А. Антонов и А. А. Кульпин указывают, что «целый ряд психологических предпосылок формирует уязвимость личности несовершеннолетних к манипулятивному влиянию деструктивной информации». К таким предпосылкам относятся когнитивная ригидность, неспособность к критическому анализу, эмоциональная лабильность и неустойчивая самооценка, обуславливающая потребность во внешних «опорах» для поддержания целостности Я-концепции [1, с. 64]. Преступные вербовщики эксплуатируют эти особенности, предлагая подросткам иллюзию легкого заработка, статус в опре-

деленной среде, принадлежность к группе и простое решение их материальных или психологических проблем. Зачастую подростков из разных социальных слоев объединяет один фактор — чувство одиночества и отсутствие авторитетных взрослых, что делает их легкой добычей для уличного влияния и криминальных предложений.

Развитие информационных технологий кардинально трансформировало механизмы вовлечения и совершения преступлений. Если ранее для этого требовался личный контакт, то сегодня вербовка, инструктаж и контроль осуществляются дистанционно через мессенджеры и социальные сети. Это создает у несовершеннолетнего ложное чувство безопасности и анонимности. Е. В. Рогова отмечает, что информационные технологии обеспечивают скорость обмена информацией, анонимность, возможность онлайн-оплаты запрещенных веществ, исключающей непосредственный контакт продавца и покупателя. В свою очередь отметим, что подростки, получая информацию о заработке на размещении наркотиков в тайники («закладки»), вступают в анонимную переписку с кураторами, которые используют методы социальной инженерии и психологического давления. Алгоритмы социальных сетей, создающие так называемые «пузыри фильтров», лишь усугубляют ситуацию, отсекая альтернативные точки зрения и нормализуя в сознании подростка преступную деятельность как вариант «работы».

Уголовно-правовая квалификация вовлечения несовершеннолетних в сбыт наркотиков имеет свои особенности. Общая норма, предусматривающая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, содержится в ст. 150 УК РФ [4]. Однако сбыт наркотиков является самостоятельным тяжким или особо тяжким преступлением, ответственность за которое по ст. 228.1 УК РФ наступает с шестнадцати лет. В правоприменительной практике возникают две основные ситуации. Первая — когда для сбыта используется лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности (14–15 лет). В этом случае, как указывает Е. В. Рогова, со-

деяние подпадает под признаки посредственного причинения, где несовершеннолетний используется как «средство совершения противоправного деяния», а совершеннолетний организатор несет полную ответственность как исполнитель по соответствующей части ст. 228.1 УК РФ [3, с 115]. Вторая ситуация — когда вовлекается подросток, достигший 16-летнего возраста. Здесь действия совершеннолетнего вербовщика образуют совокупность преступлений: по ст. 150 УК РФ и как соучастника (организатора, подстрекателя) сбыта наркотиков по ст. 33 и ст. 228.1 УК РФ. Сам несовершеннолетний при этом подлежит уголовной ответственности как исполнитель по ст. 228.1 УК РФ.

Практическое воплощение этой схемы наглядно иллюстрирует апелляционное определение Московского городского суда от 19 ноября 2024 года по делу № 10-20960/2024 в отношении несовершеннолетнего Н. С. Вагина [2]. Из материалов дела следует, что осужденный познакомился с вербовщиком по имени «Р.» через мессенджер «Телеграмм» и согласился на предложение работать «закладчиком», так как «нуждался в деньгах». В его обязанности входило получение оптовой партии наркотиков, их последующая раскладка в тайники, фотографирование места с указанием координат и отправка отчета куратору. За каждую закладку ему обещали 700 рублей. Данное дело является типичным примером, демонстрирующим, как финансовая уязвимость и использование анонимных цифровых платформ становятся ключевыми элементами вовлечения молодых людей в наркобизнес.

Уголовно-правовая квалификация таких действий является однозначной и крайне суровой, что подтверждается делом Н. С. Вагина, действия которого были расценены как девять эпизодов покушения на сбыт наркотиков

организованной группой (ч. 3 ст. 30, п. «а,г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ). Несмотря на пресечение его деятельности сотрудниками полиции, выполнение объективной стороны преступления, в частности размещение наркотиков в тайниках, формирует оконченный состав покушения. При назначении наказания суд учел ряд смягчающих обстоятельств, т. е. молодой возраст, признание вины, активное способствование расследованию и семейное положение, что позволило назначить срок ниже минимального предела. Тем не менее, итоговое наказание в 11 лет и 6 месяцев лишения свободы в колонии строгого режима демонстрирует неотвратимость сурового наказания. Показательно, что апелляционная инстанция изменила приговор лишь в технической части, уточнив применение ч. 2 ст. 69 УК РФ, что не повлияло на итоговый срок и лишь подчеркнуло строгую позицию судов в отношении сбытчиков наркотиков, независимо от их возраста.

Таким образом, анализ судебной практики, в частности дела Вагина Н. С., подтверждает, что вовлечение несовершеннолетних в сбыт наркотиков через интернет-платформы является распространенным и опасным явлением. Сочетание социально-психологической уязвимости подростков и анонимности цифровых коммуникаций создает благоприятную почву для преступных вербовщиков. Уголовный закон и судебная практика реагируют на это крайне жестко, квалифицируя действия «закладчиков» как особо тяжкие преступления и назначая длительные сроки лишения свободы, лишь незначительно смягчаемые с учетом возраста и личности виновного. Безусловно, это требует усиления профилактической работы, направленной как на правовое просвещение молодежи о последствиях такой «работы», так и на формирование у них устойчивости к криминальным соблазнам.

Литература:

1. Антонов И. А., Кульпин А. А. Вовлечение несовершеннолетних в преступления экстремистской направленности: социально-психологическая детерминированность и вопросы противодействия // Образование. Наука. Научные кадры. — 2024. — № 3. — С. 62–67.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 19 ноября 2024 года по делу № 10-20960/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/f6005670-a64b-11ef-baac-5bf30b37ecb3> (дата обращения: 06.10.2025).
3. Рогова Е. В. Вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в условиях информационной глобализации // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2023. — Т. 14. — № 2 (52). — С. 112–117.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
5. Филиппова Е. О. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков // Наркоконтроль. — 2024. — № 2. — С. 35–37.

Феномен наёмных убийств: криминологический и психологический портрет исполнителя

Потапенко Елена Ивановна, студент

Научный руководитель: Шпак Алёна Алексеевна, преподаватель

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Статья посвящена анализу центральной фигуры в структуре наёмного убийства — исполнителя преступления. Целью настоящей статьи является криминологический и психологический анализ личности исполнителя наёмного убийства. На основе научной литературы, документальных фильмов, некоторых материалов уголовных дел были рассмотрены основные криминологически и социально значимые характеристики личности киллеров.

Ключевые слова: преступление, наёмное убийство, заказное убийство, исполнитель, личность преступника, психологический портрет, киллер.

При анализе существующих подходов к понятию «наёмное убийство» можно столкнуться с множественными проблемами. Чаще всего проблемой является именно мотив исполнителя, а именно характер связи с заказчиком. С. В. Бородин больше склоняется именно к связи наёмного убийства с исключительной корыстной материальной составляющей — вознаграждением [1]. Но такое определение, по мнению Ю. В. Быстровой, оставляет вне рамок понятия множество случаев, когда исполнитель действует в обмен на какие-либо услуги, покровительство, прощение долга либо же из личной заинтересованности (родственные связи, идеологическая или групповая солидарность) [2].

Более широкая трактовка понятия «наёмное убийство» даётся Л. Я. Драпкиным, который делает акцент именно на умышленном характере такого преступления, совершаемом по поручению третьего лица, но и это определение нельзя назвать наиболее полным и точным [3].

Можно сказать о том, что максимально подробной и правильной можно назвать такую трактовку понятия «наёмное убийство», которая будет включать в себя:

1) субъективную сторону — умышленное преступление, совершенное из побуждений личной заинтересованности либо материальной выгоды;

2) объект — жизнь заранее определённого, конкретного человека;

3) объективную сторону — совершённое по поручению третьего лица — заказчика;

4) субъект — исполнитель (возможны посредники, пособники).

Таким образом, «наёмное убийство» (заказное убийство) — это умышленное преступление, подразумевающее лишение жизни конкретного человека, совершающееся из личной заинтересованности либо материальной выгоды исполнителем, по поручению третьего лица — заказчика.

Однозначно ответить на вопрос о востребованности наёмных убийств в настоящее время трудно, так как в век цифровизации и информационных технологий происходит трансформация данного вида преступления, а не его полное исчезновение, ведь сама по себе функция

устронения человека как способа разрешения конфликтов не пропала.

Связано это, в первую очередь, с тем, что сильно возросла роль даркнета: заказы ищут и размещают на закрытых запрещённых форумах, используя криптовалюту для анонимной оплаты услуг исполнителей наёмных убийств, что явно затрудняет выявление и расследование самого факта найма.

Это подтверждают данные Следственного Комитета Российской Федерации [4]. В 2021 году услуги киллеров начали оплачиваться криптовалютой [5]. Именно по этой причине множество случаев заказных убийств остаются незамеченными и нераскрытыми, что существенно осложняет установление действительной криминогенной обстановки.

Таким образом, можно говорить не о снижении востребованности, а о смещении спроса с открытого рынка криминальных услуг в 90-х годах — в сферу организованной преступности в скрытном информационном пространстве в настоящее время.

Также важно обратить внимание на криминалистически значимые признаки наёмного убийства. Такими признаками будет являться совокупность особенностей самого события преступления, которые в своей взаимосвязи указывают на его заказной, спланированный характер. Такие признаки можно разделить на несколько групп:

1) Признаки, которые связаны с жертвой наёмного убийства:

— целенаправленный характер — жертва заранее определена, убийство направлено именно против неё, чаще всего находится в конфликте или противостоянии с заказчиком убийства;

— наличие у жертвы «опасных» связей и её социальный статус — жертва чаще всего является лицом, занимающимся деятельностью, порождающей конфликт интересов в деловой или профессиональной сфере, что может мотивировать заказ на неё.

2) Признаки, которые связаны с подготовкой к наёмному убийству:

— предварительный сбор информации о жертве, слежка за ней;

— выбор места и времени убийства — обеспечение максимальной уязвимости жертвы и минимальные риски для самого исполнителя;

— присутствие на месте преступления следов «выживания» жертвы — оставление использованного оружия, боеприпасов, средств передвижения на месте преступления, попытка запутать следствие поддельными уликами.

3) Признаки, которые связаны с поведением и личностью исполнителя наёмного убийства:

— тщательная подготовка и навыки — безупречное владение оружием, преследование и слежка, часто указывают на опыт исполнителя в силовых структурах, вооруженных формированиях или криминальной среде;

— использование огнестрельного оружия;

— знание слабых мест жертвы — исполнитель знает где, когда и с кем появится жертва, где она любит проводить время, знает весь распорядок дня;

— маскировка — умение перевоплощаться, использование средств скрытия/изменения внешности, использование средств индивидуальной защиты.

На основе анализа биографий известных киллеров можно выделить социальные и психологические черты личности исполнителя.

1) Саша Солдат (Пустовалов).

Пустовалов обладал уникальным для преступного мира сочетанием качеств: жестокостью, абсолютным хладнокровием и полным отсутствием рефлексии. Он не анализировал и не оценивал свои действия с моральной точки зрения.

Молниеносная реакция, способность принимать и реализовывать решения в экстремальных ситуациях за доли секунды, полное безразличие к содеянному. Убийство для него было не эмоциональным актом, а технической задачей. Хладнокровие, сохранение спокойствия и ясности ума в любой обстановке, даже при неожиданном изменении планов. Невероятная жестокость, использование крайних форм насилия (расчленение) как стандартного метода работы. Четко идентифицировал себя как «солдата» или «машину». Сказанная им фраза: «Я солдат — это моя работа» — идеально отражает его мировоззрение. Он был не злодеем по убеждениям, а результативным исполнителем, для которого был важен только результат.

2) Леша Солдат (Шерстобитов).

Леша Солдат — потомственный военный. Его вовлечение в криминальную среду не было добровольным — его подставили, после чего он был вынужден работать на ОПГ под давлением угроз, касающихся его семьи. Страх за жизнь близких заставил его подчиниться.

Обладая военным опытом и аналитическим складом ума, Алексей подходил к своим вынужденным заданиям с холодной расчетливостью. Шерстобитов использовал множество средств, чтобы скрыть свою причастность, и никогда не оставлял следов на местах преступлений.

После совершения убийств у киллера проявлялась подсознательная потребность «очиститься» — тяга к искуплению вины. Алексей искренне хотел выбраться из этой

кабалы, он воспринимал арест не как наказание, а как освобождение.

Внешне Алексей производит впечатление спокойного и собранного человека, но несмотря на внешнюю беспристрастность, он внутренне переживает за своё прошлое.

3) Александр Солоник (Македонский).

Александр Солоник с детства занимался спортом, борьбой и стрельбой. Служил в танковых войсках, его страсть к оружию появилась именно там. Своё знаменитое прозвище «Македонский» он получил за уникальную способность стрелять по-македонски, то есть сразу с двух рук, владя каждым пистолетом с высочайшей точностью. Его первое известное преступление было совершено при исполнении служебных обязанностей в милиции.

Ключевой характеристикой Солоника было обострённое, патологическое чувство собственной безнаказанности. Уверенность в том, что ему всё дозволено и что он находится выше закона, подпитывала его хладнокровие и отсутствие страха перед смертью, это чувство давало ему силы и дерзость для совершения многочисленных заказных убийств.

Все три личности — это наёмные убийцы эпохи 90-х, чей образ и методы были сформированы армейским опытом, но их цели и отношение к своей деятельности кардинально отличаются.

Сходствами в их психологических портретах являются: прошлый военный опыт, профессиональные навыки владения оружием, а также невероятное хладнокровие, методичность и высокая результативность как профессионалов в преступных группировках.

Каждый из киллеров в определенной степени выделяется некоторыми характерными чертами, а частности — их отношении к преступной деятельности.

Для Александра Пустовалова наёмные убийства — работа, техническое задание. Он позиционировал себя «машиной», идеальным бездушным инструментом для совершения ужасающих деяний.

Алексей Шерстобитов — это профессионал поневоле, преступник-жертва, чья трагичность заключалась в том, что его армейский опыт и аналитический склад ума были обращены против него самого, превратив Алексея в заложника системы.

Александр Солоник был своеобразной нарциссической «звездой» преступного мира, который воспринимал убийство не как работу и кабалу, а как сцену для реализации своего «таланта» и ощущения чувства вседозволенности и безнаказанности.

Несмотря на разные судьбы, наёмные убийцы — это, как правило, личности, обладающие особым психологическим укладом, для которых особенно характерны безэмоциональность, хладнокровие, расчётливость, повышенный уровень самоконтроля и развитые профессиональные навыки владения оружием, что часто связано с их прошлым военным или служебным опытом. Преступников объединяет способность совершения убийств

как обыденной работы, но их мотивация и внутреннее отношение к содеянному максимально противоположны.

Проанализировав личности самых известных наёмных убийц эпохи 90-х, можно выделить три разных психологических типа исполнителей таких преступлений:

- 1) «безэмоциональная машина» — Александр Пустовалов;
- 2) «преступник — жертва» — Алексей Шерстобитов;
- 3) «нарцисс-звезда» — Александр Солоник.

Многообразие психологических мотивов и побуждений лежат в основе одной и той же преступной деятельности.

Если говорить о тенденции выявления и раскрываемости такой преступности, то можно сказать о том, что в современном мире взаимодействие между заказчиком и исполнителем происходит в основном через закрытые запрещённые площадки с оплатой через криптошельки, что приводит к глобализации теневого рынка убийств, росту его латентности и существенному усложнению процесса выявления и доказывания самого факта убийства именно по найму.

Таким образом, проблема не исчезла, а только лишь стала сложнее и трансформировалась, переместившись с открытого «рынка» уличной преступности в скрытое информационное пространство — «фонд занятости» киллеров.

Литература:

1. Быстрова Ю. В. «Заказные» убийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 91–96.
2. Бородин С. В. Квалификация преступлений против жизни. М., «Юрид. лит.», 1977. 240 с.
3. Драпкин Л. Я. Убийства по найму: понятие, криминалистическая характеристика, раскрытие и расследование // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2(104). С. 35–42.
4. СК: для решения проблемы «слива» баз данных в Сеть нужен новый законодательный подход: Константин Ко-марда — о сложностях расследования киберпреступлений // ТАСС URL: <https://tass.ru/interviews/10461383> (дата обращения: 02.12.2025).
5. В СК сообщили, что киллеры стали брать криптовалюту в качестве оплаты за заказные убийства // ТАСС URL: <https://tass.ru/obschestvo/10466193> (дата обращения: 02.12.2025).

Правовые границы выражения мнения в цифровой среде: репост, лайк, эмодзи в контексте юридической ответственности

Потапенко Елена Ивановна, студент

Научный руководитель: Шпак Алёна Алексеевна, преподаватель
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Целью настоящей статьи является комплексный межотраслевой анализ правовых границ таких распространённых цифровых действий, как репост, лайк и использование эмодзи в качестве публичных высказываний и оскорблений, содержащих признаки правонарушений и преступлений.

Ключевые слова: лайк, комментарий, Интернет, репост, эмодзи, экстремизм, преступление, экспертиза.

Граница между свободным выражением мнения и уголовно наказуемым деянием в сети Интернет сегодня как никогда размыта. С одной стороны, технологические возможности для выражения мнения стали безграничными, с другой — правовые границы этого выражения оказались более жёсткими и сложными, чем в офлайн-среде. Пользователь воспринимает виртуальное пространство как зону сниженной ответственности, скрываясь за маской анонимности, часто не осознаёт, что одно его действие — будь то репост, лайк или неосторожно отправленное эмодзи — может быть расценено правоприменителем как осознанное публичное высказывание, обращённое к неопределённому кругу лиц.

Особенно важной задачей для уголовного права является противодействие не случайным и единоразовым,

а целенаправленным и злонамеренным атакам в виртуальной среде, когда субъект сознательно выходит в сеть, намеренно использует все возможности для оскорблений, вращивания ненависти, вражды и даже для публичных оправданий и поддержки экстремизма и терроризма.

Современное правоприменение формирует различные подходы к оценке основных типов цифровых действий: комментария, репоста, лайка и использования эмодзи.

В отличие от репоста и лайка, которые могут считаться опосредованными формами выражения мнения, комментарий представляет собой авторский текст, который создаётся пользователем и напрямую отражает его субъективное мнение, позицию. С точки зрения закона, комментарий, размещённый в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, подпадает под опре-

деление «публичного высказывания» или публичного призыва», если он доступен для ознакомления неопределенному кругу лиц.

Репост в правовом поле трактуется как активное действие по распространению информации и приравнивается к полноценной публикации, то есть пользователь, делая контент доступным для своей аудитории, должен нести ответственность за его содержание, как если бы он был первоначальным автором такой информации. Однако, Пленум Верховного Суда РФ прямо указывает в своём постановлении на то, что в преступлениях экстремистской направленности необходимо учитывать не только сам факт размещения такой информации, но и иные сведения, указывающие на общественную опасность деяния, в том числе на направленность умысла, мотив совершения соответствующих действий [1].

Такая логика должна иметь место независимо от численности аудитории, которая увидит репост, а также от наличия или отсутствия сопровождающего комментария, выраждающее личное отношение. Данный подход основывается на логике, что репост — это сознательный акт волеизъявления, делающий информацию публичной.

Очевидно, что в таких ситуациях необходим комплексный анализ социальной сети такого пользователя, поиск иных данных, которые прямо или косвенно будут указывать на его противоправный умысел (сохранённые изображения, видеоматериалы, отметки «Нравится», другие репосты, «друзья» и подписчики, находящиеся в той или иной социальной сети, разделяющие противоправные взгляды автора).

Лайк (отметка «Нравится») занимает промежуточную позицию. Формально он редко становится самостоятельным основанием для возбуждения дела. Однако на практике лайк может расцениваться как выражение одобрения, поддержки или солидарности с контентом. В системе доказательств он выполняет роль косвенного доказательства, формирующего общую картину взглядов, убеждений и намерений пользователя. Например, лайк под записью, содержащей оправдание теракта или одобрение действий лица, обвиняемого в подготовке террористического акта, может быть использован следствием для подтверждения наличия умысла на оправдание терроризма.

Наиболее сложным с точки зрения юридической квалификации является использование эмодзи — графических символов. Будучи многозначными символами, эмодзи сами по себе не образуют самостоятельного состава преступления или правонарушения из-за высокой степени субъективности интерпретации. Тем не менее, в конкретном коммуникативном контексте они способны кардинально менять смысл сообщения, усиливая его провокационный, оскорбительный или одобрительный характер.

Использование эмодзи в судебной практике сопряжено с рядом сложностей [2]:

1) субъективность интерпретации, которая заключается в том, что универсального подхода к толкованию

того или иного эмодзи не существует. Суды вынуждены каждый раз анализировать контекст переписки, социальные особенности её участников, их взаимоотношения и субъективное отношение к сообщаемому. Хотя возможно назначение лингвистической экспертизы для анализа переписки с использованием эмодзи, на практике суды чаще самостоятельно трактуют эмодзи, полагаясь на собственное понимание.

2) Культурные и контекстуальные различия. Значение одного и того же эмодзи может меняться в разных культурных средах. Например, в Италии характерный жест, когда пальцы собраны вместе в форме «тюльпана», служит вопросом «что ты хочешь?» или «ну?», а в Индии этот же символ означает «ты не голоден?» [3]. Даже внутри одной культуры смысл эмодзи меняется вместе с развитием интернет-коммуникации, что создаёт дополнительную неопределенность.

3) Проблемы платформенного отображения. Внешний вид эмодзи может различаться в зависимости от операционной системы или мессенджера, что существенно влияет на субъективное восприятие.

По мнению Багандовой Л. З., использование в комментариях в сети или групповых чатах только определённых эмодзи самих по себе без текстового сопровождения до или после высказываний не может расцениваться как призыв к совершению противоправных действий [4]. Высказывания должны быть конкретными и направленными, а из содержания эмодзи-переписки невозможно сделать вывод об однозначности намерений автора сообщений или комментариев. При этом использование эмодзи в публичных чатах или группах позволит право-применительным органам определить отношение лица к происходящему, тем самым установить умысел на совершение преступления.

Следовательно, правовая оценка эмодзи должна быть связана с проведением лингвистической экспертизы, которая поможет изучить эмодзи в совокупности с текстом, историей переписки и коммуникативными нормами конкретной среды. В дела, связанных с оправданием терроризма и экстремизма, её заключение должно быть доказательством, от которого зависит квалификация деяния. Экспертиза решает две главные задачи.

Во-первых, она определяет, содержит ли высказывание, включая его невербальные элементы в виде эмодзи, признаки противоправности, что включает в себя анализ на наличие одобрения или призывов к осуществлению террористической или экстремистской деятельности, утверждений, признающих идеологию терроризма правильной и нуждающейся в поддержке (оправдание), либо материалов, направленных на формирование убеждённости в её привлекательности (пропаганда), а также на наличие возбуждения вражды и ненависти, унижений или оскорблений.

Во-вторых, экспертиза исследует коммуникативные характеристики высказывания для установления его публичного характера и выявления субъективного

умысла автора. Также, устанавливается, было ли сообщение обращено к неопределённому кругу лиц (например, размещено в открытом аккаунте или группе, чате), анализируется стилистика, цели и мотивы высказывания. Именно через призму заключения эксперта-лингвиста оценивается реплика, ироничный комментарий или многозначный эмодзи как осознанное публичное действие.

Необходимо обратить внимание на то, как некоторые суды оценивают и трактуют эмодзи в уголовных, административных и даже гражданских делах.

В судебной практике по административным делам есть случай, когда женщина была оштрафована на пять тысяч рублей за использование в чате по отношению к другому лицу слова «хабалка» и эмодзи в виде клоуна. Советский районный суд счёл, что данный комментарий противоречит общепринятым нормам морали и нравственности [5].

Однако в похожем деле, судебная коллегия по гражданским делам Красноярского краевого суда в своём апелляционном постановлении указала по результатам лингвистической экспертизы, что для квалификации оскорбления необходимо, чтобы отрицательная оценка личности была выражена именно в неприличной форме — то есть открыто циничной и противоречащей общечеловеческой морали и принятым нормам общения [6]. При этом, одного лишь субъективного восприятия высказываний как оскорбительных потерпевшим недостаточно для наличия состава правонарушения.

В качестве ещё одного показательного случая субъективного толкования эмодзи судом по уголовному делу можно привести в пример приговор Ленинского районного суда г. Перми. Директор юридического агентства и заместитель начальника региональной налоговой службы были осуждены за мошенничество по ст. 159 УК РФ, вступив в сговор с целью получения взятки у генерального директора одной из компаний. Схема заключалась в следующем: после выявления налоговой инспекцией нарушений в деятельности фирмы, осуждённые предложили её руководителю за взятку, в передаче которой они выступали бы якобы посредниками, гарантировать прекращение проверки и отсутствие ответствен-

ности за выявленные нарушения. При этом передавать деньги в ведомство они не планировали, намереваясь присвоить их и поделить между собой. Когда потерпевший узнал о сговоре, он обратился в ФСБ, после чего мошенницы были задержаны. В ходе судебного разбирательства в качестве доказательства была приобщена переписка директора юридического агентства и потерпевшего, в которой фигурировал эмодзи в виде денежного мешка. Суд истолковал этот символ как прямой сигнал потерпевшему подготовить требуемую сумму денег [7].

В гражданских делах также возникают вопросы, касающиеся трактовки эмодзи. Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд в своём постановлении высказал позицию о том, что «эмодзи одобрения в обычно принятом и распространённом понимании при общении посредством электронной переписки означает «хорошо» [8].

В другом случае Второй арбитражный суд не признал эмодзи «большой палец вверх» юридически значимым действием, пояснив, что такой ответ покупателя на фотографию поставщика нельзя признать сложившейся между сторонами договора практикой уведомления о готовности товара к отгрузке [9].

Исходя из всего вышесказанного, можно прийти к выводам о том, что степень правового риска различных цифровых действий неодинакова:

— репост несёт максимальные правовые риски, поскольку трактуется как акт распространения информации, равнозначный первоначальной публикации;

— лайк занимает промежуточное положение, выступая как косвенное доказательство, подтверждающее умысел и согласие пользователя с содержанием запрещённого материала;

— эмодзи представляют собой наиболее сложный объект для квалификации из-за многозначности, трудностей в трактовке. Их правовая оценка чаще всего невозможна без анализа конкретного коммуникативного контекста при помощи лингвистической экспертизы.

Таким образом, правовые границы выражения мнения в цифровой среде определяются не типом действия, а его смысловым наполнением, коммуникативной целью и умыслом в рамках конкретного состава преступления или правонарушения.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28.06.2011 № 11 // СПС КонсультантПлюс. — с изм. и допол. в ред. от 28.10.2021.
2. Эмодзи в суде: плюсы, минусы и примеры из практики // Право.ru URL: <https://pravo.ru/story/242042/> (дата обращения: 05.12.2025).
3. Эмодзи как доказательство в суде // Институт судебных экспертиз и криминалистики URL: <https://ceur.ru/library/articles/jekspertiza/item362862/> (дата обращения: 06.12.2025).
4. Багандова Л. З. Публичные призыва к развязыванию агрессивной войны как состав преступления по российскому законодательству: дискуссионные аспекты / Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 2.
5. Решение Советского районного суда г. Красноярска от 17.06.2025 по делу № 12-738/2025 // СПС Гарант.
6. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 24.01.2024 по делу № 33-162/2024 // СПС Гарант.

7. Приговор Ленинского районного суда г. Перми от 07.07.2019 по делу № 1-144/2019 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт).
8. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 № 15АП-8889/202 по делу № А32-36944/2022 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт).
9. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 30.10.2023 N 02АП-5712/2023 по делу № А28-2634/2023 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 50 (601) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 24.12.2025. Дата выхода в свет: 31.12.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.